

Полустертые следы

РОССИЙСКИЕ ШКОЛЬНИКИ
О ЕВРЕЙСКИХ СУДЬБАХ

ПОЛУСТЕРТЫЕ СЛЕДЫ

РОССИЙСКИЕ ШКОЛЬНИКИ О ЕВРЕЙСКИХ СУДЬБАХ

(Из работ участников всероссийского исторического
конкурса старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век»)

ПОЛУСТЕРТЫЕ СЛЕДЫ

РОССИЙСКИЕ ШКОЛЬНИКИ О ЕВРЕЙСКИХ СУДЬБАХ

(Из работ участников всероссийского исторического
конкурса старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век»)

ISBN 5-93273-227-X

© Международное историко-просветительское и правозащитное
общество «Мемориал», 2006

© Совет по краеведению Российской Академии образования, 2006

© Кафедра региональной истории и краеведения и Центр
визуальной антропологии и устной истории Российского
государственного гуманитарного университета, 2006

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Этот сборник знакомит читателя с работами российских школьников, присланными на Всероссийский Исторический конкурс для старшеклассников «Человек в истории. Россия 20 век», который ежегодно проводит общество Мемориал.

Каждый год после завершения очередного конкурса выходит томик лучших работ. И эта книга — уже седьмая по счету, продолжает начатую нами публикацию создаваемой очень молодыми авторами многотомной «истории российской жизни» минувшего века.

Прежде всего, это история российской *памяти* о человеческих судьбах, об истории семей, о повседневности, ушедшей в прошлое.

Но сборник «Полустертые следы» — особенный, в нем сохранившаяся память о *еврейской* жизни в России.

Вначале (конкурс Мемориала существует с 1999-го года) еврейская тема звучала в приходящих на конкурс работах очень слабо — особенно на фоне сотен историй о представителях других национальностей бывшей империи. Но тут нечему удивляться — ведь большинство участников нашего конкурса школьники из глубокой российской провинции. А там и в самом деле — что не было уничтожено войной (в тех местах, где она прошла) — то постепенно просто исчезло: разъехались, ушли, растворились люди, разрушились здания, запустели кладбища. Кроме того (в отличие от «обычного» краеведения) изыскания по еврейской тематике мягко говоря не поощрялись властями.

Однако в последние годы (в том числе благодаря поддержке Евро-Азиатского еврейского конгресса, начиная с 2003 отмечающего лучшие работы по еврейской тематике) интерес к теме вырос, и на конкурс стало приходить все больше и больше работ, посвященных судьбам евреев России.

В 2004 году Международный исследовательский центр русского и восточноевропейского еврейства учредил специальную номинацию и призы для лучших работ по данной теме, что также способствовало повышению количества (и качества) присылаемых работ.

В момент, когда их количество превысило определенную «критическую массу» и возникла идея сборника «Полу стертые следы».

Где же отыскивают эти следы участники нашего конкурса?

Прежде всего — погружаясь в человеческие судьбы и семейные истории. Иногда и в собственной семье они обнаруживают то, чего раньше не знали — свои еврейские корни. И только тогда начинают понимать, каким огромным плавильным котлом наций и народов была Россия в XX веке:

«Что же представляет собой моя семья? Она возникла при смешении русских, евреев и греков. Среди моих предков не было никого дворянского происхождения — только крестьяне и торговцы царской России. После революции два моих прадеда стали военными, два других остались в деревне. Из четырех прадедушек — репрессировано было три (Наум Наумов расстрелян, Иван Свиридов (лагерь под Воркутой), Константин Панаитиди (высылка в Сибирь)...)» пишет Алексей Наумов (Москва).

Еврейская тема возникает чаще всего случайно — в поисках сюжетов наши конкурсанты «натываются» на интересные судьбы и, как правило, начинают работу, ничего не зная ни о евреях, ни об истории их жизни в России. Иногда «еврейская тема» — лишь один из многих эпизодов в многослойной работе. Дом Вильнера:

«Именно под таким названием вошло здание в историю города. Что же такого сделал в нем купец, ведь владел он им совсем недолго, уже в двадцатых годах здание было национализировано, и все последующие годы в нем были лишь учреждения? Обратимся к документам.

Из архивной справки: «В 1913 году Герш Мордухович оборудовал у себя во дворе дома электростанцию, начал проводить освещение и в здание учительской семинарии, которые должно было быть закончено в марте 1914 года. Уплачено им 286 рублей (из списка кредиторов семинарии)».

Еще дом представляет интерес в архитектурном плане. Хотя сказано в разных книжках о нашем городе об этом очень сухо. Как будто авторы пытались «алгеброй» своих скучных фраз проверить гармонию «внешности» дома и его значения для города» (Римма Сахаутдинова, Александр Медведев, Минусинск).

Только погружаясь в неизвестный для них исторический материал порою школьники начинают что-то узнавать и понимать — в том числе истоки нетерпимости и ксенофобии, возникших отнюдь не в 90-е, годы XX века, как сегодня утверждают многие.

В этом смысле характерна, например, работа из Пензы, которая посвящена одному из талантливейших актеров России XX века Вениамину Зускину. Изучение его «жизни и судьбы» заставляет школьницу из Пензы всмотреться в совершенно неизвестный ей пласт российской истории. В ней и еврейские беженцы первой мировой вой-

ны, которых с западных окраин России заносит в далекую Пензу, и развитие еврейской культуры после революции, и создание Еврейского Антифашистского комитета в годы войны, и взлет и падение знаменитого Еврейского театра, и нарастающий антисемитизм конца 40-х, убийство Михоэlsa и, наконец, арест и гибель Вениамина Зускина.

Гораздо чаще наши авторы обращаются к историям не знаменитых личностей. Но это реальные люди, с которыми им удалось познакомиться, прожившие порою поразительные по драматизму жизни, а главное, привлечшие наших конкурсантов своим удивительным оптимизмом, энергией, а иногда и жизненной мудростью, которой так не хватает в сегодняшней жизни.

Именно через конкретные судьбы приходят школьники к осознанию самой тяжелой страницы в истории российского еврейства — к теме *холокоста*. Ведь как ни горько это осознавать, память об уничтожении евреев фактически полностью была вытеснена из российского сознания. И здесь мы сталкиваемся не просто с «молчанием» памяти (ведь во многих случаях в конкурсных работах мы видим, как сегодня буквально все же нарушаются многие табу, связанные с войной). И, тем не менее, история гибели евреев, которая происходила на глазах их прабабушек и бабушек, в рассказах об оккупации присутствует слабо. Это понятно — даже роль наблюдателя в данном случае тяжела и не однозначна, и к тому же в последующие годы власть делала все, чтобы вытеснить эту трагедию сюжет никак не поддерживая, а даже уничтожая память о нем. Конечно главные места, массового уничтожения евреев теперь уже за пределами России, но есть ведь и российский Юг, Краснодар, Ростов, Таганрог.

И все-таки (особенно в последнее время) мы видим попытки приподнять завесу молчания, докопаться до правды и разбудить даже *взрослую* память. В таких случаях из пассивных, хоть и внимательных слушателей, наши конкурсанты превращаются в активных актеров истории.

С памятью о холокосте это происходит, и тогда, когда подростки совершенно случайно обнаруживают, что буквально *ходят* по местам массовых захоронений: это производит тяжкое впечатление и заставляет начать исторические поиски:

«Но есть еще очень больной вопрос исторической памяти. Касается он еврейских захоронений в Краснодаре. Вернемся ко второму из трех памятников, о котором вспоминает отец. Это стела высотой 5-6 метров. Стояла она на месте того самого дота, где погребены 500 евреев города, ставших первыми, кого коснулся беспощадный фашистский террор. Там умнейшие люди довоенного Краснодара, их семьи, детишки.

Памятник стоял на пересечении улиц — Солнечной и Московской. Машины были вынуждены объезжать его стороной. В начале 70-х годов, как рассказывали местные жители, стелу переставили на несколько метров в сторону. А когда в 1975 г. в Первомайской роще устанавливали мемориал жертвам фашистского террора, памятник на месте еврейского захоронения убрали вовсе. Причем, говорят, что произошло это ночью, возвращавшиеся вечером с работы, видели возле памятника два подъемных крана. А на следующее утро на том месте была лишь ровная площадка. Катаются теперь колеса автомобилей прямо по этому месту или чуть в стороне от него, мы точно сказать пока не можем, так как на этом месте следов никаких не осталось.

Как могло такое случиться? Папина знакомая сказала, что еврейская община боится поднимать эти вопросы из-за настроений агрессивной части населения и руководства края в лице «батьки» Кондратенко, печально известного своими антисемитскими выпадами. Безобразные надписи антисемитского толка не случайно «украшают» некоторые стены подземных переходов, домов» (Вадим Иванов, Краснодар). А вот то что выливаются в результате школьные каникулы, проведенные у бабушки в Белоруссии:

«Еще раньше, когда я бывала в Городке, я видела в центре деревни разрушенное здание синагоги. Мы с подружками гуляли по заросшему еврейскому кладбищу. Мне всегда казалось, что эти следы прошлой жизни хранят какую-то страшную тайну. И только теперь, после разговоров со старыми людьми, все встало на свои места. Эти развалины — немые свидетели страшной трагедии. Особенно сильное впечатление на меня произвели рассказы об уничтожении еврейского населения в местечках Городок и Турец. Мои собеседники видели это собственными глазами и их чувства, переживания, иногда и слезы невольно передавались мне. Я и раньше слышала об уничтожении евреев в войну, но масштабы трагедии еврейского народа я начала осознавать только сейчас, услышав об этом из «первых уст». А ведь некоторые мои сверстники, да и взрослые, мало знают об этих событиях и с трудом верят, что такое могло быть. Мы с мамой побывали на заброшенном еврейском кладбище, на месте гибели евреев, в краеведческом музее, обошли район бывшего гетто. Так как же здесь было, до того, как здания превратились в эти развалины?» (Снежана Караваева, Мончегорск).

Знакомство с судьбами XX века приводит наших авторов к пониманию трагического положения евреев на западных границах СССР, зажатых в тиски между Сталиным и Гитлером... Биографии тех, кто чудом уцелел в гитлеровском концлагере или гетто, чтобы потом оказаться в Гулаге — и таких историй с каждым годом все больше в нашем конкурсе. Некоторые из них помещены в этом сборнике.

Слушая и записывая рассказы своих героев наши авторы приходят порой к пониманию чрезвычайно сложных вещей, с которыми не всегда справляются и «взрослые» историки. Например, как мифологична и избирательна бывает память. Только что они слышали из уст рассказчика, что никогда он не сталкивался с так называемыми проявлениями антисемитизма. Но начинается немецкая оккупация — и мгновенно рушится миф о братстве всех советских людей, которое, как часто внушают нашим детям, распалось якобы только в перестройку.

Тем ценнее (хоть и редкие) — рассказы о спасителях, о тех, кто, рискуя своей жизнью помогал, кормил, прятал.

Не только в работах, посвященных трагическим историям периода Второй мировой войны звучат грустные ноты. Школьники пишут о гонениях и преследованиях верующих, они узнают в процессе своих исследований, что советская власть боролась не только с православием, но и с другими религиями. Они описывают, как закрывались синагоги, как ликвидировались национальные школы, как утрачивался язык и забывались обычаи.

В историях еврейских семей очень часто звучит слово «эмиграция» — разъединяются судьбы, исчезают следы. Конечно, многое утрачено навсегда, но все-таки на наш конкурс из самых разных мест приходят рассказы о постепенном возрождении еврейской культуры и образовании (этому посвящены, например, работы из Екатеринбурга). И это очень важно.

И все же нам кажется, что главный смысл участия в нашем конкурсе не только в «отыскивании следов» и... Самое главное — разрушение разного рода мифов и комплексов. И страхов, вызванных незнанием, забвением. Вытеснением.

«Теперь на склоне лет, он еще больше гордится тем, что он еврей. Он до сих пор помнит все тонкости еврейского патриархального быта и обычаи, помнит слова, которыми начинается пасхальный седер. Помнит он и погромы в том городе, где он родился. Помнит проявления бытового антисемитизма в городке Бежецк. Он многое помнит из своей большой и насыщенной событиями жизни.

И нам всем надо помнить. Помнить потому, что в наши дни антисемитизм, национализм снова набирает обороты. Депутаты Государственной Думы выступили с призывом запретить еврейские организации на территории России, издается множество черносотенных газет. А сколько домов и памятников только в Твери было осквернено надписями, призывающими к убийству «чурок» и «жидов». Так в августе 2004 года был осквернен антисемитскими надписями часовня в честь Михаила Тверского.

Сейчас в нашей стране остро стоит национальный вопрос, слово «не-русский» снова принимает враждебно-негативную окраску, во всех бедах люди предпочитают винить людей другой национальности» (Наида Алиева, Тверь).

Очень трудно пропагандировать толерантность и дружбу между народами в пространстве, где растет антисемитизм и ксенофобия. И что мы — историки можем противопоставить этой волне? К чему призвать наших школьников из российской глубинки, для которых само слово еврей в лучшем случае пустой звук, в худшем негативно окрашенный? Только к знакомству с реальными людьми и с реальной историей. И наш конкурс, мы надеемся, дает им такую возможность.

Ирина Щербакова, председатель оргкомитета Конкурса «Человек в истории. Россия XX век»

Олег Будницкий, академический директор Международного исследовательского центра российского и восточноевропейского еврейства

Семен Чарный, координатор совместного проекта «Мемориала» и Международного исследовательского центра российского и восточноевропейского еврейства

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

«ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ» ЗАЛМАНА АМДУРА

Наида Алиева

(студентка I курса

Тверского государственного технического университета

Научный руководитель *В.А. Шарипова*)

Год назад моя мама рассказала мне, что общество «Мемориал» ежегодно проводит всероссийский конкурс научно-исследовательских работ «Человек в истории. 20 век». А когда я выразила желание участвовать в конкурсе, то в Тверском «Мемориале» мне предложили ознакомиться с интересной рукописью воспоминаний. Это были воспоминания Залмана Соломоновича Амдура.

60 страниц его машинописной рукописи потрясли меня до глубины души, и мне захотелось, чтобы об этой судьбе узнали и другие.

Залман Амдур — почти ровесник XX века, и потому вся история России этого периода отражена в его жизни, в его воспоминаниях. Первая мировая война, падения царизма, гражданская война, ужасы страшного 37 года, сталинские лагеря, Великая Отечественная война — свидетелем всех этих событий стал Залман Соломонович. Участвуя в конкурсе, я решила рассказать именно о его судьбе. О судьбе еврея в России, вернее в СССР. И в этой связи меня заинтересовала еще одна тема — история еврейской общины Тверской области.

При посредничестве Тверского «Мемориала» благотворительный Центра «Хэсэд» предоставил мне материалы по истории твер-

ской еврейской общины. Эти материала собрала и обобщила Ирина Давидовна Эдельштейн, исполнительный директор «Хэсэда».

Оказалось, что еврейская тверская еврейская община довольно многочисленна, и история ее не менее интересна, чем история других тверских национальных общин. Многие люди этой общины известны и в нашей области и далеко за ее пределами, как, например, правозащитник Иосиф Дядькин или журналист Марк Майстровский. О жизни этих людей тоже можно было бы написать исследовательские работы, но я предоставляю сделать это другим. А я же хочу рассказать о человеке, который написал о своей жизни в 92 года!

История Еврейской общины в Твери

Евреи появились в Твери во второй половине XIX века. Селились они в районе бывшей Сенной площади (ныне площадь Лизы Чайкиной) на улицах Крылова, Медниковской и Гальяновой (ныне улица Пушкинская). В большинстве своем это были кантонисты, отслужившие 25 лет в царской армии, и мастеровые. Еврейская община Твери была небольшая, но богатая.

Членами ее были: лесопромышленник, купец второй гильдии, фельдшер, зубной врач, и, в основном, мастеровые — перчаточники, шляпники, сапожники, портные, часовщики, мелкие торговцы.

Важным событием в истории еврейской жизни в дореволюционной Твери стало открытие в начале XX века синагоги. Обстоятельства строительства синагоги заслуживают особого внимания. Сохранившиеся в Государственном архиве Тверской области документы позволяют воссоздать историю открытия синагоги.

Каменное двухэтажное здание синагоги на втором с востока участке по Гальяновой улице в 50-м квартале Городской части Твери появилась в начале XX века. Долгое время на месте будущего молельного дома располагались деревянные жилые дома и хозяйственные постройки. Так, например, в 1850-е гг. здесь находился небольшой деревянный одноэтажный дом губернской секретарши Надежды Федоровны Троицкой.

Не исключено, что именно она продала свою усадьбу купцу Федору Абрамовичу Пинес. В качестве владельца участка его фиксируют источники второй половины 70-х — начала 80-х годов XIX века. К концу 1880-х гг. хозяином усадьбы становится его сын Григорий Федорович Пинес.

Следует отметить, что ни Ф.А. Пинес, ни его сын так и не выстроили жилого дома, который бы выходил на красную линию

улицы. Флигель, возведенный в 1877 году на средства Ф.А. Пинес, находился в глубине усадьбы, в ее юго-восточном углу. Не изменил характера застройки участка и его новый владелец — Давид Савельевич Гинзбург. Собственником усадьбы он стал, вероятно, в начале XX века, а в 1904 году Д.С. Гинзбург решил заменить постройку 1877 года новым деревянным флигелем. При этом он традиционно оставил свободной значительную часть дворовой территории. Не исключено, что уже тогда Гинзбург предполагал занять эту часть усадьбы еврейским молитвенным домом.

Прошение о разрешении устроить молитвенный дом раввин Д.С. Гинзбург, «уполномоченный евреев, проживающих в Твери», подал в октябре 1909 года. В начале декабря 1909 года еврейская община получила разрешение на строительство молитвенного дома, и в апреле следующего года здание было заложено. 5 декабря 1911 года полицейское управление донесло губернскому правлению о завершении строительства «еврейской моленной». При синагоге существовала еврейская община (Тверское еврейское религиозное общество). В общине к 1926 г. состояло 458 семей.

Однако в условиях ужесточения сталинского режима и усиления общей государственной антирелигиозной политики в 30-е годы еврейская жизнь в Твери стремительно сворачивается. Так в 1935 г. постановлением Президиума Калининского областного исполкома была закрыта синагога. В тексте постановления говорилось, что причинами закрытия стали ходатайства Калининского горсовета, уличных комитетов и самих трудящихся евреев, а также малое число верующих евреев в городе Калинин (якобы всего 14 человек). В последующие десятилетия еврейская жизнь в городе «теплилась» в отдельных домах.

До 1987 года собирался *миньян*¹ в доме у Абрама Эльгардта. Последний раз миньян собирался на похоронах А. Эльгардта, после смерти которого, две имевшиеся в Твери Торы были переданы в дар Израилю.

Никто в конце 80-х в Твери не надеялся, что в городе возродится еврейская жизнь. Тем не менее в ходе переписи 1989 г. 1,5 тыс. жителей Твери назвали себя евреями.

В Твери всегда было еврейское кладбище. Недавно для него выделен новый участок.

Возрождение еврейской жизни в городе началось на рубеже 80–90-х годов XX века. В среде городской интеллигенции возникла идея создания еврейского культурного центра. В 1992 появились первые кружки по изучению иврита. В 1996 г. в Твери открылось представительство Еврейского агентства России «Сохнут»,

вокруг офиса которого сосредоточилась вся еврейская жизнь в г. Твери.

Был организован молодежный клуб, стали проводиться различные мероприятия. В июне 1997 г. было проведено организационное собрание Еврейской общины Тверской области, был разработан ее устав. Официальная регистрация состоялась 15 марта 1998 года. В 1999 г. была создана религиозная община. С 1998 года община организует празднования Хануки, Пурима, Песаха, Рош-а-шана. Для организации праздников снимаются специальные помещения, готовится концертная программа. На праздниках рассказывают об истории их возникновения, звучит еврейская музыка.

Праздники вызывают огромный интерес. В последний год на праздники приходит до 300 человек. С 1999 года в здании Тверской академической филармонии ежегодно проводятся фестивали еврейской культуры с лекциями о еврейской философии и литературе, концертами еврейской музыки, выставками еврейских книг. На фестивали приглашались такие коллективы, как ансамбль еврейской музыки «Мицва», театр «Шалом».

С октября 2000 г. начал работать Фонд «Хэсэд», а в апреле 2001 года у него появилось помещение.

Жизнь общины в связи с этим сразу активизировалась. Оказывая благотворительную помощь, сотрудники Хэсэда старались рассказать о традициях, в частности о Цдаке (справедливости, подаянии), стремясь возродить одну из самых замечательных еврейских традиций. Заходя в «Хэсэд», люди сами подходят к Цдаке, на которой написано: «Бедняк, пользующийся благотворительностью, должен, как и богач, положить в Цдаку». Когда в «Хэсэде» начала работать библиотека — сразу появились читатели самого разного возраста: старшему — 86 лет.

Пользуется популярностью клуб «Спешите услышать», который возник во время анкетирования членов общины. В клубе организуются встречи с пожилыми людьми, рассказывающими о своей жизни. Их жизненный опыт — это одновременно и история тверского еврейства. Именно благодаря проекту «Спешите услышать» я и смогла «услышать» Залмана Соломоновича Амдура.

Прочитав воспоминания Залмана Соломоновича, которые он написал в 94 года, мне очень захотелось лично с ним встретиться.

И когда мы с моим научным руководителем встретились с Залманом Соломоновичем, меня восхитил этот необычный человек. Я еще не встречала старых людей и с такой памятью, и с такой речью, и с таким совсем не старческим обликом.

Мы рассматривали много фотографий, к каждой из них Залман Соломонович и его дочь Майя относятся с особым трепетом и нежностью. Из их рассказов мы узнала и то, о чем не было написано в воспоминаниях.

Следует подчеркнуть, что рассказывал Залман Соломонович только о том, что видел и пережил лично. Он установил для себя правило, что сведений от других лиц в его воспоминаниях не будет, как бы интересны и «выигрышны» они не были. Этим рукопись Амдура отличается от многих мемуаров.

Молодые годы Залмана Амдура

Залман Соломонович Амдур родился 5 сентября 1908 года в «черте еврейской оседлости» в местечке Браславе бывшей Ковенской губернии Российской империи, а ныне Витебской области в Беларуси.

У Залмана Амдура были сводные сестра и брат по отцу — Бейла-Хасе и Хилел-Шимон, брат и две сестры по матери — Абрам, Софья и Елена, а также три брата и сестра — Яков, Лев, Самуил и Этя.

«Мой отец Соломон Самуилович Амдур (реб Шолом-Завел бен Шмуэл) был глубоко верующим, набожным евреем-хасидом, всю свою сознательную жизнь был шейхедом (шейхед — специальный человек, который имел право резать скот для набожных евреев. — Пояснение З. Амдура) и своим тяжелым трудом обслуживал еврейское население местечка (около 250 семей). По моим нынешним представлениям, он для своего времени был достаточно образованным человеком, которого уважали знавшие его...

Мою маму Анну Давидовну Амдур (Хана бас Довид) я помню, в большей степени, по рассказам братьев и особенно моей сестры Эти. Как вспоминается, это была энергичная заботливая женщина, поддерживающая в семье порядок, соблюдавшая все ритуалы, всегда в заботах и работе. За моим отцом она состояла во втором браке, первый был неудачен и закончился по инициативе матери разводом. Думаю, что бы получить разрешение на развод в то время, надо было иметь веские основания...

Продолжая рассказ о своей матери, я должен признать, что знаю о ней очень мало. В общей сложности она родила 10 детей, в том числе 7 во втором браке, в числе которых последним был я... Как мне рассказали, после моего рождения она уже не могла оправиться и умерла, когда мне было 7 лет в 1915 году»².

Первые испытания на долю Залмана Соломоновича выпали еще во время Первой мировой войны. В 1915 году на фронт ушли Яков и Лев. В это же время начались погромы в Браславе. Вот как это описывает сам Залман Соломонович:

«Еврейское счастье» Залмана Амдура

15

«В наше местечко нагрянули донские казаки и драгуны, как позднее я понял, чтобы очистить прифронтовую полосу... от евреев. Они бесчинствовали, пьяные врывались в дома евреев и, угрожая оружием, требовали водки, охотились за молодыми девушками и унижали верующих евреев. Не избежал их глумления и мой отец. К нам в дом ворвались двое: молодой чубастый казак и солдат-драгун. Казак приставил к горлу отца обнаженную шашку, которой до этого он перерубил веревки, связывающие наши вещи (мы ожидали подводы, готовились к эвакуации). Требовал, угрожая перерезать отцу горло, водки, которой у нас никогда не было. На помощь отцу бросилась моя сестра. Этя, шестнадцатилетняя девушка, видимо, пришлось по вкусу негодяю, и он с отца переключил внимание на нее.

Сестру спасла очень хорошая русская женщина (ее в нашей семье звали христоносицей), она очень хорошо понимала еврейскую речь, обслуживая еврейские семьи, включая и нашу, по субботам. Христоносица увела казака и драгуна из нашего дома, и мы были спасены».

Совсем скоро Залман Соломонович и вся его семья, стали беженцами, вынуждены были покинуть Браслав. Сначала они остановились в городе Друя, где проживала Бейла-Хаси (сестра по отцу) вместе с мужем и двумя детьми. В Друе опять пришлось столкнуться с проявлением антисемитизма.

«Нас еще раз посетили злые недруги евреев (слово «еврей» они не признавали, «жиды» — вот наша кличка) — казаки. Ворвавшись поздно вечером, угрожая спалить дом вместе с нами, они потребовали к утру испечь для них какое-то немыслимое количество хлеба. Чем это кончилось — я не помню».

По окончании праздников «десяти дней скорби», которыми и была вызвана остановка в Друе, семья отправилась в Бежецк к Елене (дочь матери от первого брака) и ее мужу — Самуилу Иосифовичу Гольдштейну. Самуил Иосифович был человеком умным, добрым, образованным. Волей судьбы Залман прожил в семье сестры 7 лет.

«По отношению к нам он проявил огромную заботу. Кроме крова и хлеба насущного он пристроил Самуила в помощь приказчику в своем магазине головных уборов. Сестра Этя ухаживала за нашей тяжелобольной матерью и помогала старшей сестре по уходу за ребятами, а их было трое...Хуже всего было отцу и мне. Мы с ним посещали синагогу, молились и читали молитвенники. Особенно плохо было мне. Я не знал ни одного русского слова. Общаться мог только на идиш...

Несчастье и большое горе подкралось незаметно: в декабре 1915 года... скончалась мама. Я стал сиротой. После похорон отец был приглашен в город Кашин, в котором не было шейхеда, и кошерное мясо им приходилось приобретать в других городах. В Кашин отец забрал меня и сестру Этю. Наше пребывание там было недолгим, сначала вернулась в Бежецк

Этя, а вскоре и мы с отцом. Заработок отца был настолько скудным, что жить на него было невозможно»

Отец, которому в то время было 69 лет, вскоре уехал на родину. Уезжая из Бежецка, он обещал вернуться за детьми. Но вскоре Браслав был оккупирован немцами, и граница закрылась. Так Залман потерял родителей, и теперь целиком зависел от милости родственников и чужих людей.

Очень тяжело пришлось Залману Соломоновичу в Бежецке. «Местечковый плохо воспитанный мальчишка», не знавший ни одного русского слова, оказался в непривычной обстановке. Первой фразой произнесенной на русском языке, была: «Ты меня люблю?!»

«Возвращаясь ко времени, когда отец уехал из Бежецка в Буй, я остался на попечении семьи Гольдштейн, которые всерьез занялись моим воспитанием. На моем горизонте появилась весьма одиозная фигура! Ее звали Софья Борисовна Иоффе... Позже я узнал, что она была профессиональной революционеркой, отбывала заключение в каторжной тюрьме и после освобождения отбывала ссылку в Бежецке. Молодая, высокообразованная, с хорошо поставленным голосом, она собирала всю ораву ребятишек, водила с ними хороводы, распевала песни, учила русской грамоте, серьезно занималась моим воспитанием...»³

В 1916 году Залман был принят в первый класс Бежецкого реального училища.

«В школе мне было очень плохо. Учителя за редким исключением, терпеть меня не могли. К доске не вызывали, а «двойки» и «единицы» ставили систематически. Единственная «пятерка» у меня была по немецкому языку. Еще тройки мне ставил учитель истории, молодой человек, окончивший университет и хороший знакомый моей сестры Эти».

Об этом периоде жизни мы расспрашивали Залмана Соломоновича при личной встрече.

Вопрос: Тяжело ли вам было в школе?

Ответ: У меня не было формы, внешне я был страшный. Представьте себя: рыжий, одет очень плохо, у меня были обноски от знакомых.

Вопрос: Встречались ли вы с проявлением антисемитизма в тот период?

Ответ: Понимаете, надо войти в дух того времени. Был лютый антисемитизм. Евреи в реальное училище могли поступить только по процентным нормам. А так как я был беженец, меня принимали вне нормы... В понедельник и четверг, два раза в неделю первый урок был закон Божий. Приходил бежецкий батюшка. Он вел у нас урок. Он приходил, все вставали, и начинали читать

молитву. Потом он говорил: «Евреи, изыди». Я выходил... Я обязан был стоять около кабинета за дверью 45 минут. В школе был инспектор, из больших дворян, по фамилии Оболенский. Он сзади незаметно подходил и говорил: «Что? Стоишь, еврей?.. Ну стой, стой!»... Два раза в неделю была это пытка...

Тем не менее, не сразу, но Залман смог приспособиться к новой жизни. А в 1917 году вернулись с фронта братья Залмана.

«Вернулся живым с фронта мой брат Лев, ставший трехкратным георгиевским кавалером и в погонах старшего унтер-офицера. Стало известно, что также живым с фронта вернулся и брат Яков, который вскоре появился в Бежецке. Он решил перед отъездом в Браслав к отцу повидать нас.

Грянула и Октябрьская революция. Начались аресты, конфискации... Семью Самуила Иосифовича Гольдштейна выселили из дома. Хозяин дома, купец, вместе с семьей исчез.

Мы все оказались на окраине города в доме, как оказалось, принадлежавшем еврею Ольшери Якову.

Хронологию событий того времени я не запомнил, но сами события сохранились хорошо в моей памяти. А события шли непрерывной чередой. Анархистов прогнали, к власти пришли большевики. Неожиданно для меня им оказался и мой брат Лев, но он вскоре был исключен из партии за брак, оформленный по еврейскому религиозному обряду.

Не стало реального училища, появилась трудовая школа на новом месте, в помещении бывшего духовного училища. Появились новые учителя...

Я выросл, учился все лучше и лучше, начал много читать, познакомился с великими русскими писателями, но с религией не порывал, ходил в синагогу, молился...

Годы Гражданской войны запомнились мне долгими стояниями в очередях за хлебом и продуктами, что входило в мои обязанности. Также на меня было возложено и многое другое: мыть посуду, убирать квартиру, топить печи, колоть дрова, носить воду и тому подобное...

Все круто изменилось, когда семья Гольдштейн в полном составе в 1922 году... переехала в Петроград. Меня не взяли, и я остался на попечении своего брата — Льва Соломоновича Амдура. Началась совершенно новая жизнь.

На новой квартире я занимал отдельную комнату, там делал уроки, домашних обязанностей почти не было. Изредка нянчился с племянником... Учился я неплохо. Писал грамотно, лучше владел речью, потихоньку забывал еврейский язык, и все меньше соблюдал религиозные правила...

В нашей квартире появились новые, до сих пор мной не виденные и не знакомые не только по внешнему облику, но и по содержанию бесед и разговоров, люди. Это были ответственные партийные и советские работники, в последствии занимавшие высокие посты и, конечно, трагически погибшие в сталинской мясорубке. Например, Чудов — секретарь Бежецкого укома партии большевиков и переведенный в Ленинград вторым секретарем обкома партии, где первым секретарем был С.М. Киров. Я мог

бы назвать и других, почти такого же ранга работников, но Чудова называл потому, что именно он дал мне впервые рекомендацию для вступления в комсомол, куда меня приняли в 1922 году. Синагога, тфилин⁴ и седе⁵ были отложены навсегда...»

В 1923 год, состоялся переезд в Тверь, где брату Льву предоставили квартиру в связи с переводом на ответственную работу в Губпрофсовет.

«В Твери я оказался в наполовину вросшей в землю полуподвальной двухкомнатной квартире, бывшем торговом помещении фирмы швейных машин «Зингер», с огромным зеркальным окном, в доме на углу улиц Трехсвятской и Семионовской. В этой квартире мне достался никем не использованный уголок за шкафом в проходной на кухню. Соседями по общей кухне, черному и парадному входами, оказалась семья бывшего начальника охраны Троцкого — Челова-Хварова».

По рекомендации комсомола Залману удалось устроиться рабочим прядильной фабрики «Пролетарка», учеником на прядильной машине.

«В то время была жуткая безработица. Это было в июле 1924 года. Попасть на работу было великим счастьем, но для меня это чуть не стало так называемым «еврейским счастьем». Дело в том, что мне не исполнилось тогда 16-ти лет, и по этой причине меня на фабрику не хотели принимать...»

Вскоре я узнал, что на бывшей Морозовской фабрике евреям было запрещено работать. Так гласил устав этого предприятия. Оказалось, что я был первым евреем-рабочим этого предприятия. Рабочие и администрация приняли меня неплохо, видя мою дисциплинированность, убедились в моей грамотности и культурности, в моем быстром освоении профессии. Я вскоре стал чувствовать себя совершенно свободно и полностью вжился в новую обстановку.

Заработок мой был ничтожным: мне платили в день 56 копеек плюс 5 рублей квартирных и бесплатная баня. Жить я продолжал у брата, но вскоре мне представился случай уйти, и я им воспользовался».

В мае 1926 года произошла встреча, которая круто изменила всю его жизнь. Он познакомился с Марусей, Марией Ивановной Першиной, своей будущей женой и верной подругой.

«В тот вечер, оторвавшись от компании, уединились в темную аллею, долго разговаривали, знакомясь друг с другом. Конечно, я ее проводил до дома... Это было не совсем крестьянское жилье. Он был 2-х этажный, нижний этаж — кирпичный, верхний — деревянный».

Залман и Маруся стали часто встречаться.

«Я узнал, что Маруся училась в гимназии, имела среднее образование. Наравне с другими членами семьи работала в поле, помогала матери в

домашних делах, ухаживала за скотиной: не часто, но приходилось доить коров...

Я узнал, что ее отец, пожилой человек, Иван Петрович, был наследственным крестьянином и набожным христианином, прихожанами был избран церковным старостой...»

Эта семья была патриархальной в полном смысле этого слова, со своими сложившимися устоями и традициями. В семье было 6 детей, и Мария была младшей из них.

Вскоре Залман узнал, что Мария собирается выйти замуж за одного из своих поклонников, курсанта Тверского кавалерийского училища.

«Это известие было для меня не из приятных, и я, набравшись храбрости, не надеясь на успех, предложил ей отказаться от этого намерения и выйти замуж за меня! Это было дикое нахальство. В свои неполные 18 лет, фактически бездомный, полуголодный, без твердого заработка, комсомолец, еврей, замахнулся на этакое!...

Каково же было мое удивление и радость, когда она согласилась и сказала, что все будет хорошо...Мы договорились встретиться в загсе, никого не предупреждая, 21 сентября 1926 года. Мне тогда было 18 лет и 16 дней».

Зарегистрировав брак, Мария решила познакомить Залмана со своей семьей. В этот день праздновали праздник Пресвятой Богородицы. Мария сразу же повела своего мужа к большому праздничному столу.

«Обращаясь к родителям, она назвала меня и объявила, что я ее муж. По лицам сидевших за столом ее родителей, 3-х старших братьев и 2-х сестер, а также и других родственников, я понял, что все ошарашены этой новостью.

Однако меня пригласили за стол, стали угощать. Постепенно наладился разговор, и застолье пошло своим ходом, но чувствовалось огромное напряжение. Муж старшей сестры Варвары, оказался бухгалтером ситцевой фабрики «Пролетарка» У нас оказались общие знакомые, и мы разговаривали. Все внимательно слушали мои рассказы о фабрике, видимо, оценивая меня. После застолья, поблагодарив хозяев за гостеприимство, мы с Марусей поднялись наверх в ее комнату, куда следом за нами пришли ее старшие братья. Они угощали меня пивом. Я был очень осторожен, понимая, что хотят понять, что за гусь забирается в их гнездо.

Вскоре пришла мать Маруси, пожилая женщина, примерно 65 лет от роду, и, выпроводив всех, кроме нас, молодоженов, сказала навсегда запомнившиеся мне слова:

«Ты нам не люб, но раз тебя выбрала Мария, ты теперь наш. Не обижай ее». И, заплакав, ушла».

Но, женившись, Залман продолжал еще три месяца жить отдельно от Марии. Часто встречаться с женой мешала сменная

работа. Ко всему прочему Залман занимался еще и общественной работой.

«В декабре этого же года я получил на производстве очень серьезную травму. Я нес большую охапку катушек с ровницей, когда почувствовал сильный удар в верхнюю часть ступни левой ноги, и был пригвожден к полу. Мы на фабрике все работали босиком, иначе было нельзя: жара и скользкий пол.

Ко мне подбежал прядильщик и каким-то чудом вытащил из моей ноги огромный гвоздь. После оказания мне медицинской помощи меня с забинтованной ногой на заводском транспорте отвезли домой...

Дали знать как-то о случившемся моей жене. Она пришла вместе с подругой...и твердо заявила, что забирает меня к себе. Приехал на лошади ее брат Дмитрий, и, завернув меня в тулуп, погрузил в розвальни и привез меня в дом родителей. Пришла теща, мать Маруси, сняла икону и сказала: «Живите с богом. Комната ваша, трудно будет, в обиду не дам».

И именно с этих слов простой русской женщины, семья Марии пусть и не сразу стала и для Залмана настоящей семьей.

«Мы прожили вместе 64 года, хотя мои знакомые и родственники нашему браку дали срок не более 6 месяцев, но мы их обманули».

Именно родственники Марии приходили Залману на помощь в трудную минуту.

После женитьбы Залман получил повышение на работе, через полтора года родилась дочь Майя, а его приняли в ВКП(б).

Однажды секретарь парторганизации предложил Залману отправиться на учебу в Москву. Там же в Москве он прошел первую партийную «чистку» 1929 года.

«А случилось вот что: выступил на заседании комиссии после моего выступления и ответов на вопросы, один старый прядильщик и заявил, что я сын раввина и при поступлении в партию скрыл это. Это было тягчайшим обвинением. Я категорически отрицал, рассказав о тяжелом труде отца на войне. Все было напрасно. Было назначено расследование, взят мой московский адрес.

Я вернулся оплеванным. Рассказал все в партийной организации, и мне дали возможность учиться до окончания следствия, часто в дальнейшем напоминая о необходимости ускорения представления результатов проверки и исхода чистки Я поехал попросить ускорить разбор моего дела...

При повторной «чистке» с меня были сняты все обвинения, и мне вернули партбилет с отметкой о прохождении чистки».

Во время учебы в Москве Залман получал не только технические знания по текстильному производству. Бывал в музеях, в театрах и с тех пор полюбил оперу. Но спокойной жизни у него не было.

Весной 1931 года повесткой его пригласили явиться по неизвестному адресу. Такие же повестки получили и несколько его сокурсников. Как явствовало из повестки, явка была обязательной, а уклонение грозило исключением из института.

«Мы явились. Как оказалось, это было отдаленное место в Москве. На каком-то пустыре находилось здание, похожее на сарай, нас встретил человек в военной форме, проверил по списку, провел в «сарай», в котором оказался подземельный бункер. Нам открылся длинный коридор, хорошо освещенный, с множеством выходящих в него дверей.

Нам объяснили, что мы пройдем тщательный медицинский осмотр, после чего по его результатам будем направлены в военные училища. Оказалось, что мы были отобраны приезжавшими в институт большими начальниками.

Каждому было предъявлено постановление-приказ. В моем было сказано: «направить в школу НКВД», и подпись: нарком Ягода... Меня забраковали, спасло плохое зрение, а главное — болезнь сердца... Меня отпустили. Остальных товарищей по учебе я больше не видел...»

Летом 1932 года Залман защитил «на отлично» дипломный проект и получил назначение на должность технического руководителя фабрики «Красная Звезда» в город Ржев. Затем ему была предложена должность начальника планово-производственного отдела на Серпуховской котонинной фабрике.

Пять лет пролетели быстро. Залман стал прекрасным специалистом, успешно справлялся с делами на фабрике, прошел новую «чистку» партии в 1933 года. Тем не менее, он постоянно находился под бдительным оком НКВД.

Этот роковой 1937 год

В тот год «... стала меняться атмосфера взаимоотношений. Начались на фабрике аресты ни в чем не повинных, на мой взгляд, работников, с которыми соприкасался постоянно в работе. Объяснение о причинах их ареста краткое: «враги народа». Подняли голову и мои недруги. Неожиданно был обвинен в помощи «врагу народа» директор фабрики Чистяков, честнейший человек, исключен из партии и снят с работы. На партсобрании начали компанию и против меня».

Залмана перевели на работу в город Александров. Проработав на новом месте чуть больше 3 месяцев, он был арестован, вместе со всеми руководящими техническими работниками еврейской национальности.

«Сознаюсь, что я тогда не понял, что это идет выполнение сталинского планомерного процесса истребления еврейской интеллигенции. Не буду

описывать всех тех издевательств, пыток, избиений и оскорблений, которым я подвергся за 9 месяцев пребывания в застенках НКВД, в руках «чекистов»-палачей, отмечу лишь то, что так и не восстановилась моя правая рука, искалеченная самодельной «дыбой» изувера-самоучки.

Кое-что я начал понимать, когда следователь во время «допроса» называл меня «жидовской мордой»...»

Нас во время встречи с Залманом Амдуром заинтересовал тема антисемитизма в годы репрессий.

Вопрос: Сталкивались ли вы до этого с проявлением антисемитизма?

Ответ: Знаете, нет, напрямую не сталкивался. Следователь, обозвавший меня «жидовской мордой» был такой один.

31 декабря 1938 года закончилось так называемое следствие. Две недели Залману пришлось провести в камере смертников, так как была серьезная, «расстрельная» статья: шпионаж.

Во время следствия по делу отца, Майю удочерил муж сестры Марии Ивановны и она, хоть и на время, стала Окоренковой. Мария прекрасно понимала, что девочке, дочери «врага народа», придется очень тяжело, и на всякий случай предприняла такие меры.

В этой ситуации, на мой взгляд, с лучшей стороны проявили себя и сестра Марии, и ее муж. Они, не побоялись возможных обвинений в помощи «врагу народу» и этим морально поддерживали семью Амдуrow. А это в те годы, можно было расценить как мужественный поступок.

А 4 мая 1939 года начался путь Залмана Амдура «по этапам и каторжно-смертельным лагерям сталинских изуверов». Первые 13 месяцев ему пришлось провести в Норильске. Там было все: болезни, плохая одежда, изнурительная работа, пронизывающий холод, даже в помещениях, где иногда во время сна примерзали к стенам барака волосы.

В эти годы Залмана поддерживало сознание того, что в Твери его ждет семья. Разумеется, Залман не мог поддерживать постоянную связь с близкими. Еще во время следствия ему иногда передавали передачи, где, в основном, были кусок мыла и пара белья.

Попав в лагерь, Залман целый год не получал ни одной весточки из дома.

Произвол начальства также не облегчал жизнь каторжников. Но все же даже в самых забытых богом местах находятся добрые, порядочные люди. Были в лагерях встречи с известными людьми, но запомнились встречи с теми, с кем установились дружеские отношения.

Именно с таким удалось познакомиться Залману. Звали его Николай Николаевич Остренко, врач-терапевт лагпункта. Именно благодаря ему, Залмана из-за его частых болезней вывезли на «материк», после чего он оказался в Мариинском отделении Сиблага.

«Когда, наконец, открылись ворота и нас загнали вовнутрь, представала мрачная панорама. На большом, огороженном высоким забором, с вышками, из которых торчали штыки винтовок караульных, пространстве рядами стояли земляные кровли бараков — землянок с печными трубами по их краям. Посредине этого пространства высилось здание, которое оказалось баней и водокачкой. Я понял, что нас приняли в лагерную помойку, где нам, как и полагается отбросам, предстоит превратиться в «лагерную пыль» (любимое выражений «чекистов»-людоедов того времени!).

Я не ошибся. Действительно оказалось, что на нарах этих землянок медленно угасали, превращенные в тени, тысячи бывших инженеров, военных, преподавателей вузов, превратившихся в инвалидов попечением наших «благодетелей»...»

В Мариинске Залман попал в рабочий барак, вскоре его назначили десятником ремонтно-строительной бригады, а спустя некоторое время и прорабом. Теперь он оказался в роли начальника, от которого зависел размер «пайки хлеба», приходилось часто встречаться с лагерным начальством, которое вскоре начало доверять «шпиону», «врагу народа».

В апреле 1941 года на пересыльный пункт прибыл Иосиф Абрамович Каттель, дважды приговоренный к расстрелу, но избежавший смерти.

«Кто же был этот Каттель? Построил в Москве дом для министерства связи, меланжевый комбинат в Иванове, был начальником строительства всего комплекса Комсомольска-на-Амуре, строил Кемеровский химкомбинат. Неоднократно встречался со Сталиным и Молотовым, был назван лучшим строителем СССР. И, наконец, после камеры смертников, прибыл к нам на пересылку. Вот такова Сталинская «благодарность» за вклад в строительство его «социализма».

Два заключенных подружились.

А потом началась Великая Отечественная война. И Каттель, и Амдур написали заявление на имя Берии с просьбой отправить их на фронт. Эти два замечательных человека искренне стремились помочь своей стране, своей Родине, которая не только не позаботилась о них, но и втоптала в грязь, обрекла на невероятные страдания. Залману Амдуру было невероятно трудно в лагере в эти годы, он мечтал попасть на фронт.

Но так же трудно было и его семье в годы оккупации немцами Твери. В начале войны умерла Екатерина Семеновна, мать Ма-

рии. По рассказам его дочери Майи им пришлось скрываться у родственников в селе Емельяново Тверской области. А когда там, в первый раз появились немцы, Мария Ивановна сожгла метрику Майи. Она боялась, что девочка с характерной внешностью и с такой фамилией, подвергнется преследованию нацистов. Спасло то, что немцы этот район оккупировали недолго и появлялись в Емельяново нечасто.

Во время встречи с Залманом Соломоновичем Майя рассказала нам, что во время оккупации Мария Ивановна повесила ей на шею мешочек с фотографией отца. С тех пор эта ранняя его фотография хранится в семье как реликвия.

Меж тем письмо двух друзей возымело свое действие, но только частично. Каттеля действительно отправили на фронт, Залману же в декабре 1942 года пришел ответ, где было сказано: «Оснований для пересмотра вашего дела нет». На словах ему добавили: «Без тебя обойдемся».

«С началом войны лагерный режим ожесточился. Было выключено радио, запрещена переписка, участились массовые обыски в бараках, газетная информация отсутствовала полностью. Резко ухудшилось питание, началось вымирание ослабленных голодом людей.

В начале мая бригада переключилась на изготовление гробов, но потребность в них настолько увеличилась, что стало не хватать материала на их изготовление, и мертвых стали хоронить не только без гробов, но и без одежды: привязывали к трупу бирку, увозили куда-то, и появлялась безымянная могила... На этом фоне начались репрессии. Было направлено на штрафную командировку в Искитим 93 человека, оттуда вернулись через шесть месяцев трое».

На пересылке не хватало даже посуды и деревянных ложек. Людям просто не из чего и не чем было есть. Тогда пригодился талант Анатолия Михайловича Должанского, заключенного, которого Залману удалось от неминуемой и губительной отправки в Норильск.

«Он когда-то занимался скульптурой и знал гончарное дело. Построили гончарный круг, заказали начальству глину, нашли подходящую, годную на изготовление гончарных изделий. Построили в мастерской печурку для обжига. Нашли гончара, и в лагере появились миски, обожженные и покрытые защитным слоем, правда, из свинцового глета. Вот так мы защищались, понимая, чтобы выжить, надо стать необходимыми...»

Залману Амдуру лагерное начальство поручило работу по ремонту поступившего в лагерь обмундирования погибших и раненых бойцов. Через два-три месяца отремонтированные вещи уже поступали на военные склады, а сотни заключенных стали получать рабочий паек.

Сороковые-пятидесятые годы

Прошли годы работы, закончилась война, наконец, удалось наладить постоянную переписку с семьей. В Мариинск приехала жена Залмана. Она, преодолев все преграды, достав деньги на билет, пропуск, смогла приехать к мужу. После стольких лет разлуки они, наконец, встретились.

«Она рассказала, как ездила вслед за мной по тюрьмам и выстаивала длинные очереди, чтобы передать какую-нибудь еду. Продукты не брали, и ее счастьем было, когда принимали мыло или пару белья. У нее несколько раз приняли деньги для меня, но я их так и не увидел. Рассказала, как ее неоднократно вызывали в МГБ, требуя отказаться от меня...»

13 июня 1946 года Залмана освободили. Он пробыл под стражей восемь лет, три месяца и тринадцать дней, пережил месяцы общения с «бессовестными негодьями из сталинской гвардии, т.н. следователями НКВД», как называет их Залман Соломонович, пережил 2-х недельный ужас камеры смертников, страшные месяцы этапов и пребывание на Норильской каторге.

Теперь он был свободен. Но эта свобода была мнимая. Куда мог пойти человек без копейки денег и без паспорта?

«Это была крепостная зависимость, похожая на положение русского крестьянства до реформы 1861 года. Надо было дожидаться нового Александра Второго!..»

В милиции вместо паспорта я получил временное удостоверение сроком на один год, по которому я беспрепятственно мог «прописаться» только на кладбище... Удостоверение было выдано на основании статьи 49 положения о паспортном режиме. Хуже этого придумать было невозможно: столицы, областные центры, промышленные зоны и многое другое для меня были под запретом»

В город Калинин Залман ехать не мог, но желание повидаться с родными пересилило. Поздней октябрьской ночью 1946 года он оказался дома, увидел самых родных, а главное уже выросшую дочь.

«Оглядевшись, я увидел печальную картину: квартира освещена огоньком коптилки — электричества нет. Поддерживать бытовые потребности на необходимом для человеческой жизни уровне удастся с большим трудом, существование полуголодное. Семья живет очень трудно...»

Разумеется, остаться жить в собственном доме Залман не мог. Тогда по совету знакомых он отправился в Фировский район Тверской области на станцию железной дороги Шлина, около которой находился в полуразрушенном состоянии лесокombинат. На этом комбинате его назначили начальником столярного цеха.

Но «власть» не собиралась забывать бывшего «шпиона». В паспортном столе отказались оформить прописку, потребовали личной встречи. Вот какой разговор произошел между Залманом и начальником милиции:

«А кто Вас сюда послал на работу?». Залман ответил.

— Мало ли что! Они посылают сюда всякую сволочь, а я отвечай и прописывай»

Сложно пришлось и дочери «врага народа», Майе Залмановне. Она хотела учиться на факультете иностранных языков, но с такой «родословной», это было невозможно. По этой причине Майя уехала в Ленинград, сдала экзамены в медико-санитарный институт, но ее не приняли, хотя баллов она набрала достаточно.

«Как же? Еврейское отчество, еврейский облик, а что по документам русская — так евреи на все способны!»

В итоге она поступила в холодильный институт, который и закончила, став инженером-механиком холодильных установок.

30 декабря 1949 года Залмана вторично арестовали, он оказался в камере предварительного заключения.

«Новый арест не был для меня неожиданным. Я отлично понимал, что при сталинском каторжном режиме, таким людям, как я, свободно разгуливать не дадут: слишком большая улика...

Вечером в тот же день меня привезли в МГБ, где, еще поднимаясь по лестнице, я увидел свою жену. Улыбаясь, я шел ей на встречу. “Как ты можешь улыбаться после такого?” — удивилась она. От нее я узнал, что в квартире был обыск, изъяли мои документы».

В начале 1950 года начались допросы. Обвинение осталось прежним: шпионаж и антисоветская агитация. Доказательства, выявленные следствием, были настолько абсурдными и противоречащими здравому смыслу, что, встретившись с Залманом, улыбался даже следователь. Вот какой разговор состоялся между ними:

«— Ну вот, следствие закончено. Вы читали дело?»

— Да.

— Как видите, почти ничего нет.

— А дальше что?»

— Ну не знаю, может быть, суд.

— За что же суд, Вы же сами сказали, что почти ничего нет.

Следователь пожал плечами и выше».

Залмана посадили в камеру, где оказались и знакомые «повторники». Неизвестно, кто автор этого слова, но оно прочно закрепилось в обиходе заключенных.

«Конечно, были периодические обыски, с унижительным раздеванием до гола... Бывал в камере и прокурор, с которым было бесполезно говорить о наших проблемах: жалобы есть? — вот и все вопросы. Где наши дела, что с нами будет? Ответ один — ждите!..

Наступила масленица, мне передали теплые блины. Только теперь, спустя 52 года, я узнал, что блины передавала моя дочь Майя. Произошел забавный случай: я стал обходить моих сотоварищей по камере, отдавая каждому по блину. Мне говорят: «Возьмите себе, а то может не хватить Вам». Я не послушал, и последний блин был мой. Нас было 13 и столько же было блинов».

20 июля 1950 года закончились многомесячные этапные мушкетеры, и Залман, наконец, прибыл к месту бессрочной ссылки. Его новым домом оказался поселок Тура, центр Эвенкийского национального округа. Самовольное передвижение вне поселка считалось побегом.

На словах было добавлено: «Карается 10 годами каторжных работ». Каждую неделю надлежало являться в МГБ на отметку. За несвоевременную явку полагался арест до 10-ти суток.

Нужно было продолжать жить, а значит необходимо искать работу. Залману предложили должность инженера-строителя на далекой Усть-Илимпейской звероферме в фактории Юхта. На этой звероферме необходимо было строить вольеры для серебристо-черных лисиц. Получив разрешение МГБ, Залман согласился. На звероферме ему пришлось жить в настоящей «хижине дяди Тома».

«В качестве пристанища нам отвели строение без входного тамбура и без крыши. Снаружи потолок был присыпан, как позднее выяснилось, тонким слоем земли. От дождя спасения не было. Внутри этого сарая стояло по разным углам четыре деревянных голых топчана. Стол, похожий на топчан, пару табуреток и закопченная плита.

Если добавить, что эта «гробница» находилась вдали от поселка, окруженная непроходимой тайгой, и выход из нее — только по узкой тропе, ведущей к берегу Тунгуски, картина была почти полной...

Я не помню, как я обзавелся постельными принадлежностями, как обстроился элементарный быт. Помню, что умыться было негде, туалета не было. Ни чашки, ни тарелки, ни ложки — ничего!..

И конечно никакого освещения в ночное время — это было в полярный день. Внутри нашего обиталища через два маленьких оконца с одинарными рамами проникал тусклый свет...

Проснуться по утрам в квартире, где за ночь успела замерзнуть вода в ведре, или сидеть за рабочим столом, когда на полу -27С, а на столе замерзают чернила, а за окном термометр с нижней отметкой -60С ничего не показывает. Так продолжали закалять характер и полую, так продолжалась нелегкая борьба за выживание».

Через 8 месяцев своей «инженерской» деятельности Залман уехал обратно в Туру, где ему предложили должность бухгалтера. Через два года ему даже была предоставлена отдельная комната в доме, где обитали вольнонаемные работники.

Осенью 1953 года в Туру прилетела жена Залмана. Мария устроилась на работу, ведь приехала она навсегда. Она не только не отказалась от своего неугодного властям мужа, но и поехала за ним в ссылку, что бы разделить все тяготы его жизни.

Во время «хрущевской оттепели», Залман написал заявление в адрес Политбюро ЦК КПСС, в котором требовал рассмотрения его дела в суде.

В итоге постановление о бессрочной ссылке было отменено, Залману выдали настоящий паспорт, но в одной из его граф была прописана статья 50-я положения в паспорте, согласно которой он не мог проживать в столицах, а также в некоторых других городах.

Таким образом, Залману и Марии теперь можно было покинуть Туру и вернуться домой, в Калинин, что и случилось в апреле 1955 года.

Реабилитация

«Началась новая жизнь! Началась новая борьба за полную реабилитацию и организацию новой жизни без тюрем и ссылок, без преследований, унижений, нечеловеческих переживаний и мучений».

Залман Амдур смог выжить в нечеловеческих условиях Гулага благодаря жизнестойкости, умению работать, и, конечно, благодаря поддержке жены и друга Марии.

И сразу же после освобождения Залман Соломонович начался бороться за реабилитацию. Еще в ссылке он посылал заявление в адрес Политбюро ЦК КПСС.

Ему удалось встретиться с начальником следственного отдела Главной Военной прокуратуры СССР полковником Ивановым. Тот сообщил ему, что проверка решений особых совещаний НКВД и МГБ по его делу выявила необоснованность обвинений.

И вот 10 августа 1955 года в приемной Военной Коллегии Верховного Суда СССР Залману вручили решение, согласно которому все постановления по отношению к нему отменены за отсутствием состава преступления.

Но еще предстояла очная встреча с партийным руководством. Залман Амдур боролся не только за юридическую реабилитацию,

но и за партийную. Тогда же в августе Залмана пригласили в ЦК, где должна была решиться его партийная судьба.

«Первое что меня поразило — во главе длинного стола, за которым сидело человек 20-25, оказался человек, которого не узнать было нельзя... Это был член Политбюро, секретарь ЦК М.А.Суслов.

Меня усадили у торца этого стола, и я оказался «глаза в глаза» с председателем.

Суслов: Что вы от нас хотите?

— Восстановления в рядах партии, т.к. оснований для моего исключения не было.

— Вы работаете?

— Нет.

— Почему?

— По двум причинам: первое — с моими документами никто меня на работу не возьмет; второе — мне и следователь не рекомендовал устроиться на работу, согласившись с моими аргументами.

— На что же вы живете?

— Моя жена, которая приехала и жила со мной в ссылке, уже работает, дочь работает.

— Какая жена?

— У меня одна жена с 1926 года, другой не было.

— Так вы ее бережете.

— Я стараюсь.

— Есть предложение восстановить т. Амдур в партии, нет возражений?

Возражений не было. Суслов: «Вы опять коммунист. Я Вас поздравляю. Билет получите в своем райкоме. До свидания». Признаюсь, из кабинета я вышел огушенный! В приемной секретарша разговаривала с моим следователем. Они мне прочитали постановление КПК по моему делу»:

«На основании изложенного установлено, что т. Амдур З.С. на всем протяжении пребывания в партии был верен ее делу, делу Ленина».

Когда позже Залмана Соломоновича спрашивали, а зачем он с таким упорством добивался реабилитации от партии, идеология которой была повинна в его мытарствах, он неизменно отвечал:

«А вы помните историю об унтер-офицерской жене, которая сама себя высекла?»

После реабилитации стал вопрос иного рода.

«Пора было подумать о возвращении в обычное человеческое общество. С чего начинать? Первым делом оказалась смена документов. Надо было избавиться от «волчьего» паспорта». Пошел в милицию. Положил ненавистный паспорт с «каиновой» записью на стол начальника паспортного стола и попросил обменять это «дерево» на паспорт. Милиционерское туловище подскочило от возмущения. Он заорал: «Как вы смеете?!»

«Смею», ответил я и положил ему под нос решение Военной Коллегии. Прочитал. Замолчал. Куда-то ушел с моими бумагами. Вернулся быстро и вежливо сказал: «Пожалуйста, зайдите через пару дней». Я ему: «Не забудьте о прописке». Не забыли. Получил новый паспорт с отметкой: «Выдан по решению Военной Коллегии Верховного Суда СССР».

Залману Амдуру удалось восстановить свое доброе имя. Он стал работать на фабрике, сначала в Александрове, потом в Твери.

«После моей реабилитации моя жена Мария Ивановна «помирилась» с моими братьями. Это, несмотря на то, что они полностью отвергли всякую ее попытку с ними общаться, не говоря уже о том, что пальцем не ударили, чтобы им как-то помочь, хотя бы подбодрить добрым словом. Я этой трусости и низости простить им не мог, а она смогла. Я внял ее уговорам и, появившись в Москве в период моих странствий по прокуратурам и судам, как-то заявился к моему брату Льву Соломоновичу.

Незабываемая встреча!!! Испуг, изумление и ни капли радости. Немного отошли, когда я им сказал, что вызван для реабилитации по советской и партийной линии.

Я пожалел их и смягчил свое отношение к ним, когда узнал о гибели их единственного сына на фронте. Разговоры, разговоры, нескончаемые оправдания, слезы и ...страх. Как же, а вдруг узнают соседи?...

Кстати, Лев Соломонович работал инструктором в Центральном Комитете профсоюзов работников металлургии. Мне было понятно, что, имея брата — «врага народа», можно было лишиться и должности, и партбилета.

И все же спасибо Марии Ивановне, что смягчила мое сердце...»

После реабилитации Залман Соломонович повидался и с другими родственниками.

Но, все же «...переступая через обиду и твердость своего характера, постепенно наладились отношения с братьями и их семьями. От них я узнал о трагической гибели моего старшего брата Якова — его вместе с женой, четырьмя детьми, родственниками жены и всеми евреями, проживавшими на нашей родине, в Браславле, немецкие фашисты живьем сожгли их, предварительно заперев их в синагогу. Такая же участь постигла семью моей сестры Белы-Хаси, которая вместе со своей семьей и другими евреями, проживавшими в Риге, были живыми закопаны в землю. Немцам помогли и латыши. Ненавижу фашистов!»

В конце 50-х гг. жизнь семьи Амдуrow понемногу наладилась. Но уже в 1961 году, в возрасте 53 лет, Залману Соломоновичу пришлось уйти с работы.

Годы репрессий не прошли даром. Залман Амдур стал инвалидом-пенсионером. Но продолжал работать на общественных началах еще 16 лет. Он стал внештатным инспектором бюро жа-

лоб трудящихся. В течение многих лет помогал людям решать многочисленные проблемы, бороться с несправедливостью настолько это было возможно в те годы.

В 1990 году Залмана Амдура постигла невосполнимая утрата — умерла Мария Ивановна, которая с юных лет была его надежной опорой в жизни. Когда они встретились в далекие в 20-е гг. XX столетия, они были такими разными, но прожили они вместе более 60-ти лет еще и потому, что у них, несмотря на все различия в происхождении, вероисповедания, культуры, было много общего.

Оба родились в многодетных семьях, и были в них младшими детьми. А сами семьи были глубоко религиозными, одна — хасидской, другая — православной.

Их семейный союз стал возможен только благодаря тому, что, судя по всему, они оба в своей жизни следовали твердым моральным принципам. И прожили свою жизнь на редкость достойно.

В Марии Ивановне Першиной Залман Соломонович Амдур нашел свое без всяких кавычек еврейское счастье, человеческое счастье.

Он называл и называет ее Марусей и говорит, что нет ни одного дня, чтобы он в течение вот уже 15 лет, прошедших со дня кончины, не вспоминал «верного друга и любимого человека»

В заключение своих воспоминаний Залман Амдур пишет:

«Всякое проявление антисемитизма всегда глубоко меня ранили, и я носителям никогда этого не прощал и не прощаю. Моей настоящей родиной была и есть Россия. Я всегда чувствовал себя ее сыном, хотя не очень часто ощущал ее родительскую любовь. Я здесь жил, любил, был любимым, был мужем и отцом... Мне не стыдно за прожитую жизнь, хотя кое-что, возможно, и следовало бы сделать по-другому. Но прошлое не вернуть...»

Послесловие

Я смогла только коротко пересказать жизнь этого удивительного человека — Залмана Амдура. В свои 96 лет он сохранил юмор, логику мышления, живую речь и прекрасную память. Он живет с памятью о сталинских репрессиях уже много лет.

Со дня полной реабилитации Амдура Залмана Соломоновича прошло много лет, но рана, нанесенная ему, так и не зажила. Ведь так сложно простить или хотя бы забыть тех, кто покалечил не только твою жизнь, но и жизнь твоих самых дорогих и близких людей. Залман Соломонович провел в общей сложности 18,5 лет в тюрьмах, лагерях, ссылках. Двадцатый век — стал для России веком насилия и нетерпимости.

Теперь, на склоне лет, он еще больше гордится тем, что он еврей. Он до сих пор помнит все тонкости еврейского патриархального быта и обычаи, помнит слова, которыми начинается пасхальный седер. Помнит он и погромы в том городе, где он родился. Помнит проявления бытового антисемитизма в городке Бежецке. Он многое помнит из своей большой и насыщенной событиями жизни.

И нам всем надо помнить. Помнить потому, что в наши дни антисемитизм, национализм снова набирает обороты. Депутаты Государственной Думы выступили с призывом запретить еврейские организации на территории России, издается множество черносотенных газет. А сколько домов и памятников только в Твери было осквернено надписями, призывающими к убийству «чурок» и «жидов». Так в августе 2004 года был осквернена антисемитскими надписями часовня в честь Михаила Тверского.

Сейчас в нашей стране остро стоит национальный вопрос, слово «нерусский» снова принимает враждебно-негативную окраску, во всех бедах люди предпочитают винить людей другой национальности.

На уроке истории читали статью о мародерстве российских солдат в разрушенных чеченских домах. Несколько учеников были этим фактом возмущены, а некоторые сказали: «Ну и что? Это ж черные!»

Неужели это обстоятельство является причиной убийств, насилия и ненависти?

Думаю, нет. Моя мама русская, а папа родился в Дагестане, он табасаранец. Поэтому моей семье также иногда приходится сталкиваться с проявлениями великорусского шовинизма. Например, когда папа устраивался на работу, его настоящее имя, Шабудин Сиражудинович, упорно игнорировали и называли Александр Сергеевич, что очень его оскорбляло.

А часто, ему, человеку, занятому в науке, часто говорят: «Понаехали тут торгаши черные!» А ведь мой папа к торговле никакого отношения не имеет. Моих сестер постоянно останавливают на улицах Москвы, только из-за «нерусской» внешности. Однажды, во время поездки за границу, мою сестру и еще одну женщину (она также родом из Дагестана) заставили выйти из автобуса вместе со всеми вещами, в то время как все остальные сидели.

Причиной такая «внимательной» проверки послужила запись в паспорте: место рождения — Махачкала. О подобных историях можно долго рассказывать и факт национальной вражды в нашем обществе нельзя отрицать. Мне бывает больно и обидно, когда знакомые говорят: «Вот эти чурки...», или: «Хорошо

все-таки, что чеченцев убивают...», «Взять бы всех черных да расстрелять».

Очень бы хотелось, что бы каждый из этих людей узнал о судьбе Залмана Соломоновича. Возможно, тогда они задумаются о том, во что может превратиться Россия, если вовремя не остановиться. О том, что антисемитизм, расизм еще ни одну страну не привел к процветанию.

Примечания

- ¹ Миньян — кворум в 10 взрослых мужчин, необходимый для общественного богослужения и ряда религиозных церемоний в иудаизме.
- ² Здесь и далее курсивом выделены отрывки из рукописи З.С. Амдура. Цитируются в строгом соответствии с подлинником.
- ³ Позже, уже в личной беседе, З.С. Амдур сообщил, что встреченный им в лагере разведчик Самолетов рассказал о том, что Софья Иоффе уже в 30-е гг. вручала ему орден. Как выяснилось, она была сотрудницей ИНО НКВД, а также руководила партийной организацией отдела.
- ⁴ Тфилин — ритуальная коробочка с отрывками из Торы, прикрепляющаяся к руке и голове.
- ⁵ Седер — ритуальная семейная трапеза в праздник Песах (иудейская Пасха).

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Ирина Плешакова, Марина Турутова

(ученицы 11 класса школы № 36, г. Пенза

Научный руководитель Н.А. Переяслова)

В апреле 2004 года на конференции «Холокост» в еврейском центре мы познакомились с журналистом, интереснейшей женщиной – Людмилой Ефимовной Эппель. За чашкой чая разговорились о ее работе, содержании ее статей, и она рассказала о своих родителях. Ее рассказ заинтриговал нас, и мы решили встретиться с этой пожилой супружеской парой, чтобы поподробнее узнать историю их жизни.

Когда мы к ним ехали, не имели даже представления, где находится их дом, и очень долго его искали. Первое впечатление от него было просто ужасающее. Этот ветхий дом был обнесен забором, за которым не было видно жилой он или нет, он был расположен на территории училища. Открыв скрипевшую калитку, мы увидели маленький дворик, в котором, как мы узнали позже, все было сделано руками жильцов: и песочница, и детские качели, и лавочки. Если честно, в это здание было даже страшно зайти, не говоря уже о том, как жить в нем. Но когда мы оказались в их квартире, перед нами предстала совсем иная картина: хотя комнатки были маленькие и небогато обставленные, они словно дышали теплом, уютом и добротой. Сразу бросалась в глаза чистота и обилие вещей, сде-

ланных хозяевами. Они относились к своей квартире трепетно и с любовью, они ей гордились.

Перед первым визитом мы очень волновались, не зная, сможем ли поддержать беседу, но даже не подозревали, что так проникнемся их судьбой, словно сами были участниками тех событий, и вопросы возникали сами собой. Идя к родителям Людмилы Ефимовны, мы рассчитывали на воспоминания ее отца, Ефима Иосифовича, а оказалось, что история жизни его супруги — Полины Яковлевны была не менее интересной.

Е Ф И М И О С И Ф О В И Ч Э П П Е Л Ь

Детство и юность

Ефим Иосифович Эппель родился 24 июня 1915 года в маленьком провинциальном городке Олевске Житомирской области, который находился за чертой оседлости. Здесь жили люди разных национальностей (русские, поляки, украинцы, евреи), но это никак не влияло на взаимоотношения между ними. Как рассказывала дочь Эппеля: «Идя по улицам, можно было услышать разговоры людей на разных языках, но все прекрасно понимали друг друга». Неважно, на каком языке ты объясняешься, какой у тебя цвет кожи, главное — те поступки и действия, которые человек совершает.

Семья Ефима Иосифовича была дружная, в ней царила любовь и взаимопонимание. Воспитанием детей занималась мать — Итта Нисельвовна, на ней держался дом, и все свое время она посвящала детям. Несмотря на то, что в семье было пять детей, у родителей не было любимчиков, они одинаково на себе испытывали теплоту, ласку и нежность своих родителей.

В этой семье главой был отец — Иосиф Хаймович. У него всегда был постоянный заработок. Иосиф Хаймович хорошо знал свою работу столяра и добросовестно ее выполнял, поэтому он никогда не сидел без дела. Когда мальчики были еще совсем малы, отец заготовил для каждого комплект столярных инструментов. Он обучал их столярному делу для того, чтобы они при любом повороте судьбы могли бы обеспечить себя. Благодаря своему отцу Ефим Иосифович после десяти классов обучения устроился инструктором по труду в столярный цех при школе.

В 1936 году в жизни молодого человека наступил переломный момент — его призвали в армию. По распределению Ефим Иосифович должен был служить неподалеку от родного Олевска — в маленьком городке Фастове, под Киевом. Его отправили в полковую школу, которую через год он окончил на отлично и стал

сержантом. Ему присвоили звание помкомвзвода (старший сержант). Параллельно с учебой занимался своими любимыми занятиями: посещал фотокружок и показывал кинофильмы в Доме Культуры. И профессию киномеханика, и фотодело Ефим Иосифович освоил сам — его всегда привлекало что-нибудь новое, он никогда не сидел сложа руки. Эппель с энтузиазмом брался за любое дело, и каждое начинание было для него интересно. Это качество еще не раз помогало в дальнейшей жизни, особенно в годы войны.

В 1939 году, получив отпуск, Эппель вернулся домой, в родной Олевск. Как-то он посетил местный Дом культуры, где проходила политинформация, на которой с пламенной речью выступала Полина Яковлевна Кулькина, работавшая в то время учительницей. Ефим Иосифович сразу же приметил эту девушку: «Маленькая, складненькая, да как еще бойко говорит». Тогда он решил с ней познакомиться, что и сделал после окончания собрания. К сожалению, мы смогли немного узнать о их знакомстве, но буквально по нескольким фразам поняли главное — трепетные чувства, которые они испытывали к друг другу в то время, не угасли и через 65 лет. Конечно, они не всем могут рассказать о своих личных отношениях, но дрожащий голос и вечно молодые глаза говорят сами за себя. Спустя некоторое время Эппель сделал предложение Полине Яковлевне, и 21 ноября 1939 года состоялась свадьба. После этого Полина переехала к Ефиму Иосифовичу в Олевск, из Турченки. Здесь она также стала работать учительницей. Но их совместная жизнь длилась недолго.

«...Она тебя спасла»

В конце этого же года началась финская война, и его мобилизовали. Полина Яковлевна, работавшая в то время в школе, отпросилась у директора, чтобы проводить любимого на вокзал.

Приехав на пересыльный пункт в город Коростень, находившийся в 80 километрах от Житомира, Эппель подал свои документы комиссии, которая решила послать его в военное училище. Но перед тем как его отправлять, спросили: «Куда хотите: на войну или в училище?». На что он ответил: «Воля ваша».

Ответ Ефима Иосифовича сыграл решающую роль в его жизни: в этой войне погибла и вся рота, в которой должен был служить Эппель, и пропал без вести брат Полины Яковлевны. Возможно, такая участь ждала бы и Ефима Иосифовича. Вернувшись домой, отец встретил его со словами: «Полина тебя провожала, и она тебя спасла». Полина для Ефима Иосифовича была всегда, как ангел-хранитель. Каждый раз, когда она его провожала, он обяза-

тельно возвращался здоровым и невредимым. Родители Эппеля всегда относились к ней, как родной дочке, они не могли и пожелать лучшей невестки.

Он окончил полковую школу пехоты, закончил ее с отличием, и ему присвоили звание младшего лейтенанта. Весной 1941 года Ефим Иосифович был призван на военные сборы в 44-ю горнострелковую дивизию, которая дислоцировалась в городе Сколе на советско-венгерской границе. Его назначили командиром взвода.

Начало войны

22 июня 1941 года началась война, но первые два дня на их участке границы враг никаких действий не предпринимал. Но за это время дезертировала почти половина дивизии из местного населения. Западная Украина вошла в состав СССР совсем недавно, большая часть ее жителей была настроена враждебно по отношению к советской власти, и наступление гитлеровских войск воспринимали, как освобождение от коммунистического рабства. Оказалось, что за эти дни «затишья», войска противника на других участках уже глубоко продвинулись на советскую территорию. Дивизия получила приказ об отступлении. Беспорядочное отступление, отсутствие централизованного командования, бегство и дезертирство.

Именно на этом этапе войны Эппелю очень пригодились знания, полученные им в училище. Отступая, солдаты находили немецкое оружие, которое и забирали себе. Однажды к ним в руки попал станковый пулемет — весьма ценная находка, ведь он, по словам Ефима Иосифовича, заменял 80 стрелков. Но вот беда: короб пулемета был пробит. Эппель не растерялся, быстро нашел что-то вроде пробки, и пробоина была ликвидирована. Простая история, ничего героического. Но такие люди, как Ефим Иосифович, младшие офицеры, от которых, казалось бы, ничего не зависело, умелыми действиями сохраняли силы и боевой дух многих солдат.

Как это было...

В семье Эппель настоящей легендой стал эпизод, случившийся в начале войны.

А было это так. Отступление продолжалось. Настроение солдат и офицеров было подавленным. Невозможно было смотреть в глаза людей, которых они не смогли защитить. Тяготы военной жизни, угрызения совести и... муки голода. Все уже позабыли о том, что такое военно-полевая кухня, кормились за счет местно-

го населения, если предложат. И вот однажды в одной из деревень, через которую отступала военная часть Ефима Иосифовича, он встретил свою землячку, приятельницу матери (их дома были совсем рядом в Олевске). Женщина пожалела молодого человека и пригласила его с товарищем поужинать. Хотя настроение солдат было совсем невеселое, говорили о том, что трудности временные, и врага, конечно же, скоро разобьют. «А давайте выпьем за это» — предложила хозяйка и поставила на стол непочатую бутылку водки. Ефим Иосифович тогда предложил: «Давайте сохраним эту бутылку, встретимся после войны и обязательно выпьем все вместе за победу». Так и решили.

Уже после войны эта женщина разыскала мать Эппеля. «Живи ли твой сын?». «Да, а что случилось?». Оказалось, что припрятанная в начале войны бутылка водки стала для украинской крестьянки настоящим талисманом. Она твердо верила, что если сохранит ее, выживут молодые лейтенанты и выпьют они все вместе за победу. Каково же было удивление, когда она обнаружила, что из бутылки в фабричной упаковке испарилась примерно треть. «Кто-то погиб» — решила она и стала разыскивать своих земляков. Самое невероятное, что товарищ Ефима Иосифовича действительно погиб через несколько недель после ужина, — подорвался на mine.

Изо дня в день

Солдаты любили и уважали Эппеля. Эппель с любым мог найти общий язык. Он ко всем имел подход и даже с командиром батальона, который был «горячим человеком» (он всегда говорил: «Не выполнишь мой приказ, расстреляю»), Ефим Иосифович мог найти «золотую середину» в их спорах.

В дальнейшем дивизии, в которой воевал младший лейтенант Эппель, пришлось прикрывать отход наших войск, оставлявших Киев. В сражении Эппеля ранили в правую руку. «В горячке боя не чувствовал боли, держался наравне со всеми», — вспоминает Ефим Иосифович. Политрук сказал ему: «Тебе нельзя продолжать бой. Ты потом раскиснешь, на руках придется тебя носить. Уйди отсюда, мы сами справимся». Младшего лейтенанта отправили в полевой медсанбат, а затем — в госпиталь. Немцы продолжали наступление, в госпитале постоянно происходила эвакуация. Начались долгие путешествия по госпиталям. С болью в сердце Ефим Иосифович оставлял родную Житомирщину, где он родился, где прошли его детство и юность. Большой радостью для него было известие о том, что буквально с последним эшелонам в тыл были эвакуированы его родители, жена с ребенком.

Встреча со своими

И встреча с родителями произошла совершенно случайно. В Свердловске, куда Эппель был направлен после госпиталя, на вокзале к нему подошла женщина, которая и сказала, что его родители в этом городе. К сожалению, ему не удалось долго побыть с близкими, потому что его жена с ребенком ждали в Семипалатинске. Поэтому Ефим Иосифович, хоть как-то обустроив быт родителей, сразу же отправился к Полине Яковлевне, которая тоже нуждалась в помощи.

В Семипалатинск он приехал ночью. На вокзале он узнал, где находится эвакупункт, и отправился туда. Он узнал, что его жена с ребенком и теща получили комнату в военной части. Было уже поздно, поэтому эвакуированные люди оставили его на ночь. «Эта ночь казалась годом». На следующий день он нашел эту комнату, от тещи он узнал, что Полина Яковлевна с ребенком лежит в больнице, но ничего серьезного не было. Потом у Эппеля начались хлопоты по обустройству нового жилья. Он обратился к начальнику Керченской военной части, и ему были выданы: стол, четыре стула, три кровати, шкаф.

В конце 1941 года Эппель встал на учет в военкомате. Он прошел комиссию, и его отправили в Омск в запасную бригаду. Через два месяца Эппеля отправили на КУКС (курсы усовершенствования командного состава). Курсы находились в Солнечногорске, под Москвой. Это были знаменитые курсы «Выстрел».

В 1942 году Эппелю присвоили звание лейтенанта и направили на Воронежский фронт командиром снайперской роты в 73 стрелковый полк 25-ой стрелковой дивизии имени В.И. Чапаева. И полк, и дивизия были гвардейские. Ефим Иосифович сам сформировал роту и стал готовить снайперов в количестве 125 человек (5 взводов).

«Мне вспоминаются наиболее интересные и яркие эпизоды действий нашей снайперской роты, когда мы стояли в обороне. На ничейной полосе обосновался немецкий снайпер, который наносил нам большой урон, — вспоминает Эппель. Командир полка перед нашей ротой поставил задачу: обнаружить и уничтожить врага. С двумя снайперами я выполз на передний край рекогносцировку. Ведем наблюдение. Чтобы обнаружить снайпера, подняли над окопом надетую на палку каску. Снайпер не заставил себя ждать. И, надо сказать, бил метко. Затем подняли шапку. Опять выстрел. Заметив, что снайпер стреляет из-за бронезащитного щитка, я приказал стрелять по нему бронебойными патронами. Немец замолчал. С наступлением темноты мой боец

пополз посмотреть результаты обстрела и в качестве трофея принес снайперскую винтовку».

Простой эпизод

Вообще, Ефим Иосифович рассказал нам много случаев из своей военной жизни, большинство из них — житейские. Казалось бы, мелкая проблема: у солдат-снайперов во время несения дежурства сильно мерзли ноги. Но мелочь это только на первый взгляд. Снайперское дежурство длилось от темноты до темноты. Лежать приходилось на земле, от холода и неподвижности ноги сводило судорогой, но любое неосторожное движение могло стоить солдату жизни. Надо было что-то делать. Но что? Ефим Иосифович нашел решение проблемы.

Недалеко от части была маленькая деревушка. Лейтенант вспомнил, что за околицей, в овраге, видел мертвую лошадь. Приказал притащить кобылу к казарме. Конину нужно было варить, а в чем? На другом конце села Эппель видел старый котел, который ночью принесли в часть. Из мяса набралось много жира, им и натирали сапоги. И лучшей благодарностью для Ефима Иосифовича были слова солдат: «Греет как печка!».

Наряду с боевыми наградами, а Ефим Иосифович награжден двумя орденами и медалями. Как бесценные реликвии хранит Ефим Иосифович фронтовые газеты, рассказывающие о боевых успехах его подразделения: «Снайперы под командованием гвардии лейтенанта т. Эппель за 10 дней истребили 97 немецких солдат и офицеров», «От снайперских пуль гвардейцев подразделения лейтенанта Эппель poleglo 699 фрицев».

В декабре 1942 года советская армия из обороны перешла в наступление на Курском направлении. 31 января 1943 года Ефим Иосифович получил сквозное осколочное ранение 3, 4 и 5-ого пальцев левой кисти с повреждением кости и находился в эвакогоспитале в городе Мичуринске Тамбовской области с 8-го февраля по 8 мая 1943 года. Ранение считалось тяжелым. В руке Эппеля до сих пор остались осколки мин. Левая сторона тела была буквально изрешечена ими. К счастью, осколок мины попал в полевую сумку и задержался в бумагах, иначе он бы срезал ногу. Его дочь, рассказывая о своем детстве, вспоминает с каким ужасом и одновременно интересом, гордостью она смотрела на руку отца, по ее словам похожую на «кисель». Эппель, как зеница ока, хранит справку, подтверждающую его рану, бередящую и военные шрамы в душе.

Другая жизнь

Врачебная комиссия признала Ефима Иосифовича ограниченно годным второй степени. Следовательно, обратно, на фронт дороги нет, а куда? Молодой человек был направлен в распоряжение Приволжского военного округа, оттуда в Пензу, где он живет и по сей день со своей семьей. В провинциальном городке он успел поработать и старшим инспектором по труду, и начальником отдела военной подготовки областного управления трудовых резервов до того, как в 1951 году он устроился в железнодорожное училище №1, которому посвятил всю оставшуюся часть своей долгой жизни. Из его воспоминаний мы поняли, что Ефим Иосифович не боится трудностей, с большой ответственностью относится даже к самым мелким делам, но его особое, нежное и трепетное отношение к училищу было невозможно не заметить. Очень трогательно наблюдать за тем, как пожилой человек рассказывает, казалось бы, об обычном учебном заведении как о родном ребенке, которому необходима забота, любовь и уход.

В это училище Ефим Иосифович вложил всю душу, многое сделал и для педагогического состава, для учеников. Эппель своими силами, ни на кого не надеясь, организовал центральное отопление, пристроил туалет в здании училища, который раньше был на улице, а на оставшиеся деньги, выделенные областным управлением, приобрел столы в библиотеку, которые оказались подарком для библиотекаря в день рождения. Мы слушали о проделанной работе, о нечеловеческих усилиях, приложенных для достижения цели, всеобщего блага, но больше всего нас поразил тот факт, что до нашего героя эти, можно сказать, насущные проблемы никого не волновали, ни один человек не пытался их решить.

В 1975 году Ефим Иосифович вышел на пенсию. Коллектив его еще долго не отпускал, ему поручили обучение помощников водителей паровозов и тепловозов. Но это и понятно, потому что невозможно представить училище без Эппеля.

В этом году Ефиму Иосифовичу исполнилось 89 лет. Но, несмотря на преклонный возраст, он полон сил и энергии.

ПОЛИНА ЯКОВЛЕВНА КУЛЬКИНА

В гостях

В гостях у семьи Эппель мы были раз шесть-семь, и каждый раз Ефим Иосифович показывал что-нибудь новое из своего личного архива (вырезки газет, документы, фотографии и т.п.). Но все же больше волновалась Полина Яковлевна и тщательно гото-

вилась к нашему визиту. Ей было очень обидно, когда она узнала, что мы интересуемся только жизнью ее мужа, даже несколько раз высказывалась по этому поводу: «Я тоже могу многое интересно поведать». Она думала, что третий наш визит будет посвящен ей, но оказалось, что Эппель вспомнил еще много достойных внимания случаев из жизни. Поэтому на рассказ Полины Яковлевны времени не хватило, и мы ей пообещали, что в следующий раз будем слушать только ее. Как она нам потом сказала, перед этой встречей она очень сильно волновалась, всю ночь не спала и думала, как лучше построить свой рассказ, чтобы «нас не утомить». Но даже тогда Ефим Иосифович, пользуясь моментом, вставлял свои комментарии, что возмущало Полину Яковлевну до глубины души: «Я нажимаю на кнопку. Ты злоупотребляешь их вниманием». Это было очень трогательно.

И тут Полина Яковлевна начала свой рассказ. Мы сразу догадались, сто эта женщина долгое время проработала учителем. Речь ее, несмотря на возраст, оставалась правильной, четкой и размеренной.

Отроческие годы

Полина Яковлевна Кулькина родилась в городе Житомире 30 апреля 1919 года. Ее мать — Раиса Давыдовна (по документам Рахиль), деревенская женщина, вышла замуж в 1918 году в разгар революции. Мама была домохозяйкой и воспитывала дочь. Отец, Яков Михельевич, по профессии был кожевником. Он редко бывал дома, работал день и ночь, чтобы прокормить семью. А когда 29 ноября 1920 года в семье появился еще один ребенок, мальчик назвали Рувин, то домашние практически не видели отца.

Полина Яковлевна помнит, что жили очень бедно, хлеб покупали на праздники. Часто приходилось голодать. В марте 1932 года в возрасте 42 лет умер Яков Михельевич, и Раиса Давыдовна совсем растерялась, оставшись одна с двумя детьми. В городе выжить было невозможно. Недолго думая, она собрала свои немногочисленные вещи и поехала с дочерью и сыном в деревню Фонтанку, к своим братьям, которые не очень обрадовались такому визиту.

Но и здесь она лучшей жизни не нашла. Чтобы иметь крышу над головой и еду, ей приходилось буквально батрачить на родственников: и гладить, и стирать, и пахать огород.

А несчастья словно сыпались на семью. В доме Полины Яковлевны произошел пожар, и им пришлось переехать в деревню Турченка. Здесь появились проблемы со школой, которая находилась за шесть километров, в соседнем селе Соколовка. В свои непол-

ные десять лет Полина уже все понимала и старалась экономить на всем, даже на здоровье. На их семью были одни мужские полуботинки. Чтобы как можно дольше их сохранить, девочка шла босиком, а ближе к школе вытирала ноги об траву и обувалась.

Но пришла зима, и ситуация обострилась. В Соколовке нашлись пожилые люди, искавшие помощницу. Полина Яковлевна стала жить у них без платы: готовила, мыла полы, носила воду, белила потолки, а по выходным навещала маму.

В школе с книжками было плохо, на шесть человек выдавался один учебник. В 10 лет она уже умела все делать. В таких семьях дети растут проворными.

Когда Полина Яковлевна закончила школу, встал вопрос о продолжении учебы. Родственники, конечно же, были категорически против, ведь пришлось бы оказывать финансовую помощь, да и рабочие руки были не лишние. Поэтому девушка продолжала жить в деревне. Вскоре произошло событие круто изменившее ее дальнейшую жизнь. В 1935 году за нее сватался старый председатель сельсовета. Посоветоваться ей было не с кем: мама была очень кроткая, робкая — «мужняя жена» (говорит о ней Полина Яковлевна). Поэтому она приняла решение сама: сбежать в город. Полина всей душой стремилась вырваться из этой кабалы, получить профессию, жить самостоятельно, вытащить из деревни, из рабского существования маму и дать «путевку в жизнь» брату. Как она потом узнала, ее дядя даже бил маму, чтобы узнать, где Полина. Они, видимо, жалели, что не удался такой выгодный брак.

Опять трудности

Приехав в Житомир в конце августа, Полина Яковлевна узнала, что везде вступительные экзамены уже закончились, и она успела поступить лишь в автодорожный техникум. Но девушка уцепилась и за эту возможность, сдав экзамены, она получила стипендию и общежитие.

Тетя со стороны отца, работавшая в горкоме комсомола, сообщила ей о том, что с сентября открываются учительские курсы в Киеве. Профессия учителя была заветной мечтой Полины. Но директор техникума не хотел ее отпускать, и стипендию она тоже не могла вернуть, потому что уже отослала деньги маме в Турченку.

Полина нашла решение проблемы. Она пришла в редакцию областной газеты, попросила самой большой лист бумаги и написала секретарю ЦК партии Украины — Постышеву. В письме она рассказала о своей жизни: «Последняя надежда только на Вас. Если окончу эти курсы, то помогу и маме, и брату». Он дал задание Киевскому обкому комсомола позвонить в житомирский гор-

ком комсомола и сказать: «Идите к директору техникума и выкопайте из него разрешение бросить техникум и деньги на дорогу до Киева». Надо отметить, что Полина Яковлевна ведь не просила пристроить ее на эти курсы, она просила дать ей возможность сдать экзамены самой. Эта возможность ей была дана, и она поступила, хоть и пропустила три месяца.

И снова появились проблемы с жильем. У Полины был дядя в Киеве, но она не стала у него жить. У него большая семья, шумная, много детей, а ей нужно было заниматься и днем, и ночью, чтобы наверстать упущенное. Поэтому она нашла старушку, которой готовила, мыла полы, но за жилье не платила.

Борьба за жизнь

В 1936 году ей дали работу в районе: преподавать украинский, русский, немецкий языки. Там она проработала до 1939 года, когда познакомилась со «своим ненаглядным» и вышла за него замуж. Она переехала к Ефиму Иосифовичу в районный центр Олевск. Здесь она сразу же оформилась в пединститут заочно. Потом поступила в Киевский институт на третий курс. Ей осталось сдать только госэкзамены, и мечта сбылась бы — получила бы высшее образование. Но началась война, ни о каком институте не было и речи. Поэтому она устроилась учителем в школу, директор которой, по ее рассказам, во время войны спас ей жизнь.

«Я не хотела уезжать из Житомира. У меня был сын, которому в то время был один месяц и пять дней. Но Григорий Матвеевич уговаривал: «Немцы жен военных убивают в первую очередь». Я согласилась».

Полина Яковлевна рассказала, как происходила эвакуация: «Мы все ехали в непокрытых машинах. На небе были только вражеские самолеты, и ни одного нашего. Постоянно раздавались взрывы, мне ничего не оставалось, как прикрывать лежащего на коленях сынишку собой. Иногда машины останавливались, все бежали в рожь и прятались там».

Руки Полины Яковлевны тряслись, голос дрожал. Было очень тяжело смотреть, как она заново переживает один из самых страшных моментов своей нелегкой жизни. У нас слезы наворачивались на глаза, а Ефим Иосифович гладил руку своей жены и старался ее успокоить, проявляя ласку и заботу. Еще очень важно то, что супруги ни разу не упоминали о своем сыне, не называли его имени. Мы не стали вдаваться в подробности, сообразив, что с ним случилось несчастье, и родителям трудно об этом вспоминать.

После Полина Яковлевна с мамой и ребенком уехала в Семипалатинск, где прожила два года. Они с мамой организовали кру-

жок кройки и шитья, чтобы учить эвакуированных офицерских жен перешивать одежду детям. И даже здесь Полина Яковлевна стала своеобразным ангелом-хранителем, но теперь она спасала не мужа от смерти, а военкома от нападок возмущенных жен: «Крыса! Ты здесь сидишь, а наши мужья кровь проливают». Он, совсем растерянный, обращался к Полине Яковлевне: «Берите с меня, что хотите, только успокойтесь». И она успокаивала. Ее учительская уравновешенность, рассудительность помогала найти общий язык даже с самыми «неугомонными особами», а если надо, она могла и прикрикнуть.

Ищу тебя...

Кстати, именно в Семипалатинск пришло известие о том, что Рувин Яковлевич пропал без вести в Финской войне. Полина Яковлевна и ее мама приложили максимум времени и усилий, чтобы найти его или его могилу, но все безуспешно. В 1966 году, перед смертью Раиса Давыдовна сказала дочери: «Ищи своего брата». Полина Яковлевна исполнила последнюю просьбу мамы и разыскивала Рувима в течение более 30 лет, и только по истечению этого срока потеряла надежду. Она даже составила график, по которому отсылала письма для розыска брата.

Вскоре Эппель приехал в Семипалатинск с ранением. Он прошел комиссию, и ему дали полгода отдыха. Оказалось, что он уже получил комнату в Пензе. Ему дали полгода отдыха, поэтому, чтобы ухаживать за мужем, Полине пришлось оставить ребенка с мамой, а самой уехать в Пензу. Здесь она устроилась в ФЗО воспитателем, а потом комсоргом ЦК. Вскоре супруги получили и вторую комнату. Прошло полгода, была еще одна комиссия, которая опять не признала Ефима Иосифовича годным, так как колено было раздроблено.

В 1945 году, когда кончилась война, Эппель перевез в Пензу тещу и сына. Полина Яковлевна искала работу учителя, но без высшего образования никуда не брали. Решив поступать в институт на исторический факультет, она получила полную поддержку со стороны мужа. Он взял на себя все домашние дела, и как говорила Полина Яковлевна, она никогда не оставалась без завтрака. Теперь каждый день утром она бежала в институт, а оттуда к двум часам на работу. Ее взяли на четвертый курс и выдали стипендию.

Окончив учебу, Полина Яковлевна устроилась преподавателем в училище. Но и тут появились трудности. Приходилось вести разные предметы, последние пятнадцать лет Полина вела политэкономиию социализма и капитализма. В первое время она спа-

ла только три часа, потому что сама изучала этот предмет. После года работы она освоилась.

Эпилог

И Полина Яковлевна и Ефим Иосифович прожили свою жизнь так, как они считали нужным, и, по их мнению, они не сделали ничего героического. На первый взгляд, это простая история, но именно она вызывает у нас восхищение.

Нам очень понравилась эта семья. Это подвижные и жизнерадостные люди, после каждой встречи с ними мы сами заряжались их неиссякаемой энергией. Каждый визит был для них праздником, они были очень рады, когда мы к ним приходили: тепло встречали, накрывали стол.

Нам было очень светло на душе от того, что мы доставляем радость этим пожилым людям. В силу своего возраста они редко теперь выходят на улицу, особенно Полина Яковлевна, ее общение с миром ограничивается двумя—тремя соседями. Как она нам сама призналась: «Вы для меня — отрада». Действительно, и Полине Яковлевне, и Ефиму Иосифовичу есть, что рассказать, есть, чему научить, что посоветовать. Мы решили, что было бы большой ошибкой не дать им возможности это сделать. Кажется бы, это простая история двух простых людей, но благодаря именно таким людям и существует наша страна, наша культура, наш народ.

ОДНА ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ СУДЬБА ЧЕРЕЗ ДВЕ КАТАСТРОФЫ

Алена Федоркова

(ученица 10 класса средней школы № 30, г. Пенза
Научный руководитель Т.Я. Алфертьева)

6 июня 1918 года в городе Чернобыле в семье шорника родился человек, повидавший в своей жизни столько, сколько не каждому дано. Зовут его Моисей Манусович Беренштейн.

В Чернобыле была тогда еврейская община, в которой полностью сохранился еврейский уклад: говорили на еврейском языке, была синагога и еврейская школа. Дополнительно в школе обучали русскому языку и иностранному. Но после еврейской школы было очень трудно учиться дальше, так как там все предметы изучали на идиш, а продолжать обучение в институтах и университетах нужно было на украинском (или русском — в зависимости от того, куда дальше пойдешь учиться), поэтому его отдали в украинскую школу. После окончания школы он поступил в Киевский стоматологический институт и благополучно окончил его.

Так как родители молодого специалиста — Манус Мардохович и Софья Абрамовна — болели, его направили на работу по месту жительства, но в Чернобыле мест не оказалось, и пришлось начинать трудовую деятельность на врачебном участке Горностапель в 15 километрах от Чернобыля. Вскоре его перевели ле-

чащим врачом-стоматологом в город Чернобыль. Именно там застало его начало войны.

Катастрофа I Война с гитлеровской Германией

22 июня 1941 года — страшная дата в истории нашей страны, но, может быть еще более страшная для евреев западных территорий Советского Союза. Они не знали, не могли даже представить себе, что их будут собирать и «организованно» уничтожать. Массовые расстрелы, издевательства и унижения, уничтожение только за то, что ты — еврей, — вот что ждало их в ближайшем будущем.

Уже после войны, вернувшись в Чернобыль, Моисей Манусович узнал, что 19 ноября 1941 года его родителей расстреляли вместе с другими жителями местечка. Свидетели тех событий рассказывали, как евреев согнали на площадь. Местное население бежало посмотреть на это зрелище, как на кино. Некоторые срывали с евреев одежду и делили ее между собой. Затем немцы приказали евреям раздеться догола, и голых их гнали через Черновцы, а за городом выстроили перед глубоким рвом...

Говорят, после того как ров засыпали, оттуда несколько дней раздавались крики, плачи, вопли, земля как бы дышала.

Одна девочка была еще живой, когда могилу закопали. Она очнулась и попыталась выбраться из общей могилы, и ей это удалось сделать.

Произошел и еще один случай, о котором не могут забыть жители тех мест, — случай, о котором невозможно не рассказать.

Жила в Чернобыле обычная семья, в которой мать была еврейка, а отец украинец. Когда началась война, и евреев стали сначала выявлять, а потом собирать для уничтожения, женщине удалось убежать с площади и укрыться. Несколько дней она скрывалась. Потом пробралась к себе домой, где оставались муж и два взрослых сына. Она ждала от них помощи, но сыновья и муж испугались за свою жизнь и донесли на нее немцам...

Но это будет чуть позже, а в первый же день Великой Отечественной войны Моисей Манусович Беренштейн, молодой врач-стоматолог из Чернобыля, был призван на военную службу во вновь сформированную часть. Долго он в ней не задержался: перебросили в другую, а оттуда — на фронт. Во время первых боевых действий был легко ранен, попал в полевой госпиталь, а через месяц был направлен врачом в артиллерийский полк противотанковой обороны. С этим полком он и воевал, и отступал.

Одна чернобыльская судьба
через две катастрофы

49

Июль, август, сентябрь, октябрь 1941 года. Тяжелейшие бои. Огромные потери. Отступление. Нарастающее ощущение бессилия и безнадежности. От круглосуточной работы в госпитале темнело в глазах, и подкашивались ноги.

Из города Обаяни в Курской области полк перебросили под Старый Оскол, а оттуда под Ростов, где шли сильнейшие бои, а город несколько раз переходил из рук в руки. В один из дней октября Ростов освободили в очередной раз. Немцы били все сильнее и сильнее, но наши выстояли, и под Ростовом стали наступать дальше.

Перед полком стояла задача: взять Матвеев Курган. При подготовке к операции проводилась передислокация войск. Были поставлены задачи и перед госпиталем.

На санитарной машине ехали: Моисей, врач Кирюхин и фельдшер госпиталя, а в кабине кроме водителя находился начальник санитарной части. На дороге встретили регулировщика, который указал, что нужно свернуть налево. Как выяснилось позже, машина должна была ехать прямо, а регулировщик этот был то ли переодетый немец, то ли военнопленный, то ли кто-то из местного населения, кого немцы заставили указывать проезжавшим ложное направление.

Буквально через 10 минут после поворота в машину попала мина, разорвало правый бок машины. Начальнику санитарной части оторвало обе ноги, он выпал из кабины мертвый, Моисей был ранен в ногу, а врача Кирюхина тяжело ранило под лопатку. Фельдшер ранения не получил. Шофер выскочил из машины, помчался прочь, и больше его никто не видел. Остальные трое побежали направо. Пробежав несколько шагов, слышали за спиной: «Рус! Рус!». Это были немцы.

Они повели их на свой пост, но так как взятые были раненные, и немцы не знали, что с ними делать, немецкие солдаты отпустили их. По дороге все трое сменяли у местных жителей свою военную форму на гражданскую одежду. Было это 3 декабря 1941 года. На пути в неизвестность наткнулись на пункт «красного креста». Там был врач поляк. Он сделал перевязку сначала Кирюхину (у него было более тяжелое ранение), а потом Моисею. Затем дал с собой бинтов и марганцовки. Они пошли дальше.

К вечеру подошли к какому-то селу, зашли в дом, хозяйка дала им поесть. В это время в дом зашел немец, о чем-то поговорил с хозяином, подождал, пока все поедят, и повел куда-то их троих.

Село Платоново Ростовской области немцы превратили в лагерь. Военнопленные размещались в нескольких сараях, которые были битком набиты.

Сначала к Бернштейну относились как к русскому офицеру, разрешали помогать раненым, поместили вместе с другими в комнате за сценой, где была ссыпана пшеница. В день выдавали по куску хлеба. Поскольку кусок хлеба не мог утолить чувство голода, жевали пшеницу. Но через 2 дня фельдшер выдал Моисея, сказав немцам, что он еврей, наверняка надеясь на какие-то поправки. И тут начались мученья.

Моисея сразу убрали из «привилегированного» помещения, перестали давать еду и воду, и начались всевозможные издевательства. Стали бить. Бить страшно, с остервенением. Каждый день.

За зданием клуба стоял деревянный туалет. Большой, мест на 10, поскольку был построен с расчетом на клуб. Туда 2 раза в день выводили пленных. Моисею и еще одному еврею, вместе с которым он находился в заточении, выдали по зубной щетке и приказали чистить ими это насквозь замороженное сооружение. Не получается щеткой — грызи зубами, облизывай. В общем, как хочешь. Работашь медленно — получай пинок! Подходил немец, тыкал в лицо сапогом!

Если не было никакой работы, заставляли перетаскивать огромные булыжники — просто так, с места на место, пока не упадешь без сил. Падаешь — удар палкой, ногами... Немцы выводили пленных и приказывали каждому помочиться на упавшего...

Пленные были разные. Одни доносили на соседа, другие тайком протягивали кусок хлеба. И немцы были разные. Однажды, изнемогая от голода, один пленный попросил хоть какой-то еды. В ответ эсэсовец стукнул палкой по голове. В этот момент другой немец подозвал беднягу и протянул ему буханку хлеба.

А однажды вывели Моисея и заставили копать яму. Он обрадовался, думал, что это конец мученьям, что его расстреляют. Уже выкопал выше колен, когда налетела русская авиация, и началась бомбежка. Все разбежались, кто куда мог. Моисей убежал тоже.

Буквально на следующий день, это было приблизительно 17 декабря, он встретил своего бывшего фельдшера и Сашу Кирюхина, и увидел, как один немец договаривается с охранниками взять людей для каких-то работ. Бернштейн воспользовался ситуацией и пристроился к колонне сзади. Кое-кто на него зашипел: мол, куда лезешь. Но все видели, как сильно издевались над ним, и потому махнули рукой: «Только молчи! Не вздумай что-нибудь прокартавить!» — сказал Кирюхин.

Группа пленных, возглавляемая фрицем, отошла от клуба, прошла охрану и шла все вперед и вперед. Моисей же повернул за угол при первой возможности.

Он шел и шел, глядя перед собой. Одна его нога была обмотана тряпкой, к другой он привязал веревкой калошу. Вдруг слышит: «Рус! Рус!» Внутри все застыло от ужаса, а сам смотрит на немца и пожимает плечами: мол, глухонемой. На счастье, Моисей увидел 3-х коров, подбиравших с мерзлой земли остатки соломы. Он замахал руками в сторону животных, давая понять, что пасет их, попросил закурить. Немец швырнул папиросу и уехал.

К вечеру Бернштейн дошел до огромного стога. Холодно. Силы кончились. Ткнулся в сено, а там полно беглых пленных прячется, и места нет. Тогда он залез на самый верх и задремал. Внезапно на 2-х мотоциклах подъехали немцы. «Рус! Рус! Ком!» — очередными прямо в стог. Никто не выходит. Тогда подожгли сено. Те, кто был внизу, стали задыхаться от едкого дыма и выскакивать. Их тут же убивали. Немцы постояли еще немного и, решив, что больше никого нет, уехали. Моисей, старик и еще мальчик с мамой — раненые, но живые — спустились с горячей соломы и поползли прочь, чтобы их не заметили. Потом пошли осторожно, обходя открытые места, и вышли к деревне. Переночевали в погребке какого-то пустующего дома.

Дня через четыре они зашли в стоящий на отшибе дом, в котором была женщина с ребенком. Она их накормила и ближе к ночи отправила дальше, указав путь к реке Миус, а оттуда к Матвееву Кургану. Беглецы знали, что там — свои.

Было около 10 часов вечера, и они пошли к реке. Около воды росло дерево — плакучая ива. Вдруг засвистели пули, стали рваться снаряды. На реке был тонкий лед, он сразу превратился в воду. Моисею терять было нечего, он зацепился за ветви ивы, спустился к реке — в воду — и поплыл. За ним поплыли мальчик и его мама, а старик остался на берегу. Вдруг мальчик начал тонуть и кричать. Бернштейн испугался и за мальчика, и за самого себя: крик мог привлечь внимание немцев, погубить их всех. Моисею удалось его вытащить, и тут они услышали немецкую речь.

Все буквально вжались в землю, прислонившись друг к другу, и так пролежали почти час, не двигаясь. Когда немцы отошли, с трудом встали, отодрали примерзшую одежду, а потом побежали. Когда Моисей услышал русскую речь («Стой, кто идет?»), у него отнялись ноги, и он потерял сознание. Его занесли в дом, раздели, натерли спиртом и дали глотнуть.

На счастье там как раз жили врачи. Бернштейн спросил про свою часть, но они точно не знали, где она находится. Уложили его отдыхать на печь, а наутро у него не было даже насморка. Вот что значит экстраординарные условия!

На следующий день пришли из НКВД и спросили, почему его, еврея, не расстреляли. Они считали, что если оставили в живых, то, значит, он шпион. И опять начались мучения. Моисея посадили вместе с дезертирами, осужденными военным трибуналом. Сначала несколько часов допрашивали, а потом отправили в Новочеркасск — с другими пленными. Бернштейна назначили старшим, дали сопроводительную, и они пошли в Новочеркасск без всякой охраны.

Дошли до Новочеркасска, где начали собирать военнопленных на базе Новочеркасской тюрьмы. Там Моисею выдали документы. Так как он врач, он снова — уже в лагере — стал работать по специальности.

Вскоре их повели на вокзал уже под усиленной охраной с собаками. Местные жители по дороге бросали куски хлеба. На вокзале их снова почти не охраняли. Многие сбежали, а Бернштейну бежать было некуда. Их отправили в спецлагерь № 240, находившийся в станице Абинской Краснодарского края, где он пробыл полгода. Жили в землянках. Из лагеря их никуда не выпускали, лишь изредка удавалось сбежать в село за продуктами питания. Продержали там до июля месяца 1942 года. Первые дни были допросы, а потом прекратились. Через несколько дней взяли на работу в санчасть. Там дали более сносную одежду и обувь. Только здесь Моисей, наконец, расстался со своей единственной калошей, верой и правдой служившей ему с момента побега.

В санчасти, в основном, лечилось начальство и их жены, а из заключенных — только те, у кого была острая боль.

После проведенной проверки — «чистки», как ее называли — Бернштейну выдали документы и направление от военкомата в Москву в Главное санитарное управление Красной армии. В Москве в течение 3-х месяцев он усовершенствовался по челюстно-лицевой хирургии в институте травматологии и ортопедии. А в 1942 году его снова отправили на фронт, в качестве полкового врача. На этот раз — на Кавказ.

Бернштейн служил в санчасти дорожно-строительного батальона в горах Кавказа. Этот батальон строил переправы, по которым переправляли раненых бойцов, оказывая им необходимую медицинскую помощь.

Именно там Моисей встретил девушку, которую знал с детства. Ева была подругой его младшей сестры, но до войны она была еще маленькая, и он не обращал на нее внимания. Там они поженились, и у них родился старший сын.

Когда немцев прогнали с Кавказа, у Моисея открылась язва желудка с кровотечением. Он попал в госпиталь, а оттуда в запас-

ную дивизию, где его назначили старшим врачом полка. Там он и закончил войну.

Через полгода Моисея сняли с учета с переосвидетельствованием, и он уехал домой в Чернобыль. Уже тогда он был инвалидом войны 2 группы.

На третий день после приезда Беренштейн уже работал в той же больнице, что и до войны, в качестве врача-стоматолога.

А через 41 год после окончания Великой Отечественной войны разразилась еще одна катастрофа: чернобыльская авария.

Катастрофа II «Чернобыль — страшнее любой войны»

«Что мы все почувствовали, когда увидели в небе над атомной станцией горячее шаровое облако, — такое же, какое мы часто видим на фото или в фильмах об испытаниях ядерного оружия? Разные были чувства. Их все можно назвать словом «ужас!» (именно так, с восклицательным знаком), но этот ужас каждый человек ощущал по-разному. Я как врач сразу представил последствия для людей. И мои невысказанные прогнозы оправдались. Врачи буквально немели, когда видели «результат этого «облачка»: обожженных и получивших прямой радиационный удар...». И тех, кто не был обожжен — «руки есть, ноги есть, ран не видно, а лицо перекошено от страданий».

Моисей Манусович рассказывал, что, пожалуй, ранило больше всего то, что смерть была невидимой: цветущие сады и полная обреченность людей: «Я уже говорил, что здесь, в районах повышенной радиоактивности, ее опасность не имела никаких внешних форм — ни цвета, ни запаха. Светило солнце, яркая синева неба над головой. И тут же, рядом, невидимый, коварный враг, несущий в себе смертельную угрозу всему живому на земле. Ни ощущения соприкосновения, ни ощущения боли... И в этом заключалась вся опасность для людей. Те, кто игнорировал предостережения, конечно же, платили за свою бесшабашность».

Говорили, что даже в Гомеле и Бресте «звенели» счетчики Гейгера, так что же было в Чернобыле, который находился совсем рядом с Припятью?

Во время аварии на Чернобыльской АС Моисея Манусовича оставили дежурным врачом, а через три месяца установили, что он получил большую дозу облучения. Он и сам знал об этом, потому что одновременно с работой читал лекции в Чернобыльском медицинском училище об атомной защите. Но всех обма-

нывали на каждом шагу, когда приезжала комиссия проверять здоровье. Даже называли меньшую дозу радиации, чем получили на самом деле.

«Могу сказать, что острая лучевая болезнь развивается после получения 100 рентген. А здесь, в районе АЭС, дозу в 12 рентген получали менее чем за две недели. И люди знали это. Знали, но продолжали работать. Беда сплотила людей. Я видел двадцатилетних парней, добровольно уезжавших в районы аварии. Я видел родителей, провожавших своих сыновей-добровольцев. И те, и другие знали, на что шли. Опасность есть опасность, вряд ли можно привыкнуть к ней. В глазах этих людей были боль, страдание, но они не давали воли чувствам».

Районы, прилегающие к АЭС, практически стали мертвой зоной. Стоят новые и старые заколоченные дома, брошенная техника. Ни людей, ни собак, ни кошек и, почему-то показалось, что и птиц-то не видать! Только сады с прекрасными огромными яблочками, которые никогда не будут есть, да полтораметровая пшеница, которую никто не уберет. Говорят, не улетели лишь аисты. Они гнездились на крышах опустевших домов и ждали возвращения хозяев. Рассказывают, как они ходили по опустевшим дворам, с осторожностью заглядывали в подъезды, как бы удивляясь: где же вы, люди?

После трехмесячного пребывания в зараженном Чернобыле, Беренштейнам, наконец, дают путевку, но не на лечение, а на юг, хотя солнечные лучи были им категорически противопоказаны. Там Моисей Манусович и Ева Ошеровна, будучи людьми грамотными, сидели в четырех стенах, совсем не выходя днем на улицу.

Затем им дали направление на проживание в г. Киев, но приехал старший сын и стал звать их к себе в Пензу, на родину жены, куда он переехал с семьей за пять лет до Чернобыльской аварии.

Когда Моисей Манусович пошел менять направление на проживание с Киева на Пензу, все были крайне удивлены.

В министерстве здравоохранения Пензы Беренштейна очень хорошо приняли и сразу дали ордер на однокомнатную квартиру. Тем самым местные власти собирались его обмануть, так как переселенцам из Чернобыля полагалось равноценное жилье, а однокомнатная квартира никак не являлась заменой пятикомнатного дома, построенного собственными руками, который они оставили в Чернобыле.

После категорического требования Моисея Манусовича предоставить ему жилье в соответствии с положенными чернобыльцам нормами, им, наконец, выделили двухкомнатную квартиру.

Одна чернобыльская судьба
через две катастрофы

55

Во время переезда из Чернобыля Моисею и его жене разрешили перевезти с собой вещи, которые находились под стеклом, либо были закрыты, но они взяли только фотографии и книги, проверяя каждую книгу на радиацию. «Книг у нас много, они наша жизнь», — сказали хозяева.

* * *

В городе Пензе Моисей Манусович Беренштейн работал до 76 лет, а общий трудовой стаж составил 57 лет. Но ни для него, ни для его жены Чернобыль не закончился. Как они живут — надо знать. Жена Моисея, Ева Ошеровна, из-за полученного облучения почти ослепла, Моисей стал тоже очень плохо видеть и после неудачно проведенной операции ослеп на один глаз. В данный момент у семьи Беренштейнов один глаз на двоих. Они очень часто болеют.

ПОТОМУ ЧТО ЕВРЕЙ...

Инна Баланова

(ученица 11 класса средней школы № 37, г. Пенза
Научный руководитель Т.Я. Алфертьева)

...Однажды в теплое августовское утро я сидела на кухне. Радио было включено. Передавали новости. Вдруг мое внимание привлекло сообщение, которое прозвучало особенно тревожно. Диктор говорил о том, что «этой ночью на фасаде школы №4 была разбита мемориальная доска в память о народном артисте РСФСР, художественном руководителе Государственного еврейского театра Вениамине Львовиче Зускине. Это повторный акт вандализма...»

Допивая свой чай, я уже мысленно задавала вопросы: «Кто такой Зускин? Почему я о нем ничего не знаю? Почему среди огромного количества мемориальных досок именно эту уничтожили дважды?»

Свое расследование я начала с того, что позвонила на радио. Там мне сообщили телефон человека, который передал на им услышанную мною информацию, и сообщили, что зовут его Абрам Исаакович Пекный.

Абрам Исаакович оказался человеком любезным, он согласился встретиться со мной и ответить на мои вопросы. Мы с ним договорились о встрече в центре еврейской культуры. Но я решила

предварительно постараться кое-что разузнать о неизвестном мне Зускине и пошла в Пензенскую областную библиотеку имени М.Ю. Лермонтова. Там в отделе периодики я нашла две публикации от прошлого года:

На круги своя...

Историческая справедливость сама по себе не приходит. За нее нужно бороться. Именно благодаря борьбе и настойчивости удалось вписать в летопись пензенской истории незаслуженно забытое имя: Вениамин Зускин.

Рассказывает известный пензенский исследователь Абрам Пекный:

«Беньямин Лейтович (Вениамин Львович) Зускин родился в Литве в 1899 году. Во время первой мировой войны по царскому указу евреи были выселены из прифронтовой зоны. Часть их попала в Пензу. Сюда, к обосновавшимся родственникам, и приехал в 1915 году Беньямин. Он поступил в Пензенское реальное училище, позже продолжил обучение в 21-й Пензенской советской трудовой школе (сейчас в этом здании 4-я пензенская школа). Учился в Московском полном институте, а большая слава пришла к нему в государственном еврейском театре, где он был актером, а позже, в 1948 году, стал художественным руководителем театра. На этом посту Зускин сменил репрессированного и расстрелянного Михозлса.

Всего несколько месяцев руководил творческим коллективом Зускин. Вскоре его постигла участь Михозлса. Он был репрессирован и в августе 1952 года расстрелян вместе с другими членами еврейского антифашистского комитета.

На здании 4-й школы открыта мемориальная доска. На митинге, посвященном этому событию, выступили члены Пензенской еврейской национально-культурной автономии, гости из-за рубежа и соседних регионов».

Мемориальную доску в честь Вениамина Зускина украли через неделю после открытия при странных обстоятельствах.

Мы уже писали о том, что в информацию об известном творческом деятеле, жизнь которого была связана с Пензенской областью, вкралась ошибка. На мемориальной доске Вениамин Зускин был назван заслуженным артистом РСФСР, а не народным, каковым являлся на самом деле. Как сообщил президент Еврейского общества Исаак Гохман, произошло это из разночтений в энциклопедиях. История стала еще более интересной, когда через неделю после торжественного открытия мемориальной доски в центр обратились сотрудники Ленинского РОВД с сообщением о ее похищении. По мнению Исаака Гохмана, после

появления доски на стенах четвертой школы еврейское общество переложило ответственность за ее сохранность на органы правопорядка. В связи с чем с Ленинским РОВД была достигнута договоренность: если в течение 25 дней после кражи доску не найдут, за счет органов милиции будет изготовлена новая мемориальная доска. Иначе о факте хищения узнает вся мировая общественность, включая Израиль и США.

Получить в РОВД комментарий о том, существует ли такая договоренность, не удалось: ответственные за предоставление такого рода информации на момент случившегося находились в отпуске. Кто прав и кто виноват, непонятно. Однако узнать об этом мы сможем уже на следующей неделе, когда истечет назначенный срок и новая мемориальная доска, возможно, появится на прежнем месте»¹.

Была и новая информация о ночном событии в номере «Любимой газеты»:

«В Пензе совершены акты вандализма.

В Пензе в ночь с 23 на 24 июля неизвестные совершили два акта вандализма. Об этом «Интерфаксу» сообщили в пресс-службе УВД Пензенской области. В частности, злоумышленники разбили мраморную доску на центральном фасаде здания школы № 4 на улице Володарского, посвященную народному артисту РСФСР, художественному руководителю Государственного еврейского камерного театра Вениамину Зускину, репрессированному в 1949 году и расстрелянному в 1952 году. В 1915 — 1919 годах В. Зускин учился в 21-й советской трудовой школе, располагавшейся в этом здании. В пресс-службе напомнили, что доска из белого мрамора была установлена на средства пензенской региональной еврейской национально-культурной автономии 12 августа 2002 года в память о 50-летию со дня расстрела В. Зускина. Спустя неделю доска бесследно исчезла, и в июне 2003 года был установлен второй экземпляр. Также была разбита памятная доска, посвященная одному из организаторов физкультурного движения в Пензенской области в 20-х годах, заслуженному мастеру спорта СССР чеху Иосифу Слабо (тоже еврей! — комментарий автора), установленная на здании бывшего физкультурного техникума на ул. Карла Маркса. При этом в пресс-службе отметили, что это здание находится в 300 метрах от школы № 4. По фактам вандализма проводится проверка»².

Теперь меня еще больше заинтересовало, кто же был Вениамин Зускин, и я обратилась к энциклопедиям.

В «Большом энциклопедическом словаре»³ я прочла:

«Зускин Вениамин Львович (1899-1952), актер, нар. арт. России (1939). С 1921 в Гос. евр. т-ре (Москва). Среди ролей — Шут («Король Лир» У. Шекспира). Гос. пр. СССР (1946). Репрессирован; реабилитирован посмертно».

Потому что еврей...

59

Поскольку такая краткая информация меня не устроила, я продолжила поиски и нашла следующую информацию в Большой Советской и в Театральной энциклопедиях, а затем дополнила ее из Интернета:

«Зускин Вениамин Львович (1899–1952), еврейский артист театра и кино. Народный артист РСФСР (1939), лауреат Государственной премии СССР (1946). Родился 28 апреля (12 мая) 1899. В 1921 поступил в студию при ГОСЕТе⁴ и в том же году был зачислен в труппу театра... Дебютировал в спектакле «Салиене» по Шолом-Алейхему (постановка Грановского). Первой значительной ролью Зускина стала Колдунья (роль Колдуньи в еврейском театре традиционно принадлежала мужскому репертуару) в одноименном спектакле по А.Гольдфадену. По воспоминаниям А.В.Азарх-Грановской, Зускин «был одарен таким чувством ритма, музыкальностью и легкостью, которой нельзя научить». Зускин «летал как пушинка... у него все получалось, все».

Первая же большая роль Зускина выдвинула его в ряд первых актеров Еврейского театра. Среди ролей, вошедших в золотой фонд отечественного театра, — Сендерл-Баба («Путешествие Вениамина III» М.Мойхер-Сфорима), Гоцмах («200 тысяч» по Шолом-Алейхему), Шут («Король Лир» У. Шекспира), Бадхен («Фрейлехс» З.Шнеера).

С 1935 Зускин преподавал в студии при ГОСЕТе, пользуясь большим авторитетом и любовью студийцев (воспоминания М.Котляровой). В конце 1930-х годов начал заниматься режиссурой, снимался в кино — «Человек из местечка» (1930), «Граница» (1935), «Искатели счастья» (1936), «Непокоренные» (1945). В 1948, после гибели С.М.Михоэлса, возглавил Еврейский театр и оставался на этом посту до своего ареста. После смерти Михоэлса начались репрессии против театра (в частности, был получен отказ в государственном финансировании) и аресты еврейской интеллигенции.

В декабре 1948 Зускин был арестован. Достоверных сведений о последних годах его жизни нет, известно, что на следствии он был подвергнут пыткам...»⁵

Нить Ариадны — ниточка родственных связей

Теперь я могла смело идти на запланированную встречу с Абрамом Исааковичем Пекным.

Когда мы встретились с Абрамом Исааковичем, он начал рассказывать не о Зускине.

«Когда собирали материал к энциклопедии «Пенза», друзья-журналисты вспомнили веселого, общительного и доброго Гришу Генина. В городе его знали, наверное, все. Генин был режиссером на телестудии, участвовал

в теплостановках, вел праздничные репортажи с главной площади города. Сегодня его нет с нами. Он умер, но остались в памяти его рассказы о великом еврейском актере Зускине. Гриша говорил, что они родственники, и очень гордился этим».

Меня буквально потрясло это сообщение: как? У нас в Пензе есть кто-то, кто не просто знал великого еврейского актера, чье имя занесено в энциклопедический словарь, но и даже был его родственником?! Это казалось просто невероятным. А Абрам Исаакович продолжал свой рассказ:

«Генин учился в студии Московского еврейского театра, но не окончил ее. Театр и студию закрыли в конце сороковых. Сталин в те годы вел борьбу с «еврейским буржуазным национализмом». Но если пензяк Гриша Генин был родственником Зускина, возможно, и жизнь известного артиста связана с Пензой?»

И Пекный начал свой поиск. Ему было много труднее, чем мне: энциклопедии советского времени многие годы не упоминали слово «еврей», «еврейский театр», «еврейская культура». Какая культура могла быть у «безродных космополитов»? И все-таки он обнаружил информацию о Зускине в «Театральной энциклопедии», вышедшей в Москве в 1963 году, которая одна из первых нарушила запрет.

В «Театральной энциклопедии» сказано много добрых слов о Вениамине Львовиче Зускине. Но о Пензе — ничего, никакого упоминания. И тогда его осеняет мысль, что можно, можно же поговорить с Гришиной сестрой — Шевой Абрамовной Рапопорт! Ее в городе хорошо знают, она здесь родилась, прожила всю свою жизнь. И она значительно старше Гриши и должна помнить события первой трети XX века.

Шева Абрамовна считалась одним из лучших врачей-дерматологов. Совсем недавно вышла на пенсию, значительно переработав положенное для пенсионера время. Пекный ее хорошо знал, поэтому ему было совсем не сложно прийти к ней в гости, в ее уютную квартиру в самом центре города. Абрам Исаакович назидательно, как это части делают пожилые люди, сказал мне, что ничего нельзя откладывать «на потом»: вскоре после их разговора Шевы Абрамовны не стало.

Далее я передаю рассказ Абрама Исааковича, записанный на пленку:

«Шева Абрамовна тяжело больна, но как всегда улыбчива и деликатна. Она охотно отвечает на все мои вопросы:

— Шева Абрамовна, это правда, что известный еврейский актер Вениамин Львович Зускин ваш родственник?

Потому что еврей...

61

— Да, я и Гриша называли его «дядя Веня». Если быть совсем точной, он двоюродный брат моей мамы. Наша семья поселилась в Пензе очень давно. Я родилась в 1919 году и до сих пор помню деревянный домик на улице Сборной под номером один, в котором мы снимали квартиру. Совсем рядом — река Сура».

Шева Абрамовна рассказала, что в первой трети XX века перед их домом была площадь, на которой торговали сеном, дровами и древесным углем для самоваров. В воскресные дни там собиралось много подвод. Крестьяне из близлежащих и дальних деревень привозили продавать свой товар. Потом на этом месте был стадион, зимой он превращался в каток. Сегодня нет ни этой улицы, ни площади, ни стадиона. Сегодня это один из красивейших уголков города — улица Славы, с ее многоэтажными домами, большим зеленым сквером и стелой на набережной реки. Старые дома, в том числе и домик под номером один, снесли, и на их месте построили в шестидесятые годы семиэтажное здание гостиницы «Пенза» — лучшей в городе.

А дальше Шева Абрамовна рассказала, как Зускин оказался в Пензе:

«Веню Зускина его родители привезли в Пензу в 1914 году из местечка Паневежис (Литва), где он родился 28 апреля 1899 года, закончил начальную школу и поступил в гимназию. Но началась Первая мировая война, и по указу Николая Александровича Романова всех евреев выселяли из Литвы, потому что они якобы «все подкуплены немцами». Таким образом, семья Зускиных вынуждена была бросить свой дом в прифронтовой полосе и долго скитаться в теплушках, жить с беженцами в грязных бараках, пока дорога не привела их в Пензу.

Вскоре родители оставили Веню у нас, в нашей семье, на попечение бабушки Сары, и вскоре уехали. И жил он в том самом домике №1 на улице Сборной.

В Пензе Веня поступил в гимназию. Вот только не знаю, учащимся какой гимназии он стал. Меня тогда еще не было на свете».

Теперь, когда я хорошо знаю Абрама Исааковича, меня совсем не удивляет, что он не успокоился на этом, а продолжил поиски. В Пензенском областном государственном архиве, куда он обратился за необходимой информацией, как всегда были очень внимательны и старались помочь. Где же все-таки учился Зускин?

Вначале поиск его разочаровал. В многочисленных журналах успеваемости учащихся 1-й мужской гимназии он не значился. Во 2-й — тоже. Не оказалось его фамилии и в списках учащихся частной гимназии С.А. Пономарева. Огорченно сообщил Пекный о неудовлетворительных результатах своих поисков Шеве Абрамовне. «Может быть, все было не так, ведь некоторые биогра-

фы пишут, что Вениамин Зускин из Паневежиса переехал на Урал, там кончил гимназию, а затем отправился в Москву?»

«Нет, учился в Пензе!» — настаивала Шева Абрамовна. И Пекный возвратился в архив. Привожу далее его рассказ:

«Стоп! Было же в Пензе еще одно «мужское» учебное заведение. Листаю путеводитель архива.

«Пензенское реальное училище. Открыто 1 июля 1882 года. Среднее учебное заведение для лиц мужского пола».

Добавим, что образование в реальном училище отличалось от классического тем, что основу его составляли естественно-математические предметы. В гимназиях преобладали гуманитарные.

Прекрасное новое здание реального училища было построено в 1904 году на углу улиц Лекарской и Никольской (ныне Володарского и К. Маркса). Уже без первоначального поискового азарта листал Абрам Исаакович списки учеников училища.

И вдруг...

«Зускин Василий (?). Иудей. Мещанин. Время поступления в училище 1915 год. 4 класс».

Увлеченный исследователь сразу предположил, что имя Василий было, наверное, излишне вольным переводом имени Беньямин. И он оказался прав: в других списках написано правильно — Беньямин.

Посмеиваясь, Абрам Исаакович процитировал короткий диалог из пьесы писателя Александра Борщаговского «Король и шут»:

«М и х о э л с (беззвучно аплодируя). Гимназию ты, наверное, кончил с золотой медалью?»

З у с к и н . На нее в Паневежисе были другие охотники...»

Именно вспомнив этот диалог, понял Пекный, в каком городе учился Зускин в гимназии. И даже какие получал отметки.

Здесь мне хотелось бы вслед за Абрамом Исааковичем обратиться к свидетельствам о более ранней поре из жизни Вениамина Зускина.

Детство в Паневежисе

До Первой Мировой войны семья Зускиных жила в Паневежисе Ковенской губернии в Литве. Отец Вениамина — Лев Зускин — был портным. Но так как он был человеком неравнодушным, он организовал общество «Помощь для бедных и больных евреев».

«Сколько я себя помню, — рассказывал Зускин, — мой отец всегда был руководителем этого общества. Отец семейства со множеством де-

Потому что еврей...

63

тей сам в постоянных заботах, он, понятно, не имел возможности как следует отдаться этому делу и очень от этого страдал. Когда я подрост и уже научился писать, отец усадил меня за толстые книги общества и мне приходилось каждый день по несколько часов записывать прихожан, которые нуждаются в бесплатных лекарствах, и выдавать им талоны в аптеки и к врачам»⁶.

Но самое почетное место в доме занимал патриарх-дедушка. Этот дедушка оставил глубокий след в характере внука — след, который позднее поможет ему блестяще исполнить этюд на вступительных экзаменах в ГОСЕТ и проявится почти во всем, что Вениамин создаст на сцене.

Дело в том, что этот старый потомственный портной был высокоодаренным, интересным и своеобразным человеком. Свое непростое портняжное ремесло он очень любил, и потому всегда пел за работой. Особенно, когда раскраивал одежду.

Все, кто знал старика, любили его и удивлялись его неординарности, но примешивался и оттенок боязни: хорошо знали, что если старику кто-то по душе, он за этого человека готов идти в огонь и в воду; но если все наоборот — то можно попасть ему на язык, а язык у него был острый, как лезвие бритвы. Горе было тому, кто попадал ему «на язык». Он был, как сейчас говорят, великолепным пародистом. Дедушка Вениамина Зускина передразнивал людей так, что все вокруг умирали со смеху.

Все эти достоинства — подвижность, мимику, дар пародиста, музыкальность — Зускин унаследовал от деда. Даже его песни Вениамин запомнил на всю жизнь. Когда он пел песни деда (конечно, на еврейском языке): то повторял в точности то, что делал дедушка. Мама маленького Вени жаловалась мужу, что его отец отравляет ребенка «своим шутовством и кривляньем».

Живого имышленого Вениамина рано отдали учиться. В хедере он очень рано завоевал авторитет среди мальчишек-озорников. Он искусно изображал голосом и движениями разных зверей и птиц, своих товарищей. Но основными объектами его пародий были ребе-учитель и его жена, которые прозвали этого спокойного ученика Немкой-шутком.

Как только ребята выходили из школы, Немка сразу начинал «выступать» перед подвернувшимися зрителями: ходил на руках, лазил по деревьям, прыгал по заборам, кувыркался и строил гримасы, подражая клоуну из цирка. Но как это часто случается, один из его «трюков» закончился травмой, и очень неприятной, довольно часто проявлявшейся впоследствии — всю его жизнь.

Однажды, когда Веня Зускин вышел с друзьями после занятий на улицу, и ему захотелось показать что-то новенькое, он за-

лез на очень высокое дерево и оттуда спрыгнул. Он остался жив, но при ударе о землю врезался зубами в собственный язык. Кровь остановили, но мальчик долгое время не мог произнести ни одного слова — все думали, что Немка навсегда потерял речь. Через какое-то время после долгого мычания он стал произносить слова — с большими интервалами и заикаясь. Этот недостаток в какой-то степени остался у Зускина, но это случалось только в жизни, а не на сцене.

Хотя был один случай, когда и на сцене эта травма дала о себе знать.

В своей книге «Плечо Михоэлса» Мария Котлярова рассказывает:

«В 1923 году, когда Вениамина Львовича уже хорошо узнал и полюбил зритель, во время спектакля «Колдунья» случилось следующее. Зускин на сцене вдруг стал заикаться, потерял дар речи и во время большого монолога стал бегать по сцене с широко раскрытым ртом и испуганными глазами, пробовал произнести слово и никак не мог — вместо слов и звуков было слышно только брюзжание. Все актеры, которые в это время были на сцене, растерялись, не знали, что дальше делать. Зрители же ничего не заметили, думая, что так должно быть по пьесе, и еще больше смеялись. Актеры на сцене были напряжены до предела — минута показалась вечностью. Наконец Зускин, видимо, мобилизовал последние силы, издал дикий крик по-русски: «Занавес!». Немедленно закрыли занавес, а публике объявили, что Вениамин Львович внезапно заболел и спектакль придется перенести на другой день. После этого случая прошло несколько недель, пока Зускин оправился после нервного потрясения, и тогда лишь все вспомнили историю, когда Вениамин, будучи ребенком, прикусил язык до крови, прыгнув с дерева. Больше этого, слава Богу, никогда не повторялось»⁷.

Но не только дедушка сыграл большую роль в формировании Зускина-актера, надо сказать, что с ребе-учителем Немке тоже повезло. Учитель и сам был весельчак, и любил шалунов-учеников. Он их никогда не бил и не наказывал, как другие учителя в хедерах. Ребе тоже (как и дедушка Вени и сам Веня) любил острить, высмеивать и «играть комедии» — так о нем говорили жители Паневежиса. А еще он частенько приходил в семью Зускиных в гости, и вместе со всеми слушал чтение рассказов Шолом-Алейхема, которые отец Немки в праздники или в свободное время читал для соседей.

И все-таки неугомонному Зускину было скучно изучать только священные книги — даже у такого веселого учителя (Немке не было еще и пяти лет, когда он начал учиться в хедере). Прошло несколько лет, и его потянуло в «кипучую жизнь»: неумная энергия бурлила в нем, будоражила, искала выхода и требовала боль-

Потому что еврей...

65

шой нагрузки, серьезных занятий. Но вскоре вмешалась история, и жизнь Вениамина круто переменялась: ее уже нельзя было назвать скучной.

Отрочество в Пензе

Шева Абрамовна Раппопорт рассказывала Пекному как высленные, как и все евреи, из прифронтовой полосы, Зускины приехали в тихую Пензу и оставили Вениамина у родственников, чтобы тот мог получить образование.

Нашлось в архивных документах и «Дело ученика Бенъямина Зускина»⁸.

В «Деле» Зускина сохранилось два документа, вот они: аттестат⁹ и удостоверение¹⁰.

АТТЕСТАТ

«Дан сей гражданину Бенъямину Лейбовичу Зускину, иудейского исповедания, родившемуся 15/22 апреля тысяча восемьсот девяносто девятого года, в том, что, вступив в Пензенское реальное училище в августе 1915 года, при отличном поведении обучался по 25 апреля 1918 года и кончил полный курс по основному отделению».

УДОСТОВЕРЕНИЕ

«Выдано настоящее удостоверение гражданину Зускину Бенъямину Лейбовичу, 20 лет, обучавшему в 21 советской школе (бывшее реальное училище) с августа 1915 по 6 мая 1919 г., в том, что он прошел полный курс школы 2-ой ступени и оказал познания по следующим предметам (далее следовал их перечень и оценки)».

Есть в деле и еще один документ: заявление на имя директора о желании продолжить свое образование в 7 классе¹¹. Был такой порядок. Этот класс считался дополнительным и завершал среднее образование. Прошение Вениамин Зускин подал 14 августа 1918 года. Директор начертил красным карандашом на заявлении: «В 7 кл. !» В этом же году реальное училище переименовали в 21-ю единую трудовую школу 2-й ступени. В 1924 стали называть 4-ой. Так она называется и сегодня — одна из престижных школ города.

Какие же предметы изучал В. Зускин? Об этом мы узнали из журнала успеваемости¹²: русский язык, немецкий язык, французский язык, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, анализ бесконечно малых величин и аналитическую геометрию, историю, географию, космографию, естественную историю, физику, политическую экономику, черчение, рисование, столярное и переплетное дело.

Хотя отличником Зускин не был, закончил учебу он твердым хорошистом: по всем предметам учился ровно, особенно в старших классах. Хорошо рисовал.

Как рассказывала Шева Абрамовна со слов своей матери, Веня и здесь очень искусно пародировал учителей, чем приводил в восторг одноклассников. Бабушка переживала — не навредил бы себе! Но все обошлось.

Время было очень тяжелое, Вениамин считал, что сидеть на шее отца он не имеет права, и поступил на работу в мастерскую: рисовал вывески, плакаты, — все, что требовалось. Учился в реальном училище, работал, но его не покидала мысль о театре. Тем более, что в Пензе была достаточно сильно развита театральная культура, сюда приезжали самые знаменитые гастролеры, выходцами из Пензы были которой были такие крупные театральные художники, как братья Можухины (Иван — величайший актер немого кино и Александр — замечательный оперный бас, соперник Шаляпина), Всеволод Мейерхольд и другие. Зускин не пропускал ни одного гастролера, ни одного спектакля, он порой отказывал себе в самом необходимом, чтобы купить билет. Все более увлекаясь, он начинает интересоваться литературой о театре. Наконец, случай вплотную подводит его к театру.

Однажды юный Вениамин проходил мимо здания, где пел хор. Еврейский хор. Его как магнитом потянуло посмотреть, что там такое, а там было много народу — шла репетиция и случайные прохожие, которые зашли просто любопытства ради, громко между собой разговаривали и, естественно, мешали. Когда посторонних попросили освободить зал, Вениамин неожиданно для самого себя сказал, что он пришел не только посмотреть, что он очень хочет принять участие. У него, естественно, спросили, что он может приготовить, и он ответил, что прочтет рассказ Шолом-Алейхема «С призыва».

Так Зускин вступил в пензенское «Общество для культурных развлечений». Это общество организовывало еврейские вечера, спектакли, концерты в пользу бездомных евреев.

Вениамин с увлечением работал над рассказом Шолома-Алейхема и прочитал его на вечере общества. Это было первое публичное выступление Зускина, которое принесло ему первый большой успех, и Вениамин втянулся в театральную работу общества, принимал участие в нескольких спектаклях. Однако вскоре работа в самодеятельности перестала удовлетворять его, здесь не хватало культуры и серьезного отношения к работе — всего того, к чему так тянулся молодой Вениамин.

Потому что еврей...

67

Шева Абрамовна вспоминала:

«После февральской революции в Пензе организовалось еврейское молодежное культурное общество, которое основало еврейскую библиотеку и даже собиралось открыть еврейское издательство. Зускин взял на себя организацию еврейского театрального кружка, который со временем можно было бы превратить в студию. Его частые выступления обратили внимание местных театральных деятелей. После одного такого выступления к нему пришли из местного русского театра и предложили поступить к ним в труппу. Зускин отказался. Дело в том, что родители категорически не хотели, чтобы их сын стал артистом. Да и сам он считал, что прежде всего должен получить высшее образование.

Получив аттестат, Вениамин поступил в Екатеринбургский горный институт.

— Артист — это несерьезно, — говорил его отец».

Жизнь в ГОСЕТе

Но любовь к театру пересилила родительский запрет. Мечты о театре не покидали его. Тем более, что в Екатеринбурге был еврейский драматический кружок, и Зускин стал там играть. А потом он получил письмо от своего друга из Москвы. Друг писал, что в Москве есть широкие возможности для занятий театром на еврейском языке: в Москве работает более двадцати театральных студий, есть, только что в Москву переведена еще одна еврейская театр-студия — под руководством режиссера Грановского.

По совету своего друга Зускин перевелся в Московский горный институт. «Когда учился в Москве, — рассказывала Шева Абрамовна, — приезжал на каникулы к бабушке, в Пензу. Рассказывал, что стипендии не хватает и по вечерам приходится работать грузчиком. Очень любил бабушкины картофельные оладьи, и когда ее не стало, говорил маме: «Сделай бабушкины оладьи». Бережно хранил у нас большую коллекцию минеральных камней, которые собирал. Наверное, это было его вторым увлечением после театра. Значит, и горный институт не случайность. Вениамин Зускин не проучился в горном институте и двух курсов. Вскоре он оставил институт и стал учиться в студии еврейского театра. Сблизился со своим учителем С. М. Михозлсом, который высоко ценил его яркий актерский талант».

А произошло это просто. По Москве были расклеены объявления о том, что еврейская театральная студия под руководством Грановского объявляет новый набор студентов. Это вызвало у еврейской театральной молодежи огромный интерес. Из разных городов и местечек со всех концов страны съезжалась молодежь,

чтобы попытать счастья. Прочитав такое объявление, Зускин «вихрем» влетел в театральную студию и отдал свои документы.

Тут он узнал, что на экзаменах надо показать свои способности: перевоплощение, ритмичность, музыкальность, мимическую выразительность. Зускин задумался: «Мимика? Перевоплощение? С чего начать?». И сразу блеснула мысль: «Дедушка! Старый портной!».

Впечатление, которое Зускин произвел на экзаменационную комиссию своим этюдом «Старый портной», трудно описать. Очевидцы рассказывали, что перед их глазами произошло настоящее чудо перевоплощения:

«К столу, который стоял посередине комнаты, подошел обыкновенный молодой парень в черной рубашке «а-ля Толстой», секунду осмотрел внимательно стол, медленно стал втягивать голову в плечи, зажмурил левый глаз, закусил верхнюю губу, вытащил из внутреннего кармана очки, дыхнул на них, вытер стекла краем черной рубашки, надел очки на кончик носа — и сразу превратился в сутулого старика. Потом он широким жестом обеих рук погладил стол так, что создалось полное впечатление — на столе лежит большой кусок материала. Снял с шеи портновский сантиметр и под собственный веселый напев начал измерять длину и ширину материала. Потом он вытащил из маленького карманчика мелок, лизнул его языком и стал чертить детали, которые нужно выкроить. Вот здесь началось главное. Но где ножницы? Нету! Мелодия при этом звучит так, будто у кого-то спрашивает: «Не знаете ли вы, где мои ножницы?». Он ищет везде ножницы, щупает материю, может, он ножницы материалом накрыл? Нет, нет ножниц! Мелодия выражает все большие удивления. Он с нетерпением начинает стучать по столу. Ага, ножницы отозвались. Он доволен, мелодия звучит веселее. Он вытаскивает ножницы, начинает раскраивать намеченные детали. Не всегда ножницы идут легко, иногда они застревают, тогда он сильно ударяет левой рукой по правой — ножницы идут легче, мелодия начинает звучать веселее и живее... Вот так, пока все детали не раскроены.

Тогда Зускин довольно улыбнулся и с облегчением вздохнул. Потом он вдел нитку в иголку, которая торчала в лацкане жилетки, сметал прикроенное, воткнул опять иголку в жилет, снял очки, выпрямил спину и стал опять прежним, немного застенчивым пареньком, который неуверенными шагами подошел к столу.

Эффект этой сцены изумил еще и тем, что ни одного предмета из перечисленных не было: ни материала, ни ножниц, ни сантиметра, ни мела, ни очков, ни иголки с ниткой... Руки Зускина так легко и пластично, с такой убедительностью и совершенством чувствовали меру, вес и форму каждого предмета, с такой уверенностью и непосредственностью он жестиком лировал, что было полное впечатление, что он оперирует живыми, реальными предметами. Присутствующие, несмотря на запрет, который существует в таких случаях, стали бурно аплодировать.

Потому что еврей...

69

Зускин был принят, а этюд со старым портным на долгие годы вошел в его репертуар для эстрады как один из лучших номеров»¹³.

Благодаря своему блистательному поступлению с театр-студию Вениамин Львович сразу получил роль в первом же спектакле. Грановский видел, что Зускин был еще очень молод и неопытен, что у него нет никакой театральной школы, и просто указывал ему какой сделать жест, какое движение. Зускин старался все точно повторить, не понимая что и зачем, и это мучало его, лишало веры в себя, доводило до отчаяния. Он начал задумываться о правильности выбора профессии.

Вот что рассказывает сам Зускин в своей небольшой статье «Михоэлс без грима»:

«Это было в один из зимних вечеров 1921 года. После спектакля, мрачный, замученный от бессонных ночей, я сижу в пустом фойе маленькой студии, где Государственный еврейский театр играл тогда свои первые спектакли. Мучительные сомнения — уже в который раз! — сверлили мой мозг: что делать? Может быть, мне попрощаться с мыслью об искусстве и вернуться в горный институт, который я оставил во имя театра? Уже много месяцев, как я актер, а вместо радости, удовольствия, о котором так мечтал, я чувствую только горькое разочарование, сомнения, беспокойство и тревогу. Долго я так сидел погруженный в свои тяжкие мысли.

Вдруг я чувствую — кто-то гладит нежно меня по голове. Я оглядываюсь — Михоэлс! Оказывается, он уже несколько дней следит за мной. Его очень тревожило мое подавленное состояние.

— Исключите меня из труппы, — говорю я ему.

— Что случилось? — удивленно спрашивает он.

— Так, — говорю, — я не могу понять, что от меня требуют в этой роли. Видимо, для меня в этом театре места нет.

Михоэлс посадил меня возле себя и начал подробно анализировать мою работу, указывая на мои недостатки. Мы говорили о многих проблемах, которые имели непосредственное отношение к сложной, трудной актерской профессии. Эта беседа была только началом нашей творческой и личной дружбы, которая все больше укреплялась, более того, она и определила мою дальнейшую актерскую судьбу»¹⁴

И уже через год Вениамин Львович играл одну из главных ролей в спектакле А.Гольдфадена «Колдунья», он играл Колдунью — Бабу-Ягу.

Впечатляют первые отзывы о нем: «Молодой Зускин — большой выигрыш для еврейского театра» (А.Эфрос); «Зускин — актер с необыкновенным, блестящим дарованием. Природа его бесконечно одарила; в первую очередь, она дала ему колоссальное обаяние. (С.М. Михоэлс).

После блестящего успеха «Колдуньи» Грановский стал строить репертуар театра в расчете на двух главных персонажей: Ми-

хоэlsa и Зускина. Это были такие спектакли как «200000». Роль свата Соловейчика была второй крупной ролью Зускина. Он не ходил в этом образе, как все люди, он танцевал или, вернее, летал в воздухе. На сцену он спускался с потолка с открытым красным зонтиком, напоминающим парашют. Он переходил с места на место на цыпочках, вставлял русские словечки ни к селу ни к городу, лез из кожи вон, чтобы показать, что он не какой-нибудь сват, а «что-нибудь особенное», как он выражался. Над ним смеялись, и вместе с тем он вызывал сочувствие и жалость.

Марин Сорель в своих воспоминаниях, озаглавленных «Смятая жизнь»¹⁵ пишет, основываясь на воспоминаниях дочери Вениамина Львовича Анны Зускиной-Перельман:

«...уже в детстве Нема, как его тогда звали, обнаружил удивительный дар перевоплощения, которым от души забавлялись окружающие. Но сам мальчик, кажется, даже в юные годы если и не осознает, то несомненно ощущает свое предназначение. И когда он, наконец, выйдет на подмостки, исчезнет его заикание, а о способе его передвижения по сцене все очевидцы в один голос будут говорить: он летает. Не случайно дочь видит в отце сходство с персонажами картин Марка Шагала, с его легко и беззаботно летающими людьми. Жизнь гнет, тянет их к земле, а они воспаряют над ней, устремляясь в область чистого духа, но при этом оставаясь вполне плотскими и земными. Вот это удивительное сочетание бытового и бытийного, умение существовать одновременно в мире вещей и в мире идей было присуще актерской природе Зускина, как, впрочем, и вообще творческой природе ГОСЕТа».

Совершенно потрясающим оказался дуэт Михоэlsa (Лир) и Зускина (шут) в «Короле Лире» Шекспира: идеальный сплав двух гениальных актеров.

Роль Шута была коронной ролью Зускина — «поистине его сценический шедевр. В образе Шута Вениамин Львович будто перемешал все краски своей богатой актерской палитры. Его Шут представлял собой удивительную смесь трагических, драматических и комических контрастов», — вспоминала Мария Котлярова.

«Ночь на старом рынке», пьеса Д. Бергельсона «Глухой», Добрушина «Суд идет». П. Маркиша «Нит Гедайгет», Шолома-Алейхема «Блуждающие звезды», М.Линькова «Леса шумят», французская комедия Лабиша «Миллионер, дантист и бедняк» ... и, наконец, «Фрейлахс», который стал настоящим явлением.

Зускин играл первого бадхена. И снова зрителей потрясла необыкновенная легкость и пластичность актера. Мария Котлярова рассказывала, что: «Несмотря на свой рост и широкую комплекцию, Зускин танцевал как пушинка. Кто-то из зрителей в шутку сказал: «Прямо Уланова».

Потому что еврей...

71

Мне кажется удивительным, что столь замечательный актер (и такой же необыкновенный, не от мира сего, блестящий и в то же время очень скромный человек) приезжал время от времени в Пензу, а газеты и журналы не ломались от публикаций о нем.

Шева Абрамовна рассказывала, что, когда началась Великая Отечественная война, к ним приехала жить дочь Вениамина от второго брака — Аллочка. Было ей тогда лет 5-6. Ее мамой была вторая жена Вениамина Львовича — актриса Еврейского театра Эдда Самуиловна Эткина. (Сейчас Алла живет в Израиле). Когда Аллочка была в Пензе в эвакуации, отец часто навешал ее. Один раз приехал даже с С.М. Михоэлсом. Говорили, что в Пензе, в эвакуации, жил его друг детства. «Вениамин был очень добрым человеком. С особой нежностью относился ко мне и Грише».

Впоследствии писали¹⁶, что Зускин был

«подобно Санчо или Сендерлу, человеком более земным, сосредоточенным на повседневном и конкретном. А великих проблем, глобальных задач он даже немного побаивался, хотя честно исполнял обязанности члена Еврейского антифашистского комитета и депутата райсовета. На самом деле он не был человеком государственного масштаба и никогда не имел подобных притязаний...»

Но он был из тех внешне скромных и тихих людей, кто «сжимался, уходил в себя», однако никогда «никому не подчинялся», потому что им владела «необыкновенная гармония». Зускин был АКТЕР. Бог благословил его таким талантом, который пересилил все остальное».

Особое место в творческой биографии Зускина занимает его педагогическая деятельность в Московской еврейской театральной студии, где он получил звание доцента на кафедре актерского мастерства. Но самая ответственная, тяжелая, хоть и почетная задача, которую судьба возложила на Зускина, было художественное руководство ГОСЕТОм, которое было ему поручено после трагической гибели Михоэлса.

Чтобы руководить таким театром, требовались эрудиция, организаторские способности и значительная режиссерская одаренность, большой опыт и отвага. Зускин отдал последний год жизни этой тяжелой миссии.

В театральном мире существует признанное правило, что жить для одаренного актера — играть в театре, а игра в театре для него — жизнь. Трудно найти более подходящее определение для жизни и творчества великого мастера еврейской сцены Вениамина Зускина.

«На что Гоцмаху, скажите на милость, чистый воздух и солнце без театра, без сцены?» («Блуждающие звезды» Шолом-Алейхема)

Смерть

Историк Геннадий Костырченко замечает, что «в сталинском СССР параллельно сосуществовали две формулы решения еврейского вопроса. Одна — декларативно-пропагандистская, ритуально воспроизводимая на страницах официальных изданий и на митингах, а другая реальная, о которой власти не говорили и не писали, но зато практически каждодневно претворяли в жизнь.

Суть первой, лозунговой, сводилась к тому, что в СССР к моменту построения основ социализма, то есть к середине 1930-х годов, был впервые в мире конструктивно решен еврейский вопрос путем учреждения на Дальнем Востоке Еврейской автономной области и создания таким образом необходимых условий для формирования в соответствии со сталинским учением ленинградской еврейской социалистической нации.

На самом же деле, если иметь в виду другую, потаенную, реально действовавшую модель, которая покоилась на еще дореволюционных ленинско-сталинских высказываниях о том, что ассимиляция еврейства это объективный и прогрессивный процесс, решение еврейской проблемы было далеко от завершения. Конечно, будучи провозглашенным отцом советских народов, Сталин на словах отрешивался от ассимиляции как способа решения национального вопроса, называя с конца 20-х годов такую политику «антинародной, контрреволюционной, пагубной».

Но отнюдь не случайность и то, что, когда в 1949-м году впервые были опубликованы эти его слова, на все обороты был запущен механизм форсированной ассимиляции евреев, которая предполагала широкое применение государством насильственных, репрессивных мер.

Основную помеху в проведении этого курса Сталин видел в еврейской культуре и в ее наиболее выдающихся деятелях, что и предопределило конкретную направленность рестрикций и государственного террора. Именно тогда закрыли национальные издательства, театры, музеи, запретили всю литературу на идише; тем самым этот язык повторил судьбу иврита, заклеянного как идейное орудие сионистов еще в начале 1920-х годов. Развернулись массовые аресты выдающихся еврейских писателей, поэтов, журналистов и других представителей национально-культурной элиты.

Первой жертвой этой политики стал Михоэлс, убитый в Минске в январе 1948. Зускина назначают директором ГОСЕта. Мария Котлярова свидетельствует: «Руководить театром ему доверилось немногим менее года. Сразу после того, как его назначили художественным руководителем, начались его страшные мытарства. Трагическая гибель Михоэлса вызвала у зрителей такой страх,

Потому что еврей...

73

что люди боялись ходить в театр. Доходы стали уменьшаться с каждым днем. По Москве ходили слухи, что все, кто посещает еврейский театр, регистрируются НКВД и рассматриваются как буржуазные националисты.

С другой стороны, Комитет по делам искусств имел претензии к Вениамину Львовичу: дескать, он плохо управляет театром, так как зрители на спектакли не ходят. Театр выпустил абонементы, которые мы старались распространять. Зускин сам побил рекорд, продав самое большое количество этих абонементов, я была на втором месте. Многие считали своим долгом помочь театру, который они так любили, но посещать его все же остерегались. Абонементы покупали, но на спектакли не являлись. Дошло до того, что мы последнее время играли перед зрителями, которых можно было со сцены пересчитать. Студенты нашего еврейского театрального училища были обязаны каждый вечер сидеть на спектакле от начала до конца, чтобы создать впечатление, что в зале все же присутствует несколько десятков зрителей. Но эта уловка только усугубила ситуацию. Узнав о ней, Комитет по делам искусств стал доказывать, что еврейский театр вообще не имеет зрителя, что народу он не нужен и поэтому его дальнейшее существование бессмысленно».

И все же летом 1948 года театр выехал на гастроли в Ленинград. Хотя сам Зускин на эти гастроли не поехал. Многие удивлялись, почему онказывается больным, в то время как больным совсем не выглядел. Зрители шли к «администратору, там стояла взволнованная толпа, которая кричала: «Где Зускин?», «Почему не приехал Зускин?».

«И никому, даже самым умным, не могло прийти в голову, что у Зускина взяли подписку о невыезде и он не имеет права сказать об этом даже самому близкому человеку — жене. Перед выездом в Ленинград (Берковская ехала с театром) Зускин был помещен в больницу», — пишет в воспоминаниях Мария Котлярова. «Его в основном лечили сном, чтобы успокоить нервы. Недолго Зускину довелось лежать в палате, где была забота добрых людей и трепетное отношение к этому обаятельному человеку и гениальному актеру. Однажды ночью к больнице подъехала машина, так называемый «черный ворон» с железными решетками в двух крохотных окошечках. В Москве хорошо знали, что в таких машинах возят арестованных. Из нее лихо выпрыгнул офицер и приказал отвести его к главврачу — профессору. У главврача «посланник» потребовал «именем закона» Вениамина Зускина. Профессор сказал, что Зускин очень болен и нуждается в длительном лечении, на что офицер ответил:

— Мы его там, у себя, вылечим!

— Но он на ногах не может стоять, — возразил профессор.

— Ничего, мы его и лежачего доведем.

И спящего Зускина в ночном белье завернули в одеяло и увезли на Лубянку».

Что пришлось вынести Зускину в мрачно знаменитой Лубянке, можно только догадываться... Когда он понял, что больше не может вытерпеть пытки, он подписал оговоры на себя и Полину Жемчужину, но им руководила одна мысль: дожить до суда и открыть на суде правду.

Так он и сделал. Днем его смерти считается 12 августа 1952 года, он был расстрелян вместе со всеми членами Еврейского Антифашистского комитета.

Эду Соломоновну — жену Зускина, которая приезжала в Пензу — с маленькой дочерью выслали, в Среднюю Азию, где они скитались в нечеловеческих условиях. Когда после страшных мытарств Берковская с девочкой вернулась домой, им отдали только одну комнатуху из той небольшой двухкомнатной квартиры, в которой они жили счастливой семьей. Вскоре Эда Соломоновна заболела и умерла.

Мария Котлярова рассказывала и о том, как сталинские служаки, уничтожив еврейский театр, жгли во дворе ГОСЕТа еврейские книги. Зускина посадили в декабре 1948 года. Московский государственный еврейский театр, всемирно известный ГОСЕТ, без всяких предлогов закрыли, труппу разогнали, накопленная за тридцать лет богатейшая библиотека, ценнейшие эскизы известных художников были сожжены на костре во дворе театра. Костюмы, парики и все прочее имущество разбросали по подвалам и складам разных театров, как ненужный хлам».

В течение 1948-49 годов закрыли все тогда существовавшие еврейские театры, даже в столице Еврейской автономной области, в Биробиджане. 12 февраля 1950 года пробил последний час единственного оставшегося еврейского государственного театра в Советском Союзе — Киевского театра имени Шолом-Алейхема, который после войны работал в Черновцах.

Так завершился расцвет еврейской культуры, так трагически оборвалась тридцатилетняя история еврейского театра в бывшем Советском Союзе. И так же трагически оборвались судьбы многих выдающихся еврейских актеров. Одним из них был Вениамин Львович Зускин, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии.

* * *

...На фасаде здания пензенской средней школы № 4 четыре мемориальные доски. Они напоминают об известных людях, учившихся в реальном училище, школе.

В 1914 г. реальное училище окончил будущий адмирал, инженер, доктор технических наук, лауреат Государственных премий А.Е. Брыкин.

Потому что еврей...

75

С 1911 по 1915 г.г. учился советский писатель В.П. Ставский (Кирпичников).

В 1924-1926 г.г. учился С.В. Курашов, академик, министр здравоохранения СССР.

С 1918 по 1920 г.г. — профессор кинооператорского искусства, лауреат Государственных премий Л.В. Косматов.

Нет лишь памятной доски в честь народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии, художественного руководителя Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) Вениамина Львовича Зускина.

Два раза открывали эту доску, но есть в Пензе люди, чьей сущностью стал нелепый и необъяснимый антисемитизм. При Сталине еврейская культура понесла невосполнимые потери. Много в жизни можно восполнить. Можно постараться восстановить справедливость. Но жизни, отнятые по прихоти диктатора, уже не вернуть.

Я благодарю Пензенский Еврейский Культурный Центр и, в особенности, журналиста, краеведа и неравнодушного человека Абрама Исааковича Пекного за предоставленные материалы и помощь в работе.

Примечания

¹ «Ежедневная газета» (Пенза-Саранск), 7 сентября 2002

² «Любимая газета-Пенза» № 31 от 30 июля 2003.

³ Издание второе переработанное и дополненное. Москва и СПб, 2001.

⁴ Государственный еврейский театр.

⁵ Энциклопедия «Кругосвет» (Интернет).

⁶ Котлярова М. Плечо Михоэлса. Самара: Библиотечка газеты «Тарбут», 2002. С. 171.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ ГАПО, ф. Р-1933, оп. 1, ед.хр.10, обложка, лл. 1, 2, 2 об., 3, 3 об.

⁹ ГАПО, ф. Р-1933, оп. 1, ед.хр. 10, лл. 2, 2об.

¹⁰ ГАПО, ф. Р-1933, оп. 1, ед.хр. 10, лл. 3, 3 об.

¹¹ ГАПО, ф. Р-1933, оп. 1, ед.хр. 10, л.1.

¹² ГАПО, ф. 142, оп. 1, ед.хр. 231, лл. 64 об., 65.

¹³ Котлярова М. Плечо Михоэлса. Самара: Библиотечка газеты «Тарбут», 2002. С.174-175.

¹⁴ Там же. С.176-177.

¹⁵ Сорель М. Смятая жизнь. М., 2002.

¹⁶ Котлярова М. Плечо Михоэлса. Самара: Библиотечка газеты «Тарбут», 2002. С.176-177.

М Е Ж Д У ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ

«Я НОВЫМ ИМЕНЕМ ОТКРОЮ БОЛЬ ПОРАЖЕНИЙ И ОБИД...»

(ТРАГИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ПОЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ
ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВНЫХ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ)

Анна Малина

(ученица 11 класса экономико-правового лицея, г. Киров
Научный руководитель В.С. Жаравин)

Интересуясь проблемой национальных трагедий в Советском Союзе, мы обратилась к Книге памяти жертв политических репрессий Кировской области. Листая ее многотомное издание, обратили внимание на большое количество еврейских фамилий. Очень заинтересовала одна запись: «...еврей, ...уроженец Польши».

Сразу появился вопрос: «А как оказались польские евреи в Кировской области?» Но тут же возник и второй: «За что они пострадали, в чем их вина?»

Продолжая изучать Книгу памяти жертв политических репрессий Кировской области, мы установили, что польские евреи подверглись репрессиям в 1940–1944 годы, т.е. во время Второй мировой войны. Мы предположили, что евреи бежали из Польши на советскую территорию от ужасов надвигающегося фашизма.

Так появилась цель нашего исследования — узнать, как развивалась трагедия польского еврейства в СССР и конкретно — в Кировской области.

Свою работу мы решили назвать, немного перефразировав строчки из стихов Анны Ахматовой: «Я новым именем открою боль поражений и обид...»

Самым ценным документом в исследовании явилось бы интервью с человеком или членами его семьи, пережившими все этапы трагедии. Поиски таких людей привели нас в еврейскую общину г. Кирова. Приветливо встретил и побеседовал с нами заместитель председателя общины Александр Рашковский. Из разговора с ним мы узнали, что среди членов общины евреев с польскими корнями на сегодняшний день в Кирове нет¹.

Так получилось, что основная наша работа протекала в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Здесь объектом нашего исследования стали архивные уголовные дела на польских евреев фонда «Уголовно-следственные материалы на лиц, подвергшихся политическим репрессиям и реабилитированных в установленном законом порядке УФСБ по Кировской области».

Нам предстояло провести анализ этих дел и выяснить на примере конкретных человеческих судеб, как развивалась трагедия польского еврейства.

Для изучения были использованы следующие документы: постановления о предъявлении обвинения, анкеты арестованных, протоколы допросов, обвинительные заключения, документы о реабилитации. Наибольшей достоверностью и откровенностью отличаются самые первые протоколы допросов, потому что, попадая в руки НКВД, любой человек надеялся на благоприятный исход дела, думал, что именно его случай будет счастливым, и ему, если он все-все честно расскажет, поверят и отпустят.

В процессе работы мы изучили 23 дела и выявили информацию на 39 человек — польских евреев. Чтобы факты выглядели наиболее наглядно, нами были составлены таблицы:

- о том, как они оказались в Кировской области,
- о мерах наказания,
- о реабилитации.

В архивных уголовных делах нам встретилось множество различных фотографий довоенного времени. Рассматривая их, мы заочно познакомились с нашими героями, а также членами их семей, друзьями. Но, к сожалению, на многих из них нет никаких надписей. Из тех фотографий, где можно определить ее хозяина, мы составили небольшую фотогалерею. Кроме фотографий из мирной жизни, в делах имеются и фотографии, сделанные во время следствия.

Трагедия польских евреев на Вятской земле не изучена. Наше исследование является первым, которое в полном объеме на примере конкретных судеб раскрывает эту тему.

Трагедия польского еврейства во время Второй мировой войны

Обратимся немного к истории.

23 августа 1939 года весь мир был взбудоражен шокирующим известием: нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов и министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп подписали договор о ненападении. При этом были подписаны секретные протоколы о разделе сфер влияния, в которых был зафиксирован раздел Восточной Европы на сферы влияния между Москвой и Берлином. Согласно протоколам устанавливалась линия разграничения между немецкими и советскими войсками в Польше. Граница в Польше должна была пройти по линии р. Висла — р. Сан².

Каждая сторона из этого договора извлекла определенные выгоды: СССР отодвигал на время угрозу германского нападения, а Германия развязала себе руки для дальнейших действий в Европе, в первую очередь против Польши.

Ранним утром 1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу.

К середине сентября польская армия была фактически разгромлена. 17 сентября 1939 года в разгар трагических для Польши событий части Красной Армии пересекли советско-польскую границу и заняли приграничные территории³.

28 сентября 1939 года Германия и СССР, практически разделившие территорию Польши, заключили договор «О дружбе и границах», был подписан новый секретный протокол о разделе сфер влияния. Новая граница прошла по линии р. Сан — р. Западный Буг⁴.

В этих нескольких строчках учебников заключена вся информация о начале трагических событий в Польше, разделенной между фашистской Германией, которой досталось 1/3 территории захваченного государства, и Советским Союзом, присоединившим к себе 2/3 земель, о начале трагедии польского еврейства.

Разразившаяся новая мировая война принесла невиданные ранее бедствия и страдания. Для европейских евреев это грозное событие стало самым страшным периодом национальной катастрофы (Холокоста). Особый трагизм положения евреев, оказав-

шихся под властью нацистов, заключался в том, что мировое сообщество западных демократий не предприняло сколько-нибудь действенных мер для их спасения⁵.

После вторжения нацистов 1 сентября 1939 года в Польшу под властью немецких оккупантов оказались западные земли уже бывшего Польского государства с находившимся на них почти двухмиллионным еврейским населением.

Судьба евреев из отошедшей к рейху Западной Польши, Сталина не волновала. Поэтому сотням тысячам польских евреев пришлось на свой страх и риск решать вопрос о выборе места проживания. Из образовавшихся нелегальных потоков еврейских беженцев наиболее массовым был тот, который двигался в восточном направлении.

Нацисты не только не препятствовали еврейскому исходу со своих земель, но, наоборот, в обход официальных соглашений всеми правдами и неправдами содействовали ему. И хотя власти СССР противодействовали появлению беженцев, на советскую территорию «просочилось» 150–200 тыс. человек. Начальник штаба Верховного главнокомандования Вермахта генерал-полковник В. Кейтель докладывал 5 декабря в германский МИД: «Выдворение евреев на русскую территорию проходило не так гладко, как... ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте, в лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу, в 15 км от этого места они снова вернулись к границе с русским офицером, который хотел заставить немецкого офицера принять их обратно»⁶.

Одному из очевидцев драмы еврейских беженцев на новой советско-германской границе предстала взору ужасная картина:

«Зимой 1939/40 года вдоль всего течения Буга разыгрались невообразимые сцены, в которых содержалось едва лишь предчувствие того, что уже неуклонно надвигалось, чтобы погрузить миллионы жителей Польши в пятилетнюю агонию медленной смерти. Немцы не задерживали беглецов, но дубинками и прикладами давали им на дорогу последний показательный урок своей философии «расового мифа»; по ту сторону демаркационной линии в длинных тулупах, буденовских остроконечных шлемах и со штыками наголо стояли стражники «классового мифа», приветствуя скитальцев, бегущих на землю обетованную, спущенными с поводка овчарками или огнем ручных пулеметов. На двухкилометровой нейтральной полосе вдоль Буга в течение декабря, января, февраля и марта — под голым небом, на ветру и морозе, под снегопадом — располагались обозом толпы бедолаг... На дворах устраивались небольшие ярмарки: за еду и помощь в переправе через Буг платили одеждой, драгоценностями и долларами... Большинство возвращалось обратно, под немецкую оккупацию, где в течение следующих лет почти все вернувшиеся погибли в крематориях

Освенцима, Майданека, Бельзена и Бухенвальда; часть, однако, не сдавалась и упорно ждала удобного момента... В течение этих месяцев в щели демаркационной линии удалось протиснуться большому числу беженцев...»⁷

Чтобы хоть как-то решить проблему тех евреев, которые в силу различных причин оказались в «чужой зоне» (советской или германской), т.е. не по месту своего основного жительства, германской стороной было выдвинуто, а советской 27 декабря 1939 г. принято предложение пропустить на территорию германских интересов до 60 тыс. беженцев, а с германской стороны разрешить пропуск до 14 тыс. беженцев.

Нацисты настаивали на переселении еврейского населения из Германии в СССР — конкретно в Биробиджан и Западную Украину. Но, по соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации о евреях не было сказано ни слова. Прав оказался дипломат-невозвращенец Ф.Ф. Раскольников, обратившийся к Сталину с открытым письмом: «Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов»⁸.

Тем временем, просочившимся нелегально на территорию СССР беженцам пришлось иметь дело с НКВД, по предложению которого 10 ноября 1939 года Политбюро образовало специальную комиссию под председательством Л.П. Берии. Ей поручалось «точно учесть количество беженцев и организовать работу по целесообразному использованию части беженцев как рабочей силы, а также рассмотреть вопрос об обратной эвакуации остальной части их»⁹.

«Обратной эвакуации» подлежали:

- «социально чуждые и политически неблагонадежные «элементы»;
- престарелые, больные и другие нетрудоспособные беженцы.

Тем, чья биография не содержала компрометирующих данных, кто был пригоден к труду, была предложена альтернатива: либо «добровольная» вербовка на тяжелые работы на севере и востоке страны и получение советского паспорта, либо принудительная депортация на советско-германскую границу. Часть беженцев, в основном молодежь, уступила нажиму властей и отправилась работать в советскую глубинку. Другие же, их примерно было 25 тыс. человек, категорически отказались от советского гражданства и потребовали отправить их в демократические страны Запада или Палестину, их возвратили в германскую зону. Третьи же, а их было большинство, пытались обосноваться на постоянное место жи-

«Я новым именем открою боль поражений и обид...»

81

тельства в приграничных городах Украины и Белоруссии. Первое время их не трогали, т.к. власти занимались выявлением, арестами и отправкой в ИТЛ тех евреев с вновь присоединенных к СССР территорий, кто имел компрометирующее социальное и политическое прошлое (т.е. кто принадлежал к богатым слоям еврейской буржуазии или входил в сионистско-бундовские организации).

По некоторым данным, за период с 1939-го по май 1940 года в Западной Белоруссии и Западной Украине было арестовано 23590 человек. По другим данным, к июню 1941 года в ИТЛ пребывало примерно 11–12 тыс. евреев из вновь присоединенных к СССР западных регионов¹⁰.

Этапирование, в основном, осуществлялось на лесозаготовки европейского севера России.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПОЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ, ОКАЗАВШИХСЯ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1939—1945)

Начало оккупации — начало трагедии

Теперь приступим к изучению уголовно-следственных дел.

Перед нами большая стопа из дел. Одни совсем тоненькие, а некоторые — даже в нескольких томах, но во всех — боль, страдания, надежда. Каждый раз, открывая дело, мы испытывали волнение и тревогу, ведь нам представилась возможность заглянуть в историю, которой нет в наших учебниках.

Чтобы разобраться с поставленными задачами: как отразилась трагедия польского еврейства на конкретных человеческих судьбах, вернемся вместе с ними в далекий 1939 год, в Польшу, где проживали практически все, чьи дела мы изучали.

Из протоколов допросов мы установили, что еврейское общество в Польше в целом жило неплохо. Большинство имело постоянный заработок: кто шил одежду, кто занимался починкой часов, обуви, кое-кто вел свой бизнес.

Многие учились в национальных еврейских школах, а, окончив их, посещали центры еврейской культуры, читали национальные газеты. Молодое еврейское поколение входило в различные детские и юношеские еврейские организации.

На территории Польши действовала организация «Пшисобене войскова». Организация была создана по типу пионерской организации в СССР. Все, кто в нее входил, изучали стрелковое, санитарное, противовоздушное дело. Ее членом в годы учебы в

ремесленной школе был, например, Иосиф Фауст. (Он родился в г. Тешин, в Чехословакии, но в 1938 году, эта территория отошла к Польше, поэтому мы его включили в наше исследование). Даже, в последствии оказавшись в изгнании, он носил на внутренней стороне лацкана пиджака значок этой организации¹¹.

Действовала молодежная организация Югенд Бунд, которая являлась молодежным отделением партии Бунд. Членами этой организации могли быть дети в возрасте от 10 до 16 лет. Ребята, в том числе и Семен Небесский, вместе читали книги, пели песни, играли в шашки, шахматы, общались между собой. Летом занимались физкультурой¹².

Одной из самых популярных организаций среди подрастающего поколения была скаутская организация «Хашомер-Хацаир» или «Юный страж». В этой организации уделяли большое внимание физическому развитию: дети занимались спортом, выезжали на природу, кроме того слушали лекции о еврейской истории и мечтали о самостоятельном еврейском государстве в Палестине, готовились к жизни там¹³. Активным членом этой организации был Сруль Ломко. В его деле сохранились фотографии, на которых он запечатлен вместе с другими членами этой организации. Невозможно равнодушно смотреть на счастливые лица детей и подростков, зная, какая чудовищная трагедия их ожидает.

Внешне польское еврейство выглядело вполне нормальным обществом: взрослые трудятся, молодежь учится, развивается, отдыхает. Но как и в любом обществе были проблемы.

В Польше сильно ощущался антисемитизм. «...Евреи не допускались до работы в государственные учреждения, молодежь не имела права поступать в высшие учебные заведения...» Это послужило поводом для вступления молодых людей постарше в различные сионистские организации, которые могли оказать содействие в выезде в Палестину. Среди них был Калма Найфельд. Он вступил в молодежную организацию «Гордония», (организация руководствовалась идеями Гордона, одного из основателей еврейских поселений в Земле Обетованной), в которой молодым людям рассказывали о географии Палестины, о возможности выезда туда, о том, «... что там для евреев построены деревни, университет»¹⁴.

С приходом немцев на территорию Польши евреям жить стало еще труднее. Как говорил на допросе Ицек Глюзберг, «почти невозможно, так как немцы нас везде и всюду презирали, били, заставляли подолгу работать, а денег за проделанную работу не давали»¹⁵. А в г. Згеш Люблинского воеводства всех евреев, работавших на текстильной фабрике, уволили, заставили выполнять «разные черные работы». По показаниям Герша Скурковского они «копали землю, мыли полы»¹⁶.

«Я новым именем открою боль поражений и обид...»

83

Придя в город Влодава, немцы всех евреев «...арестовали и сутки держали в помещении местной синагоги. Через сутки освободили и заставили работать (чистить уборные, автомашины)...»¹⁷

Ходили слухи, что в Польше будет создано гетто для евреев. В связи с накаляющейся обстановкой нарастало и напряжение в обществе.

Представители крупной еврейской буржуазии и богатая интеллигенция в конце сентября 1939 года в Варшаве, на собрании еврейской общины, пытались решить вопрос о взаимоотношениях с немецкими властями из-за начавшихся массовых притеснений евреев. На это собрание был приглашен и управляющий по сбыту на фабрике «Целлофан» Габриэль Гольштадт, так же оставшийся без работы после немецкой оккупации г. Варшавы. Но договориться не удалось, всех участников собрания немцы арестовали, и, продержав в тюрьме некоторое время, отпустили¹⁸.

Еврейское население с ужасом приняло приход немцев на территорию Польши.

Побег в СССР

Немецкая армия наступала с запада, возможность бежать была только на восток, тем, более что восточный сосед — Советский Союз провозглашал равенство всех наций и народностей.

Как мы уже выяснили, страх стал тем решающим фактором, который заставил людей покинуть свой родной дом. Естественным желанием многих евреев было спастись от немецкого насилия на территории Советского Союза.

В поисках спасения люди стремились перейти советско-германскую границу.

Власти г. Варшавы, опасаясь приближения немцев к городу, в первых числах сентября 1939 года предупреждая, чтобы молодые люди покидали город¹⁹, по радио объявляли, чтобы «молодежь эвакуировалась из Варшавы в восточные районы страны»²⁰. Фридман Ицко вместе с другими ушел из города, как записано в протоколе допроса: «...Идти было некуда, кругом война, в Варшаву решил не возвращаться, устроился работать у крестьянина в д. Воля. Через 2 месяца решил двигаться в Брест-Литовск к родственникам... Родные (мать, брат, сестра) остались в Варшаве...» В это время ему всего было 15 лет²¹.

Абрам Эльснер бежал от немецких оккупантов из Кракова. «...Бежали на восток, по дороге колонну беженцев начали бомбить, все побежали прятаться, когда вернулся на дорогу там были одни трупы, живых никого уже не было. Родных больше не видел.

Вернулся в Краков, сначала прятался от немцев. Но объявили приказ, кто не выйдет на прежнюю работу, всех расстреляют, вернулся на работу по монтажу водопровода и центрального отопления. В 1939 году собрал свои вещи и перешел на территорию СССР...» На советской территории был задержан пограничниками за нелегальный переход границы²².

Некоторые случаи перехода границы заслуживают отдельного внимания.

Симха Гершман, после того, как Красная Армия отошла к реке Буг, смог с другими беженцами выехать в г. Брест-Литовск, но в октябре 1939 года возвратился в Варшаву за женой. Оказалось, что «перейти Буг было несложно, так как часовых на границе не было...», а обратно (на советскую сторону) перейти границу помог немецкий офицер, который за 15 злотых организовал переправу через реку для всех желающих²³.

17-летний Самуил Венгер после начала войны оказался на немецкой территории, в поисках работы через границу перешел на территорию СССР, где тоже не было никакой работы, и в 1940 году решил вернуться обратно. «...Но немцы не пустили на свою территорию и отправили обратно в СССР, советские пограничники после расспросов отправили их обратно на немецкую территорию, немцы же, узнав, что они евреи, избили их и отправили обратно на советскую территорию и пригрозили, что если они здесь останутся их расстреляют...»²⁴

В показаниях Соломона Данковича читаем, что «...границу перешел спокойно, немцы не препятствовали, только отобрали деньги и вещи... отпустили на нейтральную полосу...»²⁵

Дон Шмальцбах после оккупации своего родного города Ярославля, покинул город, жил за городом в деревне. «...Примерно через 3 недели образовалась советско-германская комиссия, которая контролировала движение через границу, давала пропуски для перехода границы...» Тех, кто получил такой пропуск, немцы сопровождали конвоем²⁶.

Таким образом, мы видим, что немцы совершенно не препятствовали бегству евреев из Польши в Советский Союз, не чинили никаких препятствий, а в некоторых случаях даже провоцировали переход границы.

Так было с Иосифом Фаустом. Город Тешин, где он проживал, 1 сентября заняли немецкие войска, и до 26 октября 1939 года все евреи были заняты на принудительных работах». А 26 октября от немецких властей получил повестку прибыть вместе с вещами на вокзал. 27 октября всех мужчин евреев погрузили в пассажирские вагоны и довезли всех до станции г. Катовице, там пересаживали в товарные вагоны и довезли до ст. Ниско, где построили в колон-

«Я новым именем открою боль поражений и обид...»

85

ну и отвели в лес за 15–20 км от станции. В лесу немцы велели устраиваться на жилье, а сами ушли. В ближней к лесу деревне узнали, что недалеко располагается германо-советская граница. Вместе с местными крестьянами брошенные на произвол судьбы люди решили идти к границе, к тому времени там уже собралось около 2-х тысяч человек. Всех через границу не пускали, тогда решили переходить на советскую территорию маленькими группами нелегально²⁷.

А Генриха Бахнера немцы выставили насильно в СССР, иначе обещали отправить в гестапо²⁸.

Кто-то переходил границу группами, кто-то — поодиночке.

Надо отметить, что сначала Красная Армия заняла территорию Польши до реки Висла, а после 28 сентября отступила на восток до реки Буг, и часть восточно-польского населения ушла вместе с ней, люди бежали из зоны оккупации без денег, одежды, документов.

Итак, в сентябре 1939 года польские евреи оказались, как по ту, так и по эту сторону границы с СССР.

Что случилось с евреями, оставшимися в зоне немецкой оккупации, нам хорошо известно. Множество книг написано эту тему, сняты фильмы. Опубликованный дневник еврейской девочки Анны Франк, фильмы: «Пианист» Романа Поланского, «Список Шиндлера» Стивена Спилберга ошеломили весь мир. И не дают забыть нам о том, как уничтожали людей, в основном по одному признаку — принадлежности к еврейской национальности.

А как же сложились судьбы евреев, которые оказались по другую сторону границы, на Советской территории? Как мы уже упоминали выше, сведения в источниках информации весьма скупы. Для нас еврейские беженцы из Польши, волею судьбы оказавшиеся в Кировской области, стали источником куда более достоверной информации.

На советской территории

Что же случилось с теми, кто нелегально перешел границу и оказался в зоне советской оккупации?

Убегая от насилия, жестокости, безработицы и унижения еврейское население верило в лучшую жизнь в провозгласившей равноправие народов стране — Советском Союзе, надеялось найти приют, работу, понимание.

Из протокола допроса Симхи Гершмана:

- Какова же цель перехода границы?
- Желание жить и работать в свободной стране²⁹.

Но, увы, они ошибались. Обидно за нашу страну, которая не помогла несчастным людям, а всего лишь отсрочила кончину одним, и продлила страдания на долгие годы другим.

И так, что же с ними произошло дальше.

Перебежчики, оказавшись на советской территории, пытались устроиться на работу. Особого выбора не было, поэтому работали, где придется. Кому повезло — нашли работу быстро, но были и такие, кто остался совершенно без средств к существованию.

Особенно трудно было подросткам. Семену Небесскому, чтобы как-то обеспечить свое существование приходилось «перебиваться случайными заработками», а крышу над головой он нашел в синагоге³⁰. Его арестовали и как малолетнего преступника отправили в Киевскую колонию. Вместе с ним были отправлены еще двое подростков — Ицко Фридман и Петр Тейблум.

Тех, кто перешел границу нелегально, оказалось 33 человека. 23 из них были арестованы и высланы отбывать наказание в Горьковскую, Вологодскую, Кировскую области, Коми АССР.

Среди тех, кто нелегально перешел границу и претерпел неудачу в поисках работы на советской территории, были такие, кому было предложено записаться «добровольцами» и ехать на заработки в глубь страны, в том числе и в Кировскую область. Их оказалось трое: Иосиф Фауст в течение 6 месяцев искал работу в г. Львове, потом получил предложение «ехать в различные города, выбрал г. Киров»³¹; Герш Скурковский из города Белосток решил выехать по личному желанию в Коми АССР на лесозаготовки³²; Давид Сважинский завербовался в г. Луцке на работу в Кировскую область — на Гадовские торфоразработки³³.

Желание ехать на заработки вглубь страны, быть может, было вызвано надеждой на новую жизнь. Но их надежды очень быстро превратились в разочарования. В уголовных делах нет описания условий труда на Гадовских торфоразработках, но можно смело предположить, что они мало, чем отличались от условий труда, о которых упоминается в книге Г. Костырченко: «...Мы работаем босыми в болотах до колен... при очень плохом отношении к нам, работая с различными преступниками... При таких условиях... никто из нас не может заработать даже на еду...»³⁴

На советской территории, в городах Львове, Белостоке, Брест-Литовске, Луцке, скопилось огромное количество несчастных евреев. Тревога о родных и близких, оставшихся на немецкой территории, страх перед неизвестностью, недоверие к советской власти вызывали желание у части беженцев вернуться обратно в Польшу.

«Я новым именем открою боль поражений и обид...»

87

Тем же, кто желал выехать в зону немецкой оккупации, необходимо было зарегистрироваться в органах НКВД. Фактически, это оказалось проверкой на лояльность к советской власти.

Из протоколов допросов:

Давид Амкраут: «...Во Львове ... записался в столярную артель, но захотел вернуться обратно в Польшу. Для этого заявил в органы НКВД, был арестован»³⁵.

Лейб Ломко: «В мае 1940 года пожелал вернуться обратно в Польшу (чтобы жить с родными), был арестован»³⁶.

В общей сложности их оказалось четверо. Вышло так, что за желание вернуться в родную страну они понесли наказание.

Таким образом, все, кто оказался в чужой стране, не получили никакой поддержки со стороны властей. А получили свое первое наказание, свой первый срок и первое разочарование.

В Кировской области

Вот мы добрались до одного из главных вопросов: «А как же польские евреи оказались в Кировской области?»

В 1941 году после вторжения Германии в СССР, разгрома приграничных армий, Советское правительство пересмотрело политику взаимоотношений с Западом. Под давлением Англии СССР был вынужден признать польское правительство в Лондоне, установил с ним дипломатические отношения. Одним из итогов достигнутых соглашений была объявленная 11 августа 1941 года амнистия всем польским гражданам, по которой они освобождались из тюрем, лагерей и спецпоселений. Национальность при этом не играла никакой роли, главным было подтверждение того факта, что на 1 сентября 1939 года они являлись гражданами Польши.

К концу 1941 года на территории Кировской области оказалось большое число амнистированных, отбывавших наказание не только в Кировской области, но и в Архангельской, Вологодской областях, Коми АССР. Стремилась остаться в г. Кирове или в прилегающих к нему поселениях, «...потому что в Кирове была делегатура и была возможность получить какую-нибудь материальную помощь»³⁷. Действительно, к концу 1941 года в Кирове было открыто представительство республики Польши — Делегатура польска, которая оказывала помощь польским гражданам, оказавшимся вдали от родины. К функциям делегатуры относились:

- учет польских граждан: как освободившихся, так и приехавших в область добровольно вне зависимости от национальности;

- оказание помощи продовольствием, одеждой, деньгами;
- устройство польских граждан на работу в организации и учреждения по специальности;
- отправка в польскую армию молодых и здоровых польских граждан, желающих служить;
- оказание помощи польским сиротам продуктами, вещами, деньгами;
- оказание помощи женам, чьи мужья находились в польской армии;
- информирование польского представительства о нуждах, состоянии здоровья и материальном обеспечении польских граждан.

Кроме того, выдавалась для чтения газета «Польша», которую привозили из г. Куйбышева, где находилось посольство республики Польша³⁸. В г. Мураши Кировской области выписывали газету на польском языке «Новые горизонты»³⁹.

В районах области, где проживало значительное количество польских граждан, назначались доверенные лица посольства. По данным делегатуры на 20 мая 1942 года в области проживало 2150 польских граждан, попавших под амнистию. К сожалению, не известно, сколько среди них было евреев, но предполагаем, что число их было значительно. В делегатуре работали польские евреи Шимон Финк, Бронислав Гитлин, а доверенным польского посольства по Мурашинскому району Кировской области — Габриэль Гольштадт, по Халтуринскому — Григорий Эрлихсон.

Итак, среди бывших польских граждан, в том числе, и евреев, кто оказался в г. Кирове и Кировской области после отбывания сроков наказания, или, как записано в документах следственных дел, «...после лагерей выбрал для проживания Кировскую область», насчитывалось 28 человек.

Но кроме них, среди осужденных польских евреев есть такие, кто приехали в нашу область в эвакуацию из западных районов, в основном из г. Вильно. Их мы насчитали 7 человек.

Один человек был направлен в Кировскую область на работу после окончания техникума. Это Шимон Финк.

Им предстояло обосноваться на жительство в нашем суровом северном крае. И чтобы как-то жить, необходимо было найти работу. Лишь единицам удалось устроиться по специальности: зубным техником (Невах Минц), зубным врачом (Натан Фридман), часовщиком (Самуил Фишер), художником-ретушером (Калма Найфельд), портным (Хаим Рыбак). В большинстве имели неквалифицированную работу: грузчиков, подсобных рабочих и т.п.

«Я новым именем открою боль поражений и обид...»

89

Все они стояли на учете в делегатуре как польские граждане, получали материальную помощь от польского посольства в виде продовольствия, одежды, обуви, реже — деньгами. Ицко Фридман пишет: «...Ходил в делегатуру 3–4 раза в месяц, в назначенные дни, получал там обеды, хлеб, одежду...»⁴⁰ Все это приходило из Лондона и было хорошего качества. Помощь со стороны польского правительства поддерживала их любовь к Польше.

Польские евреи старались жить, поддерживая друг друга, общались преимущественно тоже друг с другом, селились рядом или вместе, часто снимая одну комнату в квартире и тем самым старались не расставаться с привычным для них образом жизни.

Из следственных документов мы почерпнули некоторые сведения. Самуил Фишер рассказывал, как евреи, проживающие в г. Кирове, встречали новый 1942-й год. Это было за городом на каком-то фабричном дворе. Кировский горсовет разрешил евреям проведение молений в помещении на ул. Ленина (не удалось установить его местонахождение). Участники молений имели религиозные книги и там их читали. Присутствовало 300–400 человек. Старые евреи выступали с речами религиозного характера. В октябре 1942 года собирались отмечать Судный день⁴¹.

Из рассказа Исаака Нусбаума мы узнали, что евреи, проживающие в г. Слободском, собирались вместе, размышляли о послевоенной жизни, о жизни в Палестине. Устраивали вечеринки, на них пели «польские национальные песни, песни на еврейском языке», пели польский национальный гимн, тосты поднимали за возвращение в Польшу⁴². Габриэль Гольштадт рассказывал, как евреи в Мурашинском районе отмечали еврейскую пасху. Специально для этой цели на польском складе создавали запас продуктов. Всем евреям раздавали мацу⁴³.

Особо хочется отметить деятельность тех, кто работал в делегатуре, так как они оказывали помощь не только польским гражданам, но и тем, кто проживал рядом с ними — местным гражданам и гражданам, эвакуированным в нашу область.

Среди них были Шимон Финк и Габриэль Гольштадт.

Финк, как завхоз делегатуры, занимался устройством польского детского дома в Кировской области (в селе Молома Опаринского района). Этот детский дом был создан специально для польских детей с целью обучения их родному польскому языку и польским традициям.

Финк решал вопросы получения различных материалов через облплан; к нему несколько раз обращались руководители облисполкома и райкома партии с просьбами о помощи вещами для эвакуированных граждан и продуктами для больных⁴⁴.

Габриэль Гольштадт в качестве доверенного посольства помог полякам организовать магазин, через который им выдавали материальную помощь, участвовал в организации польского дома инвалидов, а также помогал советским служащим, снабжая их товаром, например, заведующей жилищно-коммунальным отделом, которая помогала расселять поляков, начальнику железнодорожной станции, управляющему отделением госбанка, чтобы не задерживал выдачу денег, перечисляемых делегатурой (на следствии это было расценено как взятка)⁴⁵.

Арест. За что?

Польские евреи, волею судеб оказавшиеся вдали от родины и не познавшие «уроков» советского воспитания, не привыкли молча соглашаться с несправедливой действительностью, и поэтому в разговорах между собой они смело обсуждали и положение на фронтах, и политику советского государства, и высказывания вождей. На свою беду эти люди не могли понять, что их разговоры становились предметами доносов подслушивавших их квартирных хозяев или соседей по коммунальным квартирам.

О чем же велись разговоры? Что в них было криминального? Все разговоры сводились к сравнению жизни в Польше и в СССР, и, к сожалению, не в пользу Советского Союза.

Еще до начала военных событий у многих польских граждан было положительное мнение о жизни в СССР, но, приехав сюда, они удивлялись горькой действительности: «здесь нет никаких условий для жизни»⁴⁶; «в Советском Союзе население живет плохо, голодает, ничего из продуктов питания, одежды и обуви нет, а также ничего не было и до войны»⁴⁷; население голодает: «нет продуктов, нет других товаров»⁴⁸; кормят плохо: «...чем здесь кормят, то в Польше и свиньи есть не будут, ...над рабочими правительство издевается...»⁴⁹; «Советская власть все отбирает у колхозников, а рабочих насильно заставляет работать, за работу оплачивает дешево... Власть издевается не только над своим народом, но и над польскими гражданами, проживающими в СССР...»⁵⁰ Хочется привести полное отчаяния признание Льва Геника: «...У вас даже хлеба нет, а работать заставляют много, я жил дома и не нуждался. У нас даже помещики и фабриканты кормили батраков лучше, чем у вас питается начальство. Кончится война, уеду в Польшу, У вас здесь с голоду пропадешь...»⁵¹

Голод, нищета, непосильные заработки усиливали тоску по родине и желание вернуться обратно — в родную Польшу. «За воз-

«Я новым именем открою боль поражений и обид...»

91

вращение в Польшу отдал бы полжизни», — говорил Гирш Банашек⁵².

Под этими словами и словами Берко Гельтмана: «Я считал СССР не своим государством. Своим государством я считал буржуазную Польшу, которой я симпатизировал до дня моего ареста и держал намерение после войны возвратиться в Польшу»⁵³, подписался бы каждый из 39 евреев, оказавшихся на чужбине. Все они, мечтая возвратиться в Польшу, надеялись на восстановление в стране буржуазного строя, на сохранение независимости своей страны.

Они также мечтали и о еврейском государстве — Палестине, о хорошей жизни там, о том, что каждый будет работать сам на себя⁵⁴.

Разве можно было вести себя так свободно, собираться вместе, обсуждать жизнь в Советской стране, хвалить буржуазную Польшу, а тем более — мечтать вернуться в эту страну? Они об этом не думали. Эти люди просто не понимали, как можно разговоры в компании называть агитацией против власти, и не считали себя врагами советского строя.

Однако им всем было предъявлено обвинение по ст. 58, п.10 — обвинение в антисоветской агитации:

- четырнадцати человекам добавочно предъявили п.11 — участие в организации при совершении данного преступления;
- семерым — п.14 — контрреволюционный саботаж;
- троим — п.1а — разглашение сведений, не подлежащих оглашению;
- двоим работникам делегатуры (Соломону Данковичу и Габриэлю Гольштадту) — п. 6 — шпионаж против СССР.

Вне зависимости от признания или непризнания своей вины, они получили срок от 7 до 10 лет:

- 12 человек получили 7 лет ИТЛ (одному из них по кассационной жалобе наказание снизили до 5 лет);
- 9 человек — по 8 лет ИТЛ;
- 9 человек — «заслужили» по 10 лет ИТЛ;
- пятерым дали по 5 лет лагерей;
- одного — Шимона Финка, как имевшего польский паспорт, выдворили за пределы СССР.

Одного из 39 приговорили к высшей мере наказания. Это Соломон Данкович (приговор приведен в исполнение 27 декабря 1941г.) Для двоих евреев — Иосифа Фауста и Макса Вейстраха — все закончилось весьма благополучно: их дела были прекращены в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года об амнистии польских граждан. Других сведений о них найти не удалось.

Сведения о месте отбывания наказания встречаются не во всех исследуемых делах, удалось установить, что это были Вятлаг (Кировская область), Печерлаг (г. Печерск Коми АССР), Норильлаг (Красноярский край), Озерлаг (Иркутская область).

Судьбы большинства осужденных нам неизвестны.

Лишь в одном уголовном деле нам удалось проследить дальнейшую судьбу одного из осужденных. Это Бронислав Гершенович Питлин. Он полностью отбыл срок — 10 лет, в ноябре 1954 года был признан инвалидом 2-й группы и 15 декабря 1955 года репатриирован в Польшу, а оттуда выехал на постоянное место жительства в Израиль⁵⁵.

Также доподлинно известно, что Габриэль Игнатъевич Гольштадт 16 октября 1950 года умер в Озерлаге (ст. Тайшет Иркутской области) от истощения на почве туберкулеза⁵⁶. Совсем ничего не известно о 25 пострадавших евреях.

Как проходило следствие

Все «виновные» получили наказание и полностью отбыли положенные сроки. Но чувство совершенной советскими органами власти по отношению к ним несправедливости не покидало их.

Они хотели, они требовали оправдания.

После смерти Сталина появилась надежда на восстановление справедливости.

В некоторых уголовно-следственных делах нам встретились документы, рассказывающие о том, как проходило следствие по фактам обращения о восстановлении справедливости. Это заявления с просьбой разобраться в невинности авторов. В них содержатся скудные сведения о том, как проходило следствие, как были добыты показания, дополнившие картину трагических событий.

В 1955–1960 годах польские евреи написали жалобы-прошения о пересмотре их уголовных дел и отмене наказания. Как нам кажется, это были самые смелые из пострадавших. Это Калма Найфельд, Исаак Шапиро, Григорий Эрлихсон, Герц Цукер. По их жалобам были проведены дополнительные следственные мероприятия.

Всего из четырех документов нам удалось установить, как проходило следствие и в отношении польских евреев.

Как мы уже упоминали выше, оказавшись на территории г. Кирова и Кировской области, большинство польских граждан, в том числе и польских евреев, были сосредоточены более или менее скученно. Особенно это касается тех, кто жил и работал на

спец.поселении и в исправительно-трудовых лагерях. Те же, кто работал по найму, или после амнистии остался жить в Кирове и населенных пунктах области, старались селиться недалеко друг от друга, а то и вообще вместе. Причины понятны: эти люди плохо владели русским языком, были здесь чужими, старались держаться вместе. Они не могли понять, почему их разговоры, возможно, неправильно понятые, стали предметом доносов.

Герц Цукер после объявления приговора в 1943 году написал в кассационной жалобе: «Я являюсь бывшим гражданином Польской республики, к тому же плохо владею русским языком и потому считаю, мои разговоры свидетелям непонятны и на следствии показаны неправильно... Прошу коллегия Верховного Суда РСФСР отменить приговор и меня реабилитировать, предоставить мне возможность вступить в польский легион им. Тадеуша Костюшко... Как польскому патриоту»⁵⁷. Коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев заявление, оставила решение областного суда без изменения⁵⁸.

Во время пересмотра дела в 1958 году Исаак Шапиро на допросе показал: «Те показания, которые я давал на следствии, были написаны самими следственными работниками, я их только подписывал. Все эти показания не соответствовали действительности. В связи с тем, что я малограмотный и в тоже время слабо владел русским языком, я сам читать протокол допроса не мог, и многое, что мне зачитывали следователи, я не понимал, также по отношению ко мне во время допросов применяли меры физического воздействия, заставляли стоять по несколько часов лицом к стене в кабинете, поэтому я давал надуманные показания»⁵⁹.

Григория Эрлихсона, проходившего вместе И. Шапиро по одному делу, тоже допрашивали в 1958 году: «В 1943 году меня допрашивали ночью, на допросах следователь избивал меня. Все это вынудило дать на себя ложные показания и оговорить своих знакомых ...» В результате проведенных дополнительных следственных мероприятий прокурор отметил: «Следователь, проводивший расследование по делу, допускал нарушение социалистической законности и был отстранен в то время от следственной работы»⁶⁰.

В ноябре 1955 года во время проведения дополнительной проверки дела по заявлению Калмы Найфельда был допрошен сотрудник внутренней тюрьмы МГБ Кировской области, который дал показания о применении недопустимых приемов ведения следствия: «...Найфельд и др. допрашивались по ночам часов до 5 утра, а после этого им в тюрьме... не давали спать, и так продолжалось больше месяца... Такая практика применялась вообще ко всем арестованным, которые содержались в тюрьме...»⁶¹ В итоговом

заклучении по результатам проверки по данному делу записано: «Установлено, что каких-либо доказательств, свидетельствующих о преступной деятельности Найфельда и др. не имеется. Их показания о признании своей вины являются несостоятельными... Установлено, что бывшие работники НКВД по Кировской области, проводившие расследование по данному делу, грубо нарушали социалистическую законность и фальсифицировали следственные дела»⁶².

Исследуя уголовные дела на вышеуказанных 39 польских евреев, мы установили, что после вынесения приговора 7 человек подавали кассационные жалобы в вышестоящие инстанции с просьбой о пересмотре дела. Но если в деле была приписка: «Осужден правильно», дела больше не рассматривались, лишь только одному из подававших жалобы была снижена мера наказания с 7 лет на 5 лет, а осуждение оставлено в силе.

Реабилитация

В 1956 году на основании Постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР, «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении военнопленных и членов их семей», Указа Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления» были пересмотрены дела на осужденных, в результате многие из них были реабилитированы, восстановлены их права.

В 50-х годах реабилитация проходила только по заявлениям самих осужденных или их родственников. В нашем случае из 39 только 7 человек были реабилитированы в 1950–1960-х годах⁶³.

Остальные продолжали жить с клеймом «враг народа». Среди них был и Бронислав Гитлин. В 1957-м году, проживая в Израиле, подал заявление о реабилитации, но попытка смыть с себя пятно «врага народа» оказалась неудачной — заявление осталось без удовлетворения. Только в 1994-м году Прокуратура Кировской области полностью его реабилитировала.

Это стало возможным только после выхода в 1989-м году Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению в правах граждан, пострадавших от политических репрессий» и введения в действие в 1991-м году закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», целью которых было определение порядка реабилитации, пострадавших в годы репрессий на территории РФ с 25 октября (7 ноября) 1917 года, обес-

«Я новым именем открою боль поражений и обид...»

95

печение посильной компенсации материального и морального ущерба⁶⁴.

Так была полностью восстановлена невиновность оставшихся тридцати двух польских евреев. Их реабилитация продолжалась вплоть до 2001-го года. Все евреи, чьи судьбы стали предметом нашего исследования, реабилитированы. Их имена занесены в Книгу памяти жертв политических репрессий Кировской области.

* * *

В своей работе мы изучили судьбы 39 польских евреев, которые, убегая от фашистского насилия, искали спасения в Советском Союзе, рассчитывали здесь на поддержку, но все сложилось намного трагичнее, чем они предполагали, и их ожидали новые трудности и испытания. Мы выяснили, что все они пострадали ни за что.

Кроме того, мы расширили свои представления и знания по истории 2 Мировой Войны и, как мы считаем, вписали еще одну страницу в летопись Вятского края.

Хочется отметить, что исследование вызвало интерес у сотрудников Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО), и они предложили принять его на хранение.

Мы думаем, что работа может вызвать интерес и за пределами России, т.к. многие родственники тех, о ком мы написали, не знают практически ничего о судьбе своих близких — наша работа может им помочь.

В журнале «Лехаим» мы прочитали, что в 2008 году в Варшаве планируется открытие музея польского еврейства⁶⁵. Мы думаем, что наша работа или материалы, найденные нами, могут войти в создаваемую музейную экспозицию.

Примечания

¹ Занявшись с изучением данной проблемы, мы выяснили, что данная тема долгое время было совсем не «модной», печатных публикаций не было, Современная информация в наибольшем объеме сосредоточена в сети «Интернет». Единственный материал, отражающий изучаемую проблему, мы нашли в главе «Проблемы польских евреев» в книге Г. Костырченко «Тайная политика Сталина» (М., 2003). О том, что наиболее ощутимые жертвы — свыше 2 млн. человек понесла еврейская община Польши и еще более 1 млн. бывших польских евреев погибли на территориях, отошедших осенью 1939 года к Советскому Союзу нам помогло узнать учебное пособие для средней общеобразовательной школы И.А. Альтмана, А.Е. Гербе-

- ра, Д.И. Полторака «История Холокоста на территории СССР» (М.: Фонд Холокоста, 2001). Некоторые статистические данные мы нашли в статье А. Дьякова «Место польского вопроса в политике СССР (лето 1941 – лето 1944)» (Россия в XX веке, Война 1941-1945 годов. Современные подходы. М., 2005).
- ² Ерохин С.В., Созинов А.Г. История России. XX век: Учебное пособие. Ч.2. Киров, 2004. С.141.
 - ³ Алексашкина Л.И. Новейшая история. XX век. Учебник для 9-го класса. М., 2003. С.139-140.
 - ⁴ Ерохин С.В., Созинов А.Г. История России. XX век: Учебное пособие. Ч.2. Киров, 2004. С.143.
 - ⁵ Костырченко Г. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С.185.
 - ⁶ Там же. С.187.
 - ⁷ Там же. С.187.
 - ⁸ Там же. С.189.
 - ⁹ Там же. С.189.
 - ¹⁰ Там же. С.190.
 - ¹¹ ГАСПИКО. Ф.6799. Оп.1. Д.СУ-1135. Т.1. ЛЛ. 12, 16.
 - ¹² ГАСПИКО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-9930. Т.1. ЛЛ.41-43 об.
 - ¹³ ГАСПИКО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-10264. Т.1. Л.146.
 - ¹⁴ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.3. Д.СУ-3995. Т.4. ЛЛ. 17-18
 - ¹⁵ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.6. Д.СУ-7787. Т.1. ЛЛ. 69, 69 об.
 - ¹⁶ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.6. Д.СУ-8151. Т.3. Л.149.
 - ¹⁷ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.6. Д.СУ-8151. Т.3. Л.12.
 - ¹⁸ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.11. Д.СУ-12768. Т.2. ЛЛ.11-14.
 - ¹⁹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.6. Д. СУ-8151. Т.1.Л.104 об.
 - ²⁰ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-9930. Т.1. Л.11.
 - ²¹ Там же. Л.12-13.
 - ²² ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-10007. Т.1. ЛЛ.63-66.
 - ²³ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.6. Д. СУ-8151. Т.1. ЛЛ.104-105.
 - ²⁴ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-10540. Т.1. ЛЛ.11-12.
 - ²⁵ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.12. Д.СУ-12869. Т.1. ЛЛ. 14-16.
 - ²⁶ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.10. Д.СУ-12197. Т.1. ЛЛ.14-16.
 - ²⁷ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.1. Д.СУ-1135. Т.1. ЛЛ. 8 об.-9 об.
 - ²⁸ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.Су-10264. Т.1. Л.50.
 - ²⁹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.6. Д.СУ-8151. Т.3. Л.106.
 - ³⁰ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-9930. Т.1.Л.43.
 - ³¹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.1. Д.СУ-1135. Т.1. Л.12.
 - ³² ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.6.Д.СУ-8151. Т.1. Л.129.
 - ³³ ГАСПИ КО. Ф.6799. Д.СУ-7787. Т.1. ЛЛ.74, 74 об.
 - ³⁴ Костырченко Г. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С.190-191.
 - ³⁵ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.3. Д.СУ-3995. Т.4. Л.412.
 - ³⁶ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.6. Д.СУ-8151. Т.3. Л.15 об.
 - ³⁷ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-9930. Т.1. Л.13.
 - ³⁸ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.9. Д.СУ-10601. Т.1. ЛЛ.18-20.
 - ³⁹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.9. Д.СУ-10601. Т.1. ЛЛ.130-131.

- ⁴⁰ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-9930. Т.1. Л.13.
- ⁴¹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д. СУ-10264. Т.1. ЛЛ. 73-86.
- ⁴² ГАСПИ КО. Ф.6799. . Оп.9. Д.СУ-11240. Т.1. ЛЛ.10-15, 86-89.
- ⁴³ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.11. Д. СУ-12768. Т.2. ЛЛ.13-14.
- ⁴⁴ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.9. Д.СУ-10606. Т.1. ЛЛ.18-25, 130-131.
- ⁴⁵ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.11. Д.СУ-12768. Т.2. ЛЛ.13-14.
- ⁴⁶ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-9930. Т.1. Л.306.
- ⁴⁷ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.4. Д.СУ-5809. Т.1. Л.20.
- ⁴⁸ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-9930. Т.1. Л.308.
- ⁴⁹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д. СУ-9791. Т.1. ЛЛ.60-61.
- ⁵⁰ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-10007. Т.1. ЛЛ. 60-61.
- ⁵¹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.9. Д.СУ-11844. Т.1. ЛЛ.71, 71 об.
- ⁵² ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-9791. Т.1. ЛЛ.60-61.
- ⁵³ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.8. Д.СУ-10007. Т.1. Л.20.
- ⁵⁴ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.4. Д.СУ-5809. Т.1. Л.17.
- ⁵⁵ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.10 . Д.СУ-12197. Т.1. Л.117.
- ⁵⁶ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.11. Д.СУ-12768. Т.2. Л.125.
- ⁵⁷ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.9. Д.СУ-11156. Т.1. ЛЛ.73, 73 об.
- ⁵⁸ Там же. ЛЛ.77, 77 об.
- ⁵⁹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.4. Д.СУ-5809. Т.1. ЛЛ. 373, 373 об.
- ⁶⁰ ГАСПИ КО. Ф.6799.Оп.4 . Д.СУ-5809. Т.1. Л.368.
- ⁶¹ ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.3. Д.СУ-3995. Т.3. ЛЛ.69-70.
- ⁶² ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.3. Д.СУ-3995. Т.3. ЛЛ.69-70.
- ⁶³ Книга памяти жертв политических репрессий Кировской области. Т.1. С. 435.
- ⁶⁴ Там же. С. 437.
- ⁶⁵ Ежемесячный литературно-публицистический журнал «Лехаим», №161, Сентябрь, 2005. С.62.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
БРОНИСЛАВА ЖАКА-ФАЙФЕЛЯ
(Из Брод — в Усолье)

Анастасия Кружалина
(ученица 11 класса лицея № 1,
г. Усолье-Сибирское Иркутской обл.
Научный руководитель Н.В. Бубнова)

*Самое большое счастье узника концлагерей,
что он может забывать. Картины памяти со
временем теряют четкие контуры, размываются.
Остаются детали, но те уже не грозные*

Польский профессор

Пишу и понимаю, что для многих людей в России само слово Холокост, Всесожжение — звук пустой. Оно либо неизвестно, либо вытеснено в самые потаенные уголки нашего сознания. То тут, то там звучат голоса: «Зачем вообще говорить о Холокосте, смущать людей историями методичного уничтожения более 6 миллионов евреев в 30–40-е годы XX века?»

Однажды мне на глаза попала статья¹, в которой говорилось о жертвах немецкого фашизма и геноцида. Меня заинтересовала проблема памяти жертв геноцида. Наверное, и в моем городе есть

люди, чьи семьи пострадали от подобной политики. И в этом я убедилась, приступив к исследованию.

Мне удалось связаться с одним замечательным человеком: Бронислав Филиппович Жак-Файфель — врач-онколог, посвятивший более пятидесяти лет своей жизни городу Усолью-Сибирскому. Сколько гонений, издевательств, мучений пришлось перенести Брониславу Филипповичу, но он не потерял интерес к жизни, веру в будущее, стойко и мужественно перенес все испытания судьбы. Сейчас он живет в Израиле, но в Усолье его помнят и очень уважают. Всей некогда большой еврейской семье Файфель, пришлось перенести тяжелые испытания: насильственный труд в концлагере во время войны, в тылу врага, сибирскую ссылку в сталинские времена.

Семья Файфель проживала в Польше, в городе Броды. Глава семьи Филипп Файфель — энергичный и образованный человек. Он был крупным лесоторговцем, организовал Акционерное общество. Умер Филипп Файфель в 1930 году от онкологического заболевания. После его смерти его акционерное общество обанкротилось. Жена Клара Моисеевна Айдис (умерла в 1972 году от инфаркта), дочь аптекаря Моисея Айдиса, почетного гражданина города Кременец, и мать Бронислава, окончила женскую гимназию, знала кроме русского три языка, прекрасно играла на рояле. Ее отец, аптекарь Моисей Айдис, был уникальным человеком, так как сумел в царской антисемитской России стать почетным гражданином города. После смерти мужа Клара Моисеевна вышла повторно замуж за друга детства Казимира Жака. Отчим усыновил Бронислава Филипповича.

Биография Бронислава Филипповича — богатейший материал для исследования. Родился Бронислав Филиппович 9 марта 1924 года в польском городе Броды Львовской области. В Бродах он окончил польскую гимназию с отличием. После окончания гимназии был принят в Львовский политехнический институт на электромеханический факультет.

Начало войны

Бронислав Филиппович вспоминает:

«После оформления документов я долго не уходил из института, любовался расписанными потолками, шедеврами польских художников. Вдруг задребезжали в окнах стекла. Мы выбежали на улицу. Фашисты бомбили окрестности Львова. Так началась Вторая мировая война!»

В сентябре 1939 г. по секретному договору между Германией и СССР та часть Польши, где проживал Бронислав Филиппович, отошла к СССР.

«До Бродов 90 километров. Шел домой двое суток. Дома уже свирепствовали немцы. Они окружили Львов с востока. Опьяненные победой, горланили свои песни, стреляли по окнам, грабили. Надежды на благородство рыцарей «нордической расы» у нас не было! Мы решили спрятать наши ценности: три комплекта столового серебра (36 ложек, вилок и так далее), редкие фарфоровые сервизы, богемский хрусталь, ценные рисунки известных художников».

В семье Файфель хранились семейные реликвии, о которых Бронислав до сих пор помнит. С болью и грустью он говорит об этих ценностях.

«Все это мы оставили у нашего «доброего соседа», адвоката, украинца по национальности. Другие ценности: шубы, ковры и другие лучшие вещи унесли к «друзьям—полякам». Вскоре после начала оккупации немцы выгнали нас из нашего дома. Нам удалось унести только личные вещи. Жили мы в это время на окраине города у знакомых. Немцы заставили всех евреев носить повязки со звездой Давида. Сводный брат Тадеуш узнал о готовящемся погроме. Он снял для меня комнату в гостинице».

Из окна комнаты Бронислав видел, как по улице вели колонну евреев. У одной женщины на руках был маленький ребенок. Полицией ударил ее по голове каской. Лицо женщины залила кровь, которая попала и на ребенка. В этот день погибло много евреев.

Многие соседи, которых семья Файфель раньше считала своими друзьями, после нашествия немцев предали и отказались от дружбы с евреями. И только некоторые остались порядочными людьми.

«Таким человеком был владелец автомастерской по фамилии Валюта, украинец по национальности, великий мастер на все руки. Он приютил меня в своей мастерской, в которой занимались ремонтом немецких мотоциклов и машин. Работа с мотоциклами вскоре мне пригодилась. В один прекрасный день в мастерскую ворвались украинские полицаи. Увидев повязку со звездой, грубо вытолкали меня на улицу, где уже стояла колонна евреев. Они заставили нас петь песню «Широка страна моя родная». Когда нестройный хор замолкал, полицаи били прикладами кого и куда попало».

Это была первая встреча Бронислава Филипповича с полициями, во время которой он почувствовал реальную опасность для своей жизни.

Он был арестован и отправлен в концлагерь Лячки-Шляхотские около города Злочев. Условия в концлагере были ужасные:

Жизненный путь Бронислава Жака-Файфеля 101

холод, голод, тяжелый труд, голые нары. Бронислав Федорович смутно помнит, как проходили его «трудовые будни». Через какое-то время заболела голова, резко поднялась температура, и он начинал терять сознание. Помощь пришла вовремя: в Ляцки-Шляхотские приехал с матерью друг семьи Валюта. Он договорился с охранниками вывезти Бронислава из лагеря за фамильные драгоценности. Бронислав не мог вспомнить, как очутился на чердаке у знакомых. Приглашенный врач поставил диагноз: сыпной тиф. Так как евреев в больницу не принимали, все время болезни Бронислав провел на чердаке под периной, не смотря на зиму. Лечение протекало тяжело! Чтобы его кормить, другу пришлось продать за бесценок золотой портсигар отца Бронислава.

Когда началась немецкая оккупация Ляцки-Шляхотских, Тадеуш (сводный брат Бронислава) передал Брониславу свои документы, таким образом, Бронислав стал «поляком-католиком» Жаком Тадеушем. Он вынужден был это сделать, потому что его могли арестовать и расстрелять так же, как тысячи других евреев, смерть которых ему неоднократно приходилось видеть на улицах города. Эти картины до сих пор живы в его памяти.

Мать и сестра Фелиция уехали под Варшаву по чужим документам. Бронислав перебрался во Львов и устроился учеником автослесаря, где был второй раз арестован. При оформлении карточек на хлеб миловидная украинка попросила его подождать несколько минут. Скоро за его спиной появились два офицера в черных мундирах эсэсовцев. Они повели его на 4-й или 5-й этаж. В какой-то комнате были слышны крики и вопли истязаемого человека. Офицеры закрыли Бронислава в ванной комнате, но не успели оборудовать решетками свою «душегубку». Бронислав открыл окно. Первая мысль была прыгнуть вниз и покончить жизнь самоубийством. Если бы узнали его национальность, то совершенно исчезла бы надежда на жизнь. Около окна был небольшой козырек для стока дождевой воды. Этажом ниже такой же козырек. Между ними водосточная труба. Во дворе никого не было. По трубе он спустился вниз и, догнав трамвай, добрался до своей квартиры. Забрал вещи, ушел в лес, где пробыл сутки. Бронислав Филиппович остался без документов, и денег у него было мало. Окольными путями добрался вечером до Бродов. Зашел в дом к адвокату, где проживал раньше, но квартира закрыта, и в окнах не было света. Бронислав Филиппович искал место, где можно было заночевать. Остаться в городе, где все знали его семью, было опасно. Он перелез через забор мастерской, где работал раньше, и выбрал отремонтированный мотоцикл. Чтобы уехать, необходимо было достать ключи зажигания,

которые хранились в железном ящике с ремонтными инструментами. Взяв ящик, Бронислав стал тихо выкатывать мотоцикл, но около сторожевой будки ящик отвязался, инструменты рассыпались, произведя большой шум. Бронислав испугался и вооружился железной трубой. Из будки никто не вышел: охранник или спал, или отсутствовал, или просто побоялся выйти. Уже за воротами случилось непредвиденное обстоятельство — сгорела фара мотоцикла. Без света проехал по плохой дороге 15 километров. Добирался до деревни, где работал лесником Тадеуш Жак. Сводный брат обрадовался приезду Бронислава и спрятал его в лесу вместе со своей девушкой, красавицей — еврейкой Соней, ее отцом, матерью и младшей сестрой. Туда же перебралась семья школьного товарища Артура Клеппера. Общими усилиями выкопали в лесу глубокий бункер, в котором сделали нары. Крышу бункера замаскировали мхом и прикрепили сосенку. Недалеко от бункера был небольшой ручеек. Несколько дней прошло после приезда Бронислава Филипповича, когда к леснику Тадеушу прибежали люди и сообщили, что в лесу видели трупы «убитых жидов». Вместе с этими людьми Тадеуш пошел к тому месту. Около открытого люка бункера лежал Артур, рядом с трупом тяжелая дубина с гвоздями. В бункер убийцы сбросили трупы семьи Сони и Клеппера. Это злодейство совершили местные крестьяне-украинцы. Нетрудно было догадаться, что цель убийства — грабеж. Украинцы знали, что преступников никто не будет искать!

«Тадеуш отдал мне все остальные свои документы, в том числе и свой аттестат зрелости. Я получил от него еще один подарок: дамский пистолет — браунинг с перламутровой рукояткой и золотой монограммой. Мы с Тадеушем попрощались. Расставание длилось целых двенадцать лет».

По объявлению Бронислав Филиппович нашел работу в городе Перемышляны. На спиртзаводе была вакансия ученика слесаря. Директор завода, чех по национальности, отнесся к нему очень хорошо. Он приглашал его на воскресные семейные обеды и разрешал играть на рояле, что у него неплохо получалось, потому что Бронислав Филиппович когда-то учился музыке. Однажды во время исполнения музыкальной пьесы он почувствовал на себе пристальный взгляд. Его игру слушал начальник местного отдела жандармерии, пожилой человек, проживающий этажом выше. Именно он изменил судьбу Бронислава, отправив его на другой завод.

«На сей раз надо мной нависла новая смертельная опасность! Украинские фашисты поголовно убивали польское население. А я «Тадеуш Жак» —

на сей раз поляк! Получилось: из огня да в полымя. Людей и наши вещи увезли на машине. Я решил пройти по лесу. При выходе на равнину позади себя услышал окрик: «Хальт!» В засаде четыре жандарма. Я молниеносно оценил ситуацию: равнина, на груди у жандармов 4 «шмайсера» (автомата). Единственное спасение — выдержка и спокойствие. Двое жандармов проверили документы. Они были в полном порядке. Разрешено идти дальше! После нескольких шагов, повторное «Хальт!» На сей раз ко мне подошли двое других! Обыск. Нашупали пистолет, сильный удар в лицо! На запястьях щелкнули наручники, зажав кожу, было очень больно. А дальше тюрьма в Перемышлянах. Я обнаружил на стене около оконной решетки нацарапанную надпись: «За окном светит солнце. Мамы уже нет! Что будет со мной? Мне 17 лет. Аня». Я лихорадочно придумывал себе легенду. Решил попросить помощь переводчика. Большинство евреев хорошо знали немецкий язык. В камеру вошел выходец из Силезии: полуполяк, полунемец. Моя легенда такова: «Перед отъездом из Перемышляны нашел красивую игрушку, которая наверняка принадлежала богатой даме. Хотел ее сдать в полицию, однако меня направили в деревню, где поголовно убивали поляков, я сказал, что захватил пистолет для защиты. А сдать его в жандармерию решил после возвращения». Переводчик выслушал мою «байку» и сказал: «Тебе светит расстрел, раз ты не выполнил приказ сдать оружие в полицию». На допрос меня привели к тому самому жандарму, соседу по дому. Переводчик перевел так: «По пути на новую работу он случайно нашел пакет с пистолетом, который больше смахивал на красивую дамскую игрушку. Он решил разобраться с ним на новой работе, а после возвращения сдать в полицию». По-видимому, переводчик с польскими корнями, решил меня спасти, тогда 17-летнего парня. Перед жандармом лежали документы Тадеуша Жака, его аттестат зрелости. Все отметки были по латыни. Тадеуш учил французский, я немецкий. Если бы жандарм спросил бы что-то по-французски, был бы полный провал. Во время допроса в комнату вошел полицейский-украинец, с которым мы учились в одной гимназии, только в разных классах. К моему счастью, он не знал моей национальности! Полицейский сообщил жандарму, что мое лицо ему знакомо со школы. Жандарм дал знак, чтобы меня вывели».

Ночью заключенных вывезли во Львов в тюрьму гестапо на улице Лонцкого. Эта тюрьма наводила на жителей Львова ужас. Ходили слухи о пытках и расстрелах. В камере, в которую попал Бронислав, была невероятная духота. Весь потолок был изрешечен пулями. Каждая попытка выглянуть через решетку прерывалась пулеметной очередью без предупреждения! Напротив окна — железная дверь, которая накалялась от солнца и добавляла плюсовые градусы. Было очень тесно. Ночью люди поворачивались по команде. Место Бронислава, новичка, было около параши.

«Жидкость из переполненной емкости текла под меня. Заключенные, справляющие свою нужду, не давали мне спать. От меня воняло мочой, и

зэки заставляли меня «обитать» только около параши. Шли дни, недели, месяцы, появлялись новенькие и занимали мое «почетное место» около параши. Однажды в камеру попал сильно избитый заключенный. При нем оказался огрызок карандаша, кусок оберточной бумаги, в которую было завернуто мыло. Вместо подтяжек — полоски автомобильной камеры. На оберточной бумаге мы написали: «Прохожий, мы заключенные камеры номер такой-то, умоляем тебя сообщить нашим родным, что живы. Наши домашние адреса...» Когда наступила безлунная ночь, мы сделали из этих полосок резины подобие рогатки, привязали их к решетке и выстрелили в неизвестность. Какой-то добрый человек нашел наше послание и отправил родственникам. Вскоре от Тадеуша пришла стандартная тюремная посылка: сухари, кусок сала и сахар. А в мешочке для передачи, в канале для шнура, была записка: «Будь доброй мысли, думаем о тебе...»

Все эти месяцы Бронислав находился в постоянном страхе разоблачения, сильно похудел, его мучили головные боли.

Наступила холодная осень. Однажды всех разбудили ночью и вывели во двор тюрьмы. За столом сидели гестаповцы. Они возвращали изъятые во время ареста вещи. Из изъятых денег немцы высчитали «за питание, за мыло и за баню», остальные вернули. Заключенных погрузили в машины и увезли на товарную станцию. Загрузка в вагоны напоминала закладку сельди в бочки. Ни сесть, ни лечь, ни дышать. Ехали неизвестно куда, без света, без еды и воды. Особенно тяжело было старикам и больным. Было потеряно чувство времени.

НЕЛЕГКИЙ ПУТЬ УЗНИКА КОНЦЛАГЕРЕЙ

Это не смерть на войне с оружием в руках, смерть людей, которые оставили где-то дом, семью, пашню, песни, книги, традицию и историю. Это — пресечение древа жизни. Это гибель корней, а не только веток и листьев. Это убийство души и тела народа... Это уничтожение нации.

Василий Гроссман

Освенцим

Бронислав Филиппович Жак-Файфель был транспортирован из Львова в Освенцим 3 октября 1943 года. Он числился как политический заключенный поляк Жак Тадеуш. Прибывших в концлагерь «Освенцим Биркенау» встречали злобными окриками эсэсовцы и рычанием черные овчарки охранников. На воротах

лагеря две надписи на немецком: «Милости просим!» и «Сегодня ты красный, завтра ты мертвый».

В распределительном бараке за столом сидел эсэсовец и заполнял паспортные данные. Первый вопрос, который он задавал: когда родился? Рядом в графе он писал по-немецки «gestorben» — умер! — и ставил дату прибытия. *«Потом поглядел на мою побледневшую физиономию и радостно заржал, от этой «легкой» шутки. Слово «gestorben» зачеркнул»*. Много лет спустя Бронислав со своей женой Ларисой посетил музей в Освенциме. Его первый лагерный документ сохранился! Зачеркнутого слова «gestorben» не было, значит это был совсем другой документ.

После долгой голодовки в поезде осужденных ожидало первое «лагерное угощение». Для несколько сотен новобранцев принесли несколько десятков мисок. Повар разливал горячую баланду, состоящую из кусочков тыквенной кожуры, ее мякоти и семечек. Ложек не было. Голодные люди глотали кипяток, обжигались, давились. Кому-то что-то досталось, а кому-то нет.

Бронислав Филиппович вспоминает, что потом появилась новая пытка: заключенный в лагерной полосатой одежде макал острую деревянную палочку в краску и молниеносно татуировывал на руке шестизначный лагерный номер. Палочка глубоко вонзалась в кожу. Татуировки заливались кровью! Тот, кто кричал от боли, получал от татуировочного «маэстро» по зубам. У Бронислава Филипповича был номер 155083, который на всю его жизнь остался самым страшным напоминанием о годах в концлагерях.

«Моя пытка началась. Мне достался костюм снятый, наверное, с трупа. От него шел неприятный запах. Одежда была от высокого, полного человека. Наше новое жилище, с находящимися там еще “живыми скелетами”, было ужасным. Двухэтажные голые нары».

С каждым днем пребывания в Освенциме надежды на выживание оставалось все меньше и меньше. По утрам к баракам подъезжала повозка, запряженная заключенными. Двое крепких лагерников собирали трупы умерших от голода и болезней. С радостным «гиканьем» они вытряхивали трупы из одежды и, раскачивая труп, закидывали на повозку. Были дни, когда повозка была загружена доверху.

И снова в судьбу Бронислава Филипповича вмешался ангел-хранитель. На площади перед бараками выставили несколько столов. На них разложили знакомые некоторым инструменты и приборы: микрометр, штангенциркули, амперметры и так далее. Респектабельные штатские проверяли знание заключенных этого оборудования. После «экзамена» заключенных отвели в сторону.

На второй день лохмотья, в которые был одеты заключенные, были заменены «лагерной полосатой» одеждой, и людей погрузили в товарные вагоны. Вагоны отправлялись в Бухенвальд.

Бухенвальд

23 октября 1943 года Бронислава Филипповича перевели в концлагерь Бухенвальд.

«Перед лагерем мы прошли по аллее из буковых деревьев, которые дали название лагерю «Бухенвальд» — «буковый лес». А дальше появился и сам лагерь. По обе стороны от больших железных ворот стоят две пушки. Над нами две надписи: «Каждому свое» и «Право или неправое — моя вотчина» на немецком языке. К нашей колонне подбежало несколько десятков парикмахеров. Часть новичков постригли наголо, другим посредине головы оставляли «петушиный гребень», третьих стригли еще оригинальнее: парикмахеры делали две полосы — продольную и поперечную, крест-накрест! Санитарная обработка прошла быстро. Новички проходили через шеренги душевых установок с феном — горячим воздухом для осушки, и бассейна с дезинфицирующей жидкостью. И наконец выдали нам чистую лагерную полосатую одежду по размеру».

В Бухенвальде номера на руке не выкалывали. Здесь бараки были из кирпича. В помещении барака светло, на столе лежали две книги на польском языке: «Библия» и «Мартин Иден» Д.Лондона. На нарах матрасы с соломой. В шкафу посуда. К «новеньким» пришли в гости старожилы. Их номера на пиджаках из первых десятков — эти люди были в лагере с самого его начала. Бухенвальдский номер Бронислава Филипповича — 33542.

Заключенные как могли из последних сил веселили друг друга. Они умели находить счастливые минуты среди всей этой жестокости и неуважения.

В Бухенвальде был организован симфонический оркестр из заключенных. Оркестр играл во время переключки по вечерам, когда заключенные часами стояли на вершине горы, продуваемые холодными ветрами. Перед переключкой была команда: «Шапки долой!» Сотни лагерных шапок одновременно ударяли в бедро, что создавало впечатление выстрела. Вторая команда: «Шапки надеть!», была не столь оглушительной. В это время заключенные впадали в состояние, похожее на зимнюю спячку животных. Полуодетые, полубосые, стояли зимой на ветру, не ощущая холода! Сознание отключалось. После команды «шапки надеть» возвращались к жизни и снова чувствовали пронзительный холод. Для заключенных западной части лагеря были некоторые льготы: за

деньги, которые им пересылали, они могли что-то купить в лагерном магазине.

Зимой Бронислав Филиппович сильно заболел. Распухла челюсть. Пришлось обратиться к врачу. В зале ожидания рядом с ним сидело «оно» — постриженная наголо девушка, полька, в лагерной полосатой одежде. Они разговорились. В Освенциме объявили, что есть вакансии для красивых девушек. Она клянула! Ее привезли в лагерный бордель. Она попросила написать ее родителям и сообщить, что с ней произошло. Дала свой адрес. Они жили недалеко от Кракова. Бронислав Филиппович написал родителям этой девушки, но ответа не получил.

«Однажды мы выгружали из вагонов кирпич. Перчаток не было. Кирпич снял верхний слой кожи. Каждое прикосновение вызывало острейшую боль. Возвращался с работы еле живым, уставшим. На мое несчастье, я привлек внимание офицера, который стоял в обществе двух медсестер. Он подозвал меня к себе и со всей силы ударил в лицо. Хрустнули кости носа, лопнула кожа в области правой скулы. Моя вина заключалась в том, что я не снял перед ним шапку. По-видимому, на пальце у этого сукиного сына был перстень. Товарищи в бараке попытались исправить смещение костей носа. Им удалось сделать это частично. Рана на лице не заживала около года. На лице остался обезображивающий рубец.

Зимой я снова заболел. Ангина. Несколько дней не мог глотать. В это время мне сообщили, что отправляют нас в концлагерь «Дора». Из-за болезни меня оставили.

После войны я узнал, что лагерь «Дора» находился в горах Гарца, под землей. Там готовили топливо для ракет «ФАУ». Перед самым концом войны фашисты затопили лагерь. Погибло много заключенных.

Перед Рождеством меня вызвали в канцелярию. Я был уверен, что это разоблачение. Страхи оказались напрасными. Кто-то прислал посылку. Кто? Я никому не писал. Где моя мать и Тадеуш, не знал. В посылке были сухари, кусок сахара, католические «облатки» типа вафель, молитвенник и милое письмо: «Наш молодой человек! Желаем тебе хорошо провести Рождество Христово, здоровья, мужества! Соотечественники».

Кто послал посылку? Кто сообщил мой «адрес»? По-видимому, в лагере работала подпольная организация. В Бухенвальде подружился с французом, он подарил тетрадь, ручку и чернила. Я начал писать дневник, который удалось сохранить.

Следующий вызов в канцелярию принес предписание ехать в другой лагерь под кодовым названием «Юльюз». Нас перевезли в город Шенебек, около Магдебурга, в огромный лагерь завода фирмы «Юнкерс», где производились самолетные крылья. Получил новый лагерный номер — 31145. Бытовые условия были терпимые. Пища скудная, но съедобная. Меня по-прежнему беспокоил постоянный страх. Началась третья лагерная жизнь».

Бронислав Филиппович называет Бухенвальд курортом, по сравнению с Освенцимом. Но ведь и Бухенвальд был местом жестокого насилия.

«Юльюз» в Шенебеке

В лагере «Юльюз» Бронислава назначили рабочим на сверлильный станок. Ночные смены были очень трудные. Чтобы обмануть желудок, старались во время ужина идти за желудевым кофе последними. Желудевая гуща создавала ощущение сытости. Очень тяжелыми были ночью три часа: первый час резкого голода, второй час — смертельной усталости, и третий час — сильного зуда по всему телу. Под утро становилось лучше, ночные страхи проходили. Появлялось третье дыхание. Однажды ночью случилось несчастье: Бронислав Филиппович уснул на работе. Станок работал в автоматическом режиме. Проснулся тогда, когда длинное сверло просверлило деталь насквозь и заодно станок. По ногам начала литься охлаждающая сверло жидкость. Его охватил ужас! Лагерное начальство оценит это происшествие как саботаж! А что дальше — известно. Соседи по работе, токари, немедленно выточили цилиндр такого же диаметра, как отверстие в станке и закрыли им дыру. До утра успел выполнить задание. Бронислав Филиппович был спасен.

Лагерь голодал. На одной из утренних переключек кто-то правильно назвал фамилию «Жак». К Брониславу Филипповичу подошел начальник кухни и спросил: «Ты француз?». «Нет, поляк». «А говоришь по-французски?». «Учил в школе». Позже он узнал, что этот начальник был из Франции. Возможно, этот человек пожалел его и хотел помочь, так как вид у Бронислава Филипповича был заморенный, поэтому взял его на работу в «картофелечистку». С утра до вечера заключенные чистили картошку. Специальным приспособлением снимали с картошки тоненькую кожуру. Сильно болели кисти рук. Иногда оставались объедки с «панского стола». Тогда был праздник.

Зимой сорок пятого года с Брониславом случилась беда: деревянный башмак — «сабо», выдолбленный из куска дерева, натер стопу. У Жака началась флегмона. Чтобы ходить по снегу, пришлось стопу обернуть бумагой от цементного мешка. Ходьба по снегу полубосиком давала небольшое облегчение. На работе держал стопу в картофельных очистках. Становилось все хуже. Пришлось обратиться к лагерному врачу, который оказался чехом. Он поглядел на красный треугольник с буквой «П», указывающий на

польскую национальность, и ласково сказал: «Посмотрим, полячишка, каким ты будешь героем. Когда вы, поляки, отхватили у нас кусок страны, вы были героями». Он полоснул Бронислава по стопе скальпелем, естественно без обезболивания. Тот потерял от боли сознание. Когда очнулся, пришлось снова завернуть стопу бумагой и ковылять на работу. Тот самый начальник кухни, который принял его в «картофелечистку», видел его страдания. Он принес ему свои старые кожаные ботинки. Это был царский подарок! Свои спасительные ботинки Бронислав Филиппович показал только одному человеку — Яну Бутковскому, соседу по нарам, который умирал от недоедания и кислородного голодания, так как на работе он распылял какой-то порошок над плавленным металлом — электроном, для предотвращения самовозгорания. Заключенным в «картофелечистке» жилось чуточку лучше, чем остальным лагерникам. Бронислав Филиппович выносил с работы для Яна Бутковского картошку, которую привязывал на длинной нитке и опускал в штаны. Довольно долго все было благополучно. За кражу картошки раньше заключенных избивали до смерти. В конце концов, и Бронислав Филиппович попался: тот самый начальник ударил его в лицо и выгнал. Это был уже март 1945 года.

«Великая Германия» медленно и верно шла ко дну! Несколько дней спустя после изгнания из «картофелечистки», узнал страшную новость: его спасительные ботинки украл тот самый Ян Бутковский и променял на табак! Бутковский упал на колени, ползал, извивался, обнимал ноги Бронислава Филипповича и истошно вопил: «Бес попутал, бес попутал!» Здоровой ногой, обутой в деревяшку — «сабо» Бронислав пнул ему в лицо и попросил убрать мерзавца с его глаз. Больше его не видел. Лагерь был большой, а конец войны близок!

Наступил апрель 1945 года. Из охраны убрали людей, мало-мальски похожих на вояк. Их место заняли старики, одетые в военную форму. На западе уже была слышна артиллерийская перестрелка. Первым бежал из лагеря военный комендант с любовницей и огромным пятнистым догом. На второй день после его бегства поступила команда эвакуировать лагерь. Куда? Зачем? На западе — американцы, на востоке — советская армия. Что происходило на фронте, заключенные не знали. Информации не было. Колонна двинулась на юг. В первый день «великого похода» немцы заключенных — кормили. Остальное время шли голодные. На ночь заключенных закрыли в огромной конюшне в богатом фермерском хозяйстве.

Путь домой

«Мы зарылись с головой в сено. Решили дожидаться, когда колонна двинется в путь. К бегству были готовы. Заранее подготовили себе заводскую одежду. Волосы уже отросли. Кое-кто выменял у французов береты. Нашу деревянную обувь — сабо, немцы носили и в мирное время. На расвете нас разбудил подозрительный шорох. На сеновал вскарабкался хозяин фермы с вилами. Он методично протыкал сено в поиске беглецов. К счастью нас не задел. Мы выскочили и побежали в сторону леса. Гнаться за нами было некому. Расстояние до леса было всего несколько сот метров. Эти метры мы одолели на последнем дыхании. Мы шли, задыхались, и шли дальше. Весна была холодная. Кое-как дождались утра. Путешествие продолжилось. Мы набрали на один дом. На столе недоеденная картошка и польские книги. Хозяева оказались рабочими лесопосадочной станции. Капитуляция уже близка, а немцы продолжали высаживать деревья. Рабочие вернулись вместе с бригадиром — немцем. Мы заготовили легенду: «Нас, заводских рабочих фабрики «Юнкерс», эвакуировали. По дороге — бомбежка, разбежались. У нашего бригадира были все наши документы. Он исчез». Немец слушал нашу легенду и молчал. Утром он завел нашу пятерку в соседний городок, в учреждение по трудоустройству. Там истерично рыдала работница этого учреждения. Во время бомбежки погиб ее брат. Немцу — бригадиру она сообщила, что русские уже близко. Они решали, что делать с нами дальше. За два дня до прихода русских солдат немцы выдали нам талоны на хлеб и искусственный мед! И направили на работу в лесопосадочную станцию. Точная немецкая машина работала до последней минуты! В долгие бессонные ночи я пытался представить себе, как будет выглядеть первый день свободы. Я долго ждал эту торжественную минуту. К нашему дому на опушке леса подошли советские разведчики, оглядели нас с подозрением. Я хорошо говорил по-русски. Мой лагерный номер на руке и внешний заморенный вид, были лучшей визитной карточкой. Солдаты поделились с нами едой. Обретенная свобода прошла как-то обыденно!».

Спутники Бронислава Филипповича, четверо поляков, встретили по дороге своих соотечественников. Те сообщили им, что слушали передачу польского эмиграционного правительства в Лондоне: «Советский Союз оккупировал нашу Родину! Орды диких монголов разрушают костелы, насилуют польских женщин, грабят и т.д.» Они решили домой в Польшу не возвращаться. У развилки автостреды они попрощались. Один из спутников, профессор из города Познань, знакомый по лагерю, подарил Брониславу Филипповичу на память Библию и написал: «Самое большое счастье узника концлагерей, что он может забывать. Картины памяти со временем теряют четкие контуры, размываются. Остаются детали, но те уже не грозные». Так и случилось. Долгие

годы Бронислав Филиппович отгонял от себя, как назойливых мух, картины из прошлого, потому что не хотел помнить! Он внушал себе, что всего этого не было. Вернулся Бронислав из Германии в свой родной город Броды, проехав на поездах и попутках через Франкфурт и Лодзь.

Первое, что он начал делать, разыскивать своих родных. Последние сведения о матери и сестре были из поселка Вавер под Варшавой. Туда и отправился Бронислав Филиппович. Он бродил по улицам. Расспрашивал людей. Безуспешно. К концу второго дня он набрел на небольшую электростанцию. Там встретил человека, который, внимательно посмотрел на Бронислава и сказал: «А ты очень похож на свою мать. Она с дочкой жила у меня и уехала домой несколько недель тому назад». Это был скромный польский рабочий, приютивший родных Бронислава Филипповича. Мать пекла пирожки, а сестра Фелиция и дочь этого рабочего ездили в Варшаву и там их продавали. Тем и жили.

Бронислав вернулся в Броды. Его мать и сестра остались живы, отчим Казимир Жак пропал без вести на фронте, а сводный брат Тадеуш Жак, под чьим именем он прошел немецкие концлагеря, был в Польше, так как к тому времени Львовская область отошла к СССР.

«Чем ближе к дому, тем было страшнее и радостнее увидеть мать и сестру. Я сделал большую глупость. Надо было как-то подготовить их к встрече. А я решил сделать сюрприз. Это была ошибка с моей стороны. У матери, увидевшей меня живого и невредимого, началась истерика. Наши «доброжелатели» сообщили ей, что кто-то видел, как немцы меня «ликвидировали». Я прошелся по комнатам нашего дома. Расстроился. В двух из четырех комнат местные жители разобрали полы. Такая же участь постигла наши печки, облицованные голландской плиткой. На стене одной пустой комнаты висел портрет моего отца в добротной раме! Это было чудо! Воры не посмели тронуть память о моем отце. Наверное, дух отца все эти годы был моим ангелом-хранителем!»!!! Чувства переполняли меня».

Семья Бронислава Филипповича после войны жила очень бедно. Мать работала бухгалтером в школе. Перед бегством из Бродов в начале войны Бронислав Филиппович закопал свой аттестат зрелости в герметичной банке. Он хорошо сохранился. Бронислав Филиппович поступил в медицинский институт без экзаменов. Мизерная стипендия не позволяла нормально питаться. К тому же одежды практически не было. Хватался за любую работу. Однажды за погрузку на вокзале заработал несколько десятков рублей. Купил себе новую рубашку, к ней галстук и кепку.

Соседи по общежитию оглядели его со всех сторон и сказали: «Хитрый еврей всегда остается хитрым евреем». В этом суждении была вся суть антисемитизма! «Что бы я ни заработал тяжким трудом, своим горбом, что бы я ни сделал для науки, для людей я всегда буду другим, чем мои товарищи по «общаге», в дальнейшем и по работе — «хитрым евреем». В память об отце Бронислав мечтал получить медицинское образование, и он его получил в 1950 году. После окончания Львовского медицинского института его направили в Киевский институт онкологии по рекомендации профессора-онколога Ковтуновича. Но не долго Бронислав Филиппович радовался своим успехам. Тяжкое бремя сталинских репрессий коснулось их семьи. Ранней весной 1951 года его прямо на улице арестовали сотрудники НКВД, посадили в машину и увезли в неизвестном направлении.

«Я перебрал все возможные причины ареста, но так и не смог себе ответить: «Почему? За что?» Когда машина выехала на автостраду, стало все ясно. По шоссе шли вереницы грузовиков с плачущими людьми и их скарбом. Это была очередная сталинская ссылка сотен тысяч людей в Сибирь и дальше!»

Около дома Бронислава Филипповича суеились какие-то люди. Он выбрасывали его вещи, клетки с мышами, другие вносили чью-то мебель... Появился новый хозяин дома — сам начальник милиции Гунько! За происходящим наблюдал офицер НКВД. Бронислав Филиппович просил его назвать причину ареста, но тот только буркнул в ответ: «Там узнаешь!».

«У меня была еще одна просьба — передать моих мышей в медицинский институт. Коротко объяснил ему суть моей трехлетней научной работы. Он безучастно слушал и молчал».

Бронислав Филиппович не мог допустить мысли о потере научной работы, которая стала основой его деятельности онкологии.

«Прошло 25 лет после окончания института. В Львове была организована юбилейная встреча выпускников 1950 года. Оказывается, офицер НКВД тогда выполнил мою просьбу, мышей переправили! На базе студенческой онкологической лаборатории, которую я создал, возникла институтская научная лаборатория».

После издевательств на допросах, без суда и предъявления обвинений Бронислава вместе с матерью и сестрой погрузили в вагон для скота и отправили в ссылку в Сибирь. В то время из Западной Украины выселяли людей в районы Сибири и Крайнего Севера. Очевидно, насильственная депортация народов началась после принятия 26 апреля 1936 года СНК СССР секретного

постановления о выселении из Украинской ССР в Карагандинскую область Казахской АССР. Это 15 тысяч польских и немецких хозяйств, которые были высланы как политически «неблагонадежные». Затем началась «чистка» приграничных районов. В первую очередь депортированных были включены поляки, в число которых и входила семья Бронислава Филипповича. Они оказались в отдаленной местности Иркутской области, где им и сообщили об их вечном поселении как кулацкой семьи. Решение о ссылке приняли секретарь райкома партии, прокурор и начальник НКВД. Их приговоры обжалованию не подлежали.

Бронислав Филиппович одновременно был осужден по нескольким статьям. На его приговор повлияли многие обстоятельства. Это и то, что он прошел три концлагеря, и то, что его семья была достаточно зажиточной до войны, в результате чего их и сослали как кулаков, и конечно, «дело врачей», которое именно в 50-е годы приняло массовый характер.

Воплощение мечты

1951 год. Была ранняя весна. На земле еще лежал глубокий снег. Было холодно! На Брониславе: демисезонное пальтишко, на голове — фетровая шляпа, на ногах — лыжные ботинки. Надо было преодолеть 90 километров. Для «желанных» гостей в глухом таежном поселке Ягат уже подготовили «хоромы». Это была закопченная старая кузница с высокими нарами. Ночью плакали маленькие дети, кашляли старики. Кто-то выходил и входил. Все это и печальные мысли не давали покоя.

На второй день после приезда было общее собрание ссыльных. Надзиратель сообщил, что ссылка навечно! Кто попытается бежать, будет обязательно схвачен, и ему грозит тюрьма. Брониславу и матери сообщили, что они «кулацкая семья». Объяснение, что отец умер в 1930 году, а отчим погиб на фронте, никого не заинтересовало. Когда распределяли на работу, Бронислав сообщил директору леспромхоза, что он хирург, а что в радиусе нескольких километров нет ни одного врача. На что услышал: «А зачем ты мне как врач нужен, мне план надо выполнять». Сейчас Бронислав Филиппович уже не помнит, что он ответил директору, помнит только, как он завопил: «Ты, умник, у меня в лесу сгниешь!»

Много лет спустя, когда Бронислав Филиппович остался в Усолье единственным хирургом (было время отпусков, кто-то болел), леспромхозовский «держиморда» привез в больницу свою единственную дочь с острым аппендицитом.

«Я распростер объятия «дружеской встречи». Если бы я послал его куда надо и напомнил ему, как он издевался надо мною, он перенес бы это легче, чем мою пытку «лаской».

Тогда, на собрании ссыльных, он нашел для Бронислава «почетную» работу сучкоруба. Надо было рубить топором сучки, от тонких до толщины взрослого дерева. Пока махал топором, грелся; начинал отдыхать — замерзал. Добрые таежные люди дали старую фуфайку, старую солдатскую шапку-ушанку и старенькие подшитые валенки. Царские подарки в тайге. Несмотря на все «лесные беды», Бронислав втянулся в работу. Не белоручка, а настоящий работяга!

После тяжелой физической работы рано ложился спать. Однажды его разбудил пьяный мужик. Он прискакал на двух лошадях из соседнего поселка. «Подыхает моя жинка! Доктор, спасай!» Не могу понять, каким образом в глухой тайге, где от поселка к поселку 15 километров, облетела весть, что в Ягате живет «литовский врач». Конным транспортом Бронислав овладел довольно быстро. Что же касается пьяного, то он несколько раз «слетал» с седла. Больная, молодая женщина, мертвенно бледная, лежала в луже крови. Она сделала криминальный аборт! Бронислав Филиппович помог ей. Кроме нее, к нему постепенно стали обращаться и другие сибиряки. Однажды к нему обратилась молодая женщина, которая не могла разродиться. Бронислав Филиппович принимал роды впервые. Делал это по медицинским учебникам, которые, к счастью, привез с собой. Необходимо было развернуть ребенка снаружи. Нужен был наркоз. А где его взять в глухой тайге? Бронислав Филиппович купил бутылку спирта, водку в тайгу тогда не привозили. Развел спирт «до кондиции», налил в стакан и заставил женщину выпить. На закуску толкал ей в рот соленые огурцы. Второй стакан пошел гораздо труднее. Водка уже начала выливаться изо рта. Она опьянела. Попытка развернуть ребенка удалась. Возможно, маленький ребенок мог пройти через родовые пути без внешнего вмешательства. Позже оказалось, что у роженицы была двойня. После появления первого ребенка Бронислав Филиппович принял второго.

Через много лет к Брониславу Филипповичу на прием пришла пожилая женщина с взрослой дочерью. При обследовании дочери Жак выявил у нее хроническое гнойное воспаление уха, требующее операции. Жак посоветовал им обратиться к отоларингологу. Мать больной хитро улыбнулась и сказала: «А вы, доктор, все сделаете для моей дочери. Это та самая девочка, которую вы у меня когда-то приняли».

Пролетела весна, наступила лето. А Бронислав Филиппович писал письма дорогому товарищу Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович, я только что окончил медицинский институт и по ложному обвинению оказался в тайге на лесозаготовках».

Однажды на работу прибежал человек и сообщил, что к Жаку приехал начальник из Иркутска. Это был работник из «органов», который привез разрешение работать Жаку по профессии. На двух лошадях Жак, и человек из «органов» поскакали до первой железнодорожной станции. В иркутском облздравотделе получил направление в город Усолье-Сибирское, онкологом.

Главный врач — еврей, человек небольшого роста, с бегающими глазками, принял Бронислава Филипповича в коридоре настороженно, почти «злобно»:

— Как тебя звать?

— Бронислав.

— С сегодняшнего дня будешь Борис (поэтому многие усольчане знают Жака как Бориса Филипповича). А что ты умеешь?

Жак сообщил ему, что три года посещал кафедру онкологии во Львове, прошел специализацию по онкологии в Киеве. Перечислил онкологические операции, которые делал.

— А аппендэктомию можешь сделать?

Жак ответил, что, когда был студентом, сделал несколько таких операций.

— Как я вижу, ты ничего не можешь. Я возьму тебя на пробу на месяц. Подойдешь — останешься. Не подойдешь — уедешь, откуда приехал (считай — в лес).

«Я отмолчался. Потом попросил где-то переночевать. Он рявкнул: «Найдешь сам!» И еще одна просьба: выписать мне аванс. «Я оставил все деньги матери и сестре, которые остались в тайге». «Скоро будет аванс» — был ответ. Это «скоро» сбылось только через две недели...»

Сотрудники больницы видели и слышали, как в коридоре главный врач принимал «новенького». Кто-то из персонала подошел ко мне и посоветовал переночевать в заезжем доме леспромхоза. Все койки там были заняты лесорубами. Шла грандиозная пьянка, сопровождающаяся хоровым пением. Страшно хотелось спать, я устал, залез под стол, и там прошла моя первая ночь в Усолье.

На второй день кто-то вызвал «нового врача» на улицу. Этим «кто-то» оказался сосед больницы, мельник, по национальности — еврей. Он узнал от работников больницы о моем «горячем приеме» и о моей судьбе. Он предложил пожить в его семье, пока не устроюсь. А потом меня пригласили к себе литовские евреи, такие же, как я, ссыльные. Так я дождался зарплаты. Чувство великой солидарности помогло нам выжить через века, несмотря на притеснения и издевательства. Мы пережили Гитлера и

Сталина и других антисемитов. Я присматривался к главному врачу Куницкому. Его назначения были порой нелогичные и безграмотные. Я никак не мог понять, кто он, главный врач Куницкий? Вдруг Куницкий исчез и объявился в Московском институте психиатрии. При поступлении в институт он пожаловался, что внезапно потерял память... Оттуда пришел запрос о его деятельности. Позже выяснилось, что этот человек — талантливый аферист. Повинуясь зову его родной коммунистической партии, он завербовался на север, в город Бодайбо.

Там он женился на вдове расстрелянного врача-хирурга Куницкого, принял его фамилию и сделал какую-то махинацию с дипломом этого врача. В Бодайбо он заделался дерматологом. Когда началась война с Японией, он попал во фронтовую госпиталь и обрел какие-то хирургические навыки. «Завалили» его родные дети, которых он бросил и не платил алименты. Самое интересное, что он не имел никакого(!) медицинского образования!!! Даже фельдшерского!

После Куницкого главным врачом назначили женщину, настоящего человеконенавистника. Она люто ненавидела евреев. Ш-на была убеждена, что я — враг народа! Когда появилось отвратительное «дело врачей», она заставила меня читать «Правду» больным и приговаривала: «Читай, читай, Жак, что творят твои евреи!»... «Мои «евреи!»».

В одну из суббот было очень тяжелое дежурство. До утра не было ни одной минуты для отдыха. После дежурства Жак решил посмотреть в стационаре своего тяжелого больного. По воскресным дням дежурных врачей не было. В экстренных случаях приглашали главного врача. В это время «скорая» доставила в стационар больную в крайне тяжелом состоянии с диагнозом «острый разлитой перитонит». На территории больницы проживала операционная сестра. После обследования больной Бронислав Филиппович пришел к выводу, что нужна срочная операция. Он обратился к операционной сестре, которая проживала на территории больницы, с просьбой развернуть операционную. «А вам, Жак, главная запретила оперировать без нее» — услышал в ответ. Жак позвонил в «скорую помощь», попросил срочно привезти главного врача в стационар. Квартира, где он жил с матерью и сестрой, была рядом с больницей, поэтому решил предупредить мать, что задержится. Пока отлучался, «скорая» привезла главврача в больницу. «Кто вызывал?» «Жак!» Не посмотрев больную, Ш-на развернулась и уехала. Больной становилось все хуже. Бронислав Филиппович обратился к заведующей горздравотделом — гинекологу. Она обследовала больную и сказала: «Только переоденусь и приеду». Прошло 30 минут, час. Ее телефон молчал. Врач не явилась.

Тогда Жак позвонил главной: «Здесь от перитонита умирает больная. Вы не захотели ее обследовать только потому, что выз-

вал вас Жак. Я пригласил заведующую горздравотделом. Она обследовала больную, уехала домой переодеваться. Прошел час — не вернулась. Я просил операционную сестру развернуть операционную. Ссылаясь на ваше распоряжение она отказалась. Немедленно приезжайте!» — и с силой бросил трубку. Главврач приехала быстро.

— Ты что тут панику гонишь?

Обследовала больную и рывкнула: «На стол!». Они вскрыли брюшную полость. У больной оказалась прободная язва желудка и разлитой перитонит. Больная тут же умерла на столе. Позже родственники умершей подали на больницу в суд. По этому поводу была врачебная конференция, которая начиналась со слов Ш-ной: «У меня нет сомнения, что Жак науськал родственников...»

На конференции присутствовала заведующая горздравотделом. Она не проронила ни слова и бессовестно, как и главврач Ш-на, «подставила» Жака. Интересным было решение комиссии: «Жак по стажу и опыту был опытнее врача-гинеколога! Он не довел лечение больной до логического завершения». «Главная» побоялась оформить и узаконить документально решение комиссии. Говорильней все и закончилось!

Терпение лопнуло. Надо было бежать. На работу его пригласил областной онкодиспансер. Жак посетил заместителя начальника НКВД. Он его внимательно слушал. Разрешение на переезд в Иркутск получил. Когда он уволился из органов и заболел, обратился к Жаку за помощью. Со временем они подружились. Это был порядочный человек, бывший разведчик. Он однажды сказал Жаку: «Я всегда знал, что вас сослали за чертову душу». Кто-то позвонил в НКВД: «Семья Файфель — бывшие капиталисты-фабриканты». Для «комуныцкой» справедливости этого было достаточно.

Написал заявление об увольнении. «Главная» с радостью удовлетворила его просьбу.

«Я начал новую жизнь в областном онкологическом диспансере. Меня окружили нормальные люди. Работа мне нравилась. Прошло несколько недель. Усольский горисполком прислал приглашение на собрание хирургов города. Повестка дня: конфликт главного врача Ш-ной с врачом Жаком Б.Ф.

Врачи больницы выступали по очереди. Речь шла о «враче Жаке». Доброе слово обо мне сказал комсорг — молодая врач».

И Жак покинул собрание. Он уехал в Иркутск. Вскоре ему предложили место заведующего Усольской больницы химкомбината.

Для усольчан Бронислав Жак построил несколько больниц, организовал онкологическую службу. Самые счастливые годы врачебной деятельности Бронислава Филипповича прошли в заводской больнице химкомбината города Усолья. Там был замечательный доброжелательный коллектив. Временами Жак забывал о своей ссылке без срока и вины. Закрытие этого хирургического отделения было для него настоящей трагедией, но он сумел выстоять и продолжал жить.

Где бы ни был Бронислав Филиппович, куда бы ни закинула судьба этого замечательного талантливого человека, какие бы мучения и издевательства ему ни пришлось перенести, но он все равно сохранил светлую веру в будущее, в добрых людей, пронес эту веру через всю свою жизнь.

«Мысль о строительстве в Усолье онкологического диспансера меня не покидала. В облздравотделе мою идею высмеяли! Во-первых, для онкодиспансера необходимо не менее 200 тысяч населения. В Усолье вместе с населением района насчитывалось всего 160 тысяч жителей. Второе: нужна дорогостоящая документация. Денег нет. Третье: Госплан не утвердит строительство диспансера в Усолье. Рядом с Усольем два современных, хорошо оснащенных диспансера в г. Ангарске и Иркутске. А в городе Братске недавно вступил в строй третий диспансер.

Я не сдался! Услышанное в облздравотделе меня не убедило. За помощью я обратился к директору химкомбината. Он дал указание главному конструктору Азару Пудалову изготовить строительную документацию моей будущей больницы за счет химкомбината. (Спустя много лет мы с моим другом Азаром уехали в Израиль)».

Первый шаг был сделан: документация была готова. За какие-то махинации в г. Усолье был переведен один из главных инженеров, построивших Братский онкодиспансер. Этот человек помог решить проблему привязки здания лучевой терапии, сложного строительного объекта с толщиной бетонных стен до 1 метра.

Руководители строительных трестов, заводов оплачивали все счета за строительные работы и материалы.

Свершилась мечта Бронислава Филипповича — диспансер начал работать!

Шли годы. Диспансер в городе Усолье завоевал авторитет во всей Иркутской области. Посыпались почетные грамоты, премии, в том числе Министерства здравоохранения, Совета Министров СССР.

Бронислав Филиппович был награжден почетным знаком «Отличник здравоохранения», медалью «За доблестный труд» к 100-летию В.И.Ленина, медалью «Ветеран труда».

Ассоциация хирургов Иркутской области удостоила трех врачей звания почетного члена ассоциации. Из трех награжденных — два профессора и Бронислав Филиппович, скромный врач из провинции. Коллегия облздравотдела присвоила Брониславу Филипповичу звание хирурга-онколога высшей категории и удостоила звания «Почетный член ассоциации хирургов Иркутской области».

Мэрия г. Усолье удостоила Жака звания «Почетный гражданин г. Усолье» 1 февраля 1996 года. На тот момент нашему городу как раз исполнилось 325 лет. Кстати, Жак Б.Ф. стал первым евреем — «Почетным гражданином» за все годы существования г. Усолье! Таким образом он повторил судьбу своего деда и тоже стал почетным гражданином города!

Для подтверждения этих фактов я обратилась в администрацию города Усолья-Сибирского. Там мне предоставили очень интересные документы: постановление от 20.02.96 № 146 о присвоении звания «Почетный гражданин города Усолье-Сибирское Жаку-Файфелю Б.Ф.»; характеристика, подписанная главным врачом центральной районной больницы В.В.Бабкиным, в которой есть удивительные слова: «Жак Б.Ф. назван патриархом Усольских врачей, его имя известно каждому жителю города»; биографическая справка, где есть первые необходимые сведения, ставшие началом моего исследования, и анкета, которую заполнял сам Бронислав Филиппович. Это те немногие документы, которые были найдены в ходе исследования, но они ценны и могут стать музейной редкостью.

Долгие годы диспансер работал ритмично и добротнo. Материальная база была крепкой, а кадры — грамотными. Когда Брониславу Филипповичу «перевалило» за 70, надо было уже думать об уходе на отдых. Пугало необеспеченная российская старость и отсутствие работы, которая и была смыслом жизни. Однажды его пригласил медицинский начальник. Он был напряжен, в голосе металл. «А Вам, Бронислав Филиппович, надо написать заявление...» — и тишина, молчание, ему трудно было говорить. — «Надо дать дорогу молодежи». Жак подписал заявление и ушел. На душе стало грустно не от заявления, а от «жлобского» финала полувековой работы — вся жизнь прошла в диспансере.

Бронислава Филипповича «приютила» медсанчасть Химпрома до самого отъезда в Израиль. Та самая медсанчасть, где он работал раньше. До сих пор Бронислав Филиппович не теряет связи с Усольем, ведет постоянную переписку со своими друзьями.

* * *

В 2002 году Жак Бронислав Филиппович приезжал в Усолье. Ему хотелось еще раз увидеть свое детище — диспансер, в котором пережил и счастье побед, и горечь предательства учеников и друзей. В его честь собрали весь коллектив. Много новых лиц. Нахлынули воспоминания. Все стали другими! Французы говорят, что «не стоит возвращаться в города детства и к старым любовницам». Возможно, они правы.

«Когда я возвращался в Израиль после посещения Усоля, мой самолет опаздывал на несколько часов. Я думал о моем диспансере. В памяти мелькали лица, события. Я вспомнил мою многолетнюю дружбу с главным онкологом области — Викторией Дворниченко. Это она — мой «друг» — способствовала изгнанию меня с моей должности. Я решил написать ей письмо из Израиля. В самолете кто-то легонько ударил меня по плечу. Обернулся. Настоящая мистика! Это была Дворниченко! Она летела на курорт. Виктория талантливый врач и администратор.

Когда мы с ней прощались в аэропорту, я сердечно ее поблагодарил за то, что меня уволили. Если бы не она и мои усольские «приятели», я доживал бы свою жизнь в умирающем Усолье! Благодаря ей я стал счастливым человеком, материально обеспеченным, который живет уже несколько лет в райском уголке мира и является его гражданином. Низкий ей поклон за это! Я обещал ей что буду молиться за нее (вместо иконы). Из 50 лет моего пребывания в Сибири, 13 лет я был ссылкой. Тринадцать лет дискриминации, унижения, издевательств! Когда наступило кажущееся ослабление режима ссылки, я поехал в Москву искать там правду. Риск был огромный. Паспорта и разрешения надзирателя на поездку не было. В приемной газеты «Известия» меня принял депутат Верховного Совета. Он внимательно выслушал мою историю и предложил выслать на его имя два документа: свидетельство о смерти моего отца и отчима, который погиб на фронте. Еще целый год шла волокита с украинскими властями, которые медлили с высылкой документов. Нас реабилитировали! Однако за наш конфискованный дом власти потребовали вернуть стоимость ремонта. Мать согласилась получить «откупного» 5000 рублей за прекрасный, добротный 4-х комнатный дом, добротный сарай и сад. Если бы даже дом нам вернули, в Бродах жить бы я не стал. Там каждый камень полит кровью».

Бронислав Филиппович перенес за всю свою жизнь столько всего, что этих событий хватило бы на целый век.

Когда в 2002 году Бронислав Филиппович посетил Усолье-Сибирское, почувствовал, что 50 лет, отданных обществу, не прошли даром.

Всю свою жизнь он переживал за своих пациентов, поддерживал и подбадривал их, как только мог. Бронислав Филиппович — врач от Бога. Его вклад в Усольское здравоохранение просто не оценим.

В Усолье все помнят о нем, о его замечательной трудовой деятельности. Многие сожалеют, что в Усолье больше нет такого замечательного врача-онколога. Но тот след, который он оставили в нашей памяти, неизгладим, ведь он спас сотни жизней. Жители нашего города, его пациенты, благодарны за внимание, заботу, доброту и терпение.

Можно с гордостью сказать, что он основал онкологический диспансер в Усолье-Сибирском. Перенес стойко и мужественно все трудности и тяготы, связанные с этим. И все для того, чтобы мы теперь могли обращаться за помощью в это учреждение.

Мне очень жаль, что современное поколение не имеет возможности познакомиться с этим замечательным врачом, работавшим в нашем городе.

Примечания

¹ Танич А. Дискриминация // Газета «Усольские новости», 16 сентября 1996.

КАТАСТРОФА

ПОЛУСТЕРТЫЕ КАМНИ «МЕСТЕЧЕК»

Снежана Караваяева

(ученица 7 класса гимназии № 1,
г. Мончегорск Мурманской области
Научный руководитель *Е.А. Зубкова*)

Наша учительница по истории Елена Антоновна Зубкова предложила нам заниматься исследовательской работой. Елена Антоновна так увлекательно описывала процесс познания нашего прошлого, что невольно захотелось попробовать. Со временем в ходе работы над историческими источниками, опубликованными данными появился интерес, возникли вопросы, на которые хотелось найти ответ.

Как найти материалы для исторической работы? Я живу в городе Мончегорске Мурманской области. Город совсем молодой, ему всего 60 лет. Город начали строить в 30-40-х годах, после открытия медно-никелевого месторождения. Приезжали со всей страны — кто добровольно, а кто и под конвоем. В итоге получился интернациональный город — смешение языков, культур, наций, трудно выделить какие-то устоявшиеся традиции. Так с чего же начать работу?

И я мыслями обратилась к бабушкиной деревне, где я бываю каждое лето. Мне захотелось узнать и понять, как переживали горе люди разных национальностей, какие у них были взаимоотноше-

ния между собой и с окружающими. Кто кому был друг, а кто — враг? Почему в одинаковых жизненных ситуациях одни поступали так, а соседи, жившие столько лет рядом, совсем по-другому? Почему одни в тяжелые годы войны более-менее спокойно жили, женились, рожали детей, другие шли в партизаны, а третьи умирали в гетто? Конечно же, я много слышала об этих годах и раньше, читала в книгах, смотрела фильмы. Но у меня есть уникальная возможность поговорить с участниками тех событий, услышать их мнение и посмотреть их глазами на далекие сороковые годы прошлого столетия.

Итак, попробую представить жизнь и проанализировать поведение людей разных национальностей (белорусы, евреи, немцы, русские, поляки), живших или присутствовавших временно в деревне Городок или в ее окрестностях в конце 30-х — в 40-х годах прошлого столетия, и в первую очередь, в тяжелые военные годы, в оккупации. Какие у них были взаимоотношения в быту? Что влияло на принятие тех или иных решений? Есть ли в этом национальные корни или в своих поступках они руководствовались общечеловеческими нормами? Исследование проведено в первую очередь на основе воспоминаний очевидцев с привлечением опубликованных данных.

Еще раньше, когда я бывала в Городке, я видела в центре деревни разрушенные здания синагоги, православной церкви (церковь в 90-х годах была восстановлена), фундамент бывшего костела. По улицам возле домов можно было видеть ненужные цементные ступеньки, ведущие не к дверям; мы с подружками гуляли по заросшему еврейскому кладбищу. Мне всегда казалось, что эти следы прошлой жизни хранят какую-то страшную тайну. И только теперь, после разговоров со старыми людьми, все встало на свои места. Эти развалины — немые свидетели трагедии времен войны. Особенно сильное впечатление на меня произвели рассказы об уничтожении еврейского населения в местечках Городок и Турец. Мои собеседники видели это собственными глазами и их чувства, переживания, иногда и слезы невольно передавались мне. Их свидетельства — это обличительный «документ» против фашизма. Я и раньше слышала об уничтожении евреев в войну, но масштабы трагедии еврейского народа я начала осознавать только сейчас, узнав об этом из «первых уст». А ведь некоторые мои сверстники, да и взрослые, мало знают об этих событиях и с трудом верят, что такое могло быть.

Мы с мамой побывали на заброшенном еврейском кладбище, на месте гибели евреев, в краеведческом музее, обошли район бывшего гетто. Так как же здесь было, когда эти развалины дышали жизнью, их посещали люди, они были нужны, и что привело их в такой вид? Что здесь было раньше?

Когда же возник в России еврейский вопрос? Обратившись к учебникам по истории¹, я установила, что впервые эта проблема возникла при Екатерине II, когда во второй половине ее царствования в результате трех разделов Речи Посполитой (1772 г., 1793 г., 1795 г.) в России оказалось довольно значительное еврейское население. «Тогда в составе Российской империи оказалось около 700 тыс. польских евреев, а также 5 тыс. евреев из бывшего крымского ханства»². Этот же учебник сообщает:

«...после присоединения в 1812 году Бессарабии подданными русского царя стали еще 20 тыс. евреев. С включением в состав страны Грузии (1801 г.) и восточного Кавказа (1801–1828 гг.) численность еврейского населения в империи выросла еще более чем на 10 тыс. человек за счет горских грузинских евреев. Таким образом, уже в первой половине XIX века Россия стала местом жизни самой многочисленной еврейской общины в мире»³.

Евреи достаточно плотно населяли белорусские города Минск, Витебск, Бобруйск, Борисов, Пинск, а также небольшие местечки, в том числе вошедшие в зону наших исследований — Городок, Воложин, Раков, Красное, Турец. Согласно архивным данным⁴, «местечко Городок, расположенное на левом берегу р.Березина, населено исключительно евреями — до 2000 человек». В польском календаре, изданном в 1927 году на польском языке, сообщается, что в Городке в 1927 году проживало около 3000 евреев⁵. По свидетельствам очевидцев, в конце 30-х годов прошлого столетия в Городке было всего 20 дворов (хозяйств) белорусов:

«Жительница Городка Продуха Елена по памяти насчитала в местечке всего 20 хозяйств белорусов.» (Николай Иванович В.)

Как видим, еврейская община в Городке была многочисленна, евреи жили здесь как минимум 100 лет, а может и больше, и играли в жизни района значительную роль. Это подтверждается и рассказами моих собеседников.

Как протекала довоенная жизнь в белорусском местечке? Вот что рассказывают свидетели:

«Жизнь здесь бурно кипела. В Городке шла бойкая торговля зерном, льном, были развиты промыслы, ремесла. В центре местечка, где сейчас сквер, была площадь, выложенная булыжником, по периметру ее находились лавочки и магазины, деревянные и кирпичные, одно- и двухэтажные. В окрестных деревнях жили преимущественно коренные белорусы, они обслуживали евреев — работали на извозе, продавали им свои продукты».

Плотность населения была большая, на одном теперешнем подворье могло быть от 5 до 8 хат, начиная от дороги и вглубь до речки. Земледелием евреи не занимались, они только строили жилье, складские помещения. Они были ремесленниками, торговцами, огороды не сеяли.» (Николай Иванович В.)

Картину довоенной жизни дополняет Владимир Макарович П. Его воспоминания особенно ценны, так как он был уже взрослым:

«В Городке на площади были большие базары. Вокруг площади стояли еврейские магазины, у каждого еврея был свой магазин — один торговал обувью, второй — льном, следующий — материалом, и т.д., и у каждой семьи свой товар, своя торговля, и если еврей какой неразвитый, ему дадут легкую торговлю, чтобы он не пропал, жил. Бедным они помогали. Они покупали лес и перепродавали за границу. В Городке было 5 пекарен, были закройщики, шевцы. Базары были в будние дни, и у каждого местечка был свой базарный день: Раков — понедельник, Городок — вторник, Молодечно — среда, Воложин — четверг и т.д. Базары начинались затемно и продолжались до 12 часов ночи. На базаре на площади продавали только промышленные товары — обувь, одежду, лен, продукты. На другом конце Городка был другой базар, где продавали скот — лошадей, коров, свиней. Везде был порядок. В субботу евреи не работали, а в воскресенье нельзя работать православным и католикам, поэтому в эти дни базаров не было».

Хорошо помнит те времена и моя бабушка Мария Иосифовна В.:

«Весь Городок был еврейским. Они занимались торговлей, было очень много лавок, и даже ресторанчик был. Между собой они разговаривали по-еврейски, с нами по-русски, но знали и польский, и белорусский языки.»

По воспоминаниям представляется, что жизнь до войны в Городке была полнокровной, по-видимому, не бедной, судя по богатым базарам. Евреи особенно были дружны между собой, но хорошо ладили и с местным населением. В Городке мирно уживались все три религии, рядом стояли православная церковь, еврейская синагога, на краю местечка — католический костел. Были также и три кладбища. Даже в торговых делах учитывались религиозные взгляды — в субботу и воскресенье у всех был выходной. Ни один из респондентов не вспомнил даже ссоры, не то, что еврейских погромов. Это все свидетельствует о религиозной терпимости, уважении к чужому языку, обычаям. Значит, у белорусов, евреев, поляков, которые там жили, были общие представления о добре, зле, чести, совести, справедливости. Это объединяло и христиан и иудеев.

Среди белорусских писателей того времени есть представители еврейской национальности, например, Змитрок Бядуля (Самуил Ефимович Плавник). Мне рассказала о нем мама, она изучала его творчество в школе. Вырос в еврейской семье, работал учителем, писал на белорусском и еврейском языках. Этот факт говорит о том, что в Белоруссии, видимо, в то время соблюдались равные права для людей разных национальностей.

По-видимому, евреи неплохо ладили с польской властью (до 1939-ого года эта территория относилась к Польше), так как кроме торговых лавок в Городке им разрешено было иметь свою еврейскую

школу, синагогу. О численности здесь еврейского населения свидетельствует и большое кладбище. Теперь здание синагоги обветшало и скоро рухнет, кладбище полностью заросло и заброшено.

После 1939 года, когда Западная Белоруссия была присоединена к Советскому Союзу, еврейские семьи с приходом новой власти не сильно пострадали (или не успели это сделать). Синагога продолжала существовать, еврейскую школу преобразовали в русскую, с преподаванием еврейского языка.

«При Польше была школа польская и была школа еврейская, русской не было школы. Когда пришли Советы, евреи свою школу преобразовали в русскую, они хитрые. Так в Городке стали русская и белорусская школы, но мы ходили в белорусскую школу, а русская так и оставалась еврейской.» (Мария Иосифовна В.)

Меня озадачило, в чем заключается «хитрость» евреев — они сами преобразовали школу, приспособившись к обстоятельствам, или, скорее всего, им это настоятельно посоветовали власти? Пока я не имею ответа на этот вопрос.

Среди репрессированных в Городке в 30-е годы вспоминают только двоих евреев:

«Из Городка в 1939 году, когда пришли Советы, вывезли (репрессировали) двоих евреев — Янкель Авербах был осужден за спекуляцию, а второй еврей, такой мастер был, он с польским комендантом полиции жил хорошо, и когда шли Советы, он с комендантом прощался и поцеловался, а на него донесли, за что его и арестовали.» (Владимир Макарович П.)

Забегая вперед скажу, что именно советская тюрьма спасла им жизнь, и после войны в Городок вернулись только эти евреи, создали новые семьи. В настоящее время в Городке нет ни одной еврейской семьи.

Мои собеседники свидетельствуют, что взаимоотношения евреев с коренными жителями-белорусами были весьма дружелюбными. Я слушаю рассказы очевидцев:

«Мы по-соседски жили с евреями, люди как люди, соседи. Я помню, еще мать жива была, приходила соседка-еврейка, приносила мацу, угощала.» (Николай Иванович В.)

«Евреи хорошие были, дружные, если у нас чего-нибудь не хватало, то помогут, дадут. С детьми их мы не играли, с евреями белорусы не женились. Свадьбы у них были богатые.» (Мария Ивановна П.)

«Евреи очень хорошие были люди, нельзя сказать про них ничего плохого. У нас все соседи были евреи. Был сосед Цукерман, аптекарь, на праздники берет ликер и приходит к нам поздравлять.» (тетя Глаша)

В детскую память особенно почему-то врезалось то, как евреи угощали соседей мацой, это запомнили все.

«Они пекли мацу, мама ходила помогала раскатывать, но когда они пекли такую мацу, что отговляются, как мы яйцом пасхальным, они туда нас русских не пускали... Все соседи угощали мацой, нанесут на праздники мацы 20 кг или больше.» (тетя Глаша)

Таким образом, евреи были благожелательными людьми, соседски помогали в беде, поздравляли и угощали по случаю праздников, но тем не менее сохраняли свой язык, обычаи, жили общиной.

Я обратила внимание на то, что жители местечек (белорусы), преимущественно населенных евреями и живших рядом с ними (высказывания, приведенные выше), отзываются о них более положительно, чем жители окрестных маленьких деревень. Вот что говорит Мария Иосифовна В., жившая в маленькой белорусской деревне Пожарище, в 3 км от Городка:

«Евреев не любили наши крестьяне. Во-первых, за то, что они работать не идут на землю, пусть бы работали как мы, а то все торгуют и обманывают, стараются побольше взять, за каждую вещь нужно было торговаться. Во-вторых, разные анекдоты про них ходили. Говорили, что они не любят христиан, и чтобы им испечь свою священную мацу, им нужна христианская кровь. Даже детей пугали — не слушаешься, отдам тебя евреям на мацу».

Я думаю, что подобные небылицы и вымыслы возникали не только из-за различия религий, но и потому, что многие чужие обычаи были непонятны. По-видимому, белорусы из маленьких деревень меньше знали евреев в быту, больше общались с ними в торговых делах, что и накладывало отпечаток на их взгляды. Я думаю, что такое мнение складывалось еще и потому, что крестьянам приходилось отдавать за товар свои деньги, заработанные тяжелым физическим трудом. Им казалось, что торговать легче, товары дорогие, а денег на все не хватало. Сталкивалась психология торговца и крестьянина. Конечно же, наши рассказчики были в то время детьми, или молодыми еще людьми, но они общались с соседями, взрослыми и сверстниками, на их мнение влияли высказывания и суждения родителей.

Но вот наступили «сороковые, роковые, военные и фронтовые» годы. Мир в одночасье рухнул и для евреев, и для белорусов. Но особенно беспощаден и страшен фашизм был к евреям. Среди катастрофы этой войны говорят особо о еврейской Катастрофе (на Западе ее называют Холокост, в Израиле — Шоа; на иврите это слово и означает «катастрофа»). В годы Второй мировой войны было убито 6 млн. евреев — треть живущих в мире евреев. Нацисты уничтожали евреев только потому, что евреи были евреями. Их поступки, их взгляды, их жизненные установки вообще не имели никакого значения.

Итак, в Городок ворвалась война и пришла другая нация — немцы, с их громким резким гортанным говором, самоуверенностью, жестокостью. Я обратила внимание, что мои собеседники называют врагов немцы. Осознание простым человеком, что виной всему фашизм, который не имеет национальности, пришло позднее. Простые крестьяне видели — пришли немцы, именно они принесли горе, страдание на их землю, началась «русско-немецкая война» (т. Глаша). Жить стало очень страшно: «*Страшно это пережить. Сейчас не верится, что такую войну пережили*» (Владимир Макарович П.).

Я слышала и раньше о войне, о Холокосте, но рассказы свидетелей просто потрясли меня. Наверное, я пока не найду ответ на вопрос, почему именно немецкая нация истребляла евреев и другие народы, и вообще так близко восприняла эту страшную идеологию, попробую лишь исследовать отдельные стороны взаимоотношений местного населения с оккупантами.

Немцы, оккупировав белорусскую землю, создавали для евреев гетто, а иногда расправлялись с ними почти сразу.

«Я помню, накануне в субботу немцы сделали облаву, согнали всех евреев в одно место, а потом отправили их на еврейское кладбище и там расстреляли. Я перед этим пас рядом коров и видел, что на еврейском кладбище выкопали большую канаву, где-то 1,5 м шириной, 1,5 м глубиной и около 40 м длиной. Мы, дети, туда лазили, смотрели. В воскресенье сидим отец и я за завтраком часов в 9 утра и слышим пулеметные частые выстрелы, мы жили метрах в 400 от этого места. Часа через 2, когда выстрелы прекратились, я пошел на кладбище посмотреть. О, ужас, где я в пятницу-субботу бегал, как тряси́на ходила земля (здесь уже было несколько человек, подростки, взрослые, но полицейских не было). По-видимому, людей поставили у траншеи, расстреляли, кого замертво засыпали землей, кого полуживого, так, что много еще земли оставалось наверху. Земля ходила ходуном, там еще были живые люди, засыпали живьем...»

Так описывает трагическую расправу немцев с евреями в местечке Турец Николай Иванович В. Он был тогда ребенком, но подробности навсегда врезались в его память и сознание. Слова об этой трагедии даются ему тяжело, а я слушаю и не могу в это поверить.

Согласно опросам многочисленных свидетелей, собранных работниками Городокского краеведческого музея, в Городке было следующее. Летом-осенью 1941 года в Городке фашисты создали концлагерь, т.е. гетто, простирающийся от поворота, где живут Луцкие, до Кумчихи, по длине это около 500 м, по ширине 100–150 м. Здесь были многочисленные жилые дома евреев. Эта территория была огорожена со всех сторон колючей проволокой. Вход был со стороны бывшей синагоги, здесь позволяло место. Значи-

тельную часть взрослого населения возили в м. Красное (в 18 км от Городка), на строительство железной дороги.

Мне известно об отношении фашистов к евреям не только из рассказов очевидцев. Об этом свидетельствуют и многочисленные официальные германские документы того времени. С началом оккупации СССР на его территории германское командование вводило меры по поддержанию «нового немецкого порядка». Для этой цели были созданы айнзатцгруппы, в состав которых входили эсэсовцы, члены гестапо, полиции, шоферы, переводчики и т.д.⁶. В инструкциях, определяющих круг их обязанностей, на первом месте стояла «ликвидация евреев и политических комиссаров». Во исполнение этого приказа еврейская часть населения, включая детей, подлежала полному уничтожению. Немцы выполняли приказы беспрекословно.

Как складывались в условиях оккупации отношения между белорусами и еврейским населением, которое жестоко преследовалось немецкими властями? Ведь за помощь евреям можно было пострадать самому, тем не менее очень многие сочувствовали им и даже помогали как могли. Вот что вспоминает Николай Иванович В.:

«Отец открыл дверь в сенцы, а там на чердаке — еврей сосед. Говорит, Иван, я побуду тут до вечера, а потом уйду. Он ведь понимал, что немцы одинаково наказывали и тех, кто давал приют евреям. Да где ж тут, сосед, мы ж люди, брали на себя ответственность. Вечером он ушел. Потом отец ушел набирать картошку из ямы. Открыл дверь, а там тоже, женщина еврейка и двое детей. Она говорит, я уйду, отец не стал и брать картошку».

Были и другие случаи. Об одном из них, волнуясь и переживая как бы все заново, рассказывает тетя Глаша:

«Ловиц Мария ушла в партизаны. До войны она жила в Городке. Как-то она пришла из леса к соседям Луцким и попросила их принести ей из ее дома кое-какую одежду переодеться. Они говорят, подожди возле склепа, мы сейчас принесем, а сами привели немцев. Но у Марии как сердце чувствовало, она перебралась через забор, возле сарая и ракачом ползла до речки, перебралась через речку. Это было 6-е ноября. Потом она мокрая, холодная добралась в деревню Семерники и постучала в крайнюю хату. Там ее обогрели на печке, дали переодеться, и она ушла в лес. После войны она хотела отблагодарить этих людей, но не нашла.»

Этот случай — яркое свидетельство того, как по-разному ведут себя люди при одних и тех же обстоятельствах. Одни соседи предают, а другие спасают. Нормальные человеческие отношения стали проявлением героизма.

В рассказах очевидцев есть факты как предательства, так и сочувствия, желания помочь евреям. Тетя Глаша вспоминает, что ее дедушка возил в гетто муку, продукты, а сама она носила молоко.

«У меня такие хорошие соседи были, деточки, Сарочка маленькая, я ее так любила, всех убили, не дай Бог...» (т.Глаша)

Но крестьяне боялись расправы со стороны немцев, не все могли преодолеть страх смерти, кроме того, были и просто непоправимые люди, и откровенные негодяи. Вот что рассказывает Мария Иосифовна В., передает со слов очевидца:

«Когда евреев согнали в гетто, были люди, которые таскали их вещи, их богатство, евреи же зажиточные были. Рассказывала наша теперешняя соседка М.Н. Жоховец, что в Городке в войну рядом с ними жила Щербицкая, она все таскала у евреев вещи и, говорят, даже золото. Евреи на нее были очень злые, и когда Городок временно освободили партизаны, немцев не было, они пришли ее искать, хотели убить. Она спряталась у Жоховцев на печке, а евреи пришли к ее мужу. Муж был дома, он не виноват был ни в чем, не боялся. Евреи пошли по соседям искать, приходили и к Жоховцам, но они ее не выдали, она на печке сидела. Походили, искали, и опять пришли к мужу, и его убили. Никто же точно не знает, что там было, может, они золото назад требовали. Евреи, видишь, знали, что она брала их вещи, вот и застрелили, а жена здравствовала потом до 90 лет».

Это можно оценить как мародерство. Соседи, конечно, осуждали Щербицкую, но не выдали ее евреям-партизанам, пожалели, все же «своя». Я осуждаю мародерство, но считаю, что муж был невиновен, он ответил не за свои преступления. По-видимому, в годы войны были случаи скорого несправедливого суда, как здесь, когда обиженные евреи расправились с невинным человеком. Зло порождает зло.

Слушая рассказы, я задаю себе вопрос — почему евреи не бежали от преследований, не вступали активно в борьбу? Возможно, по религиозным соображениям, как считают некоторые:

«Евреи сильно не сопротивлялись, пока они не были в гетто, они же могли уйти, но говорят, что у них в священном писании сказано, что для них за грехи будет такое наказание и гибель. Решили, что Бог им послал наказание. Только некоторые образованные, как учитель Окунь, ушли в партизаны.» (Мария Иосифовна В.)

«Старые люди, женщины и дети были по религиозному фанатично настроены, они считали, что это уже судьба такая, уже не откупиться, поэтому они покорно несли свою судьбу.» (Николай Иванович В.)

В документальной телепередаче, которую я смотрела этой осенью, одна уцелевшая узница гетто назвала следующую причину покорности евреев — если кто-то убегал, расстреливали всю семью. Значит, не только религиозные мотивы, но и страх за судьбу близких удерживал их в гетто.

Свидетели из Городка рассказывают, что первоначально евреи надеялись откупиться:

«Сначала немцы у них брали ценности, столько-то золота собрать, они собирали золото, отдавали немцам, через какое-то время — опять задание дают.» (Мария Иосифовна В.)

«Больше всего на это шли полицаи. Было у евреев и золото, и серебро, и материалы, ну и полицаи, обещая сохранить жизнь, вымогали у них ценные вещи. Это был обман.» (Николай Иванович В.)

«Были и попытки бежать. Рассказывают, что в Городокском гетто было два подземных хода с улицы в сторону речки, где живут Лебецкие и где Стереховы. Но пока эти места не обнаружены.» (Николай Иванович В.)

«Некоторые пытались бежать, доходили до сумасшествия. Несколько человек пытались броситься в речку возле моста, когда их везли на казнь, но их тут же расстреляли. Одному удалось бежать, ему было лет 17. Когда он доехал до места казни, он прижался к борту машины и не вышел, а на обратном пути бежал.» (Николай Иванович В.)

Значит, попытки спастись или как-то бороться были и у евреев, только не всегда они оканчивались успешно.

И вот страшный финал этой трагедии в Городке. В 1942 году часть работоспособного еврейского населения из Городокского гетто вывезли в гетто в м. Красное, а остальных уничтожили. Вот как рассказывают местные жители об этом работникам Городокского музея:

«Когда хватали евреев, вдоль гетто выстроились машины, крытые и открытые, пригнали из частей. Людей насильно садили в машины и увозили за речку. Там было брошенное поместье и гумно, при Польше там жил осадник Понятовский, который бондарил, а с приходом Советов уехал в Польшу. Лавникович И.П. рассказывал, что запрещалось кому-нибудь смотреть со стороны, как они расправлялись, но подростками они пасли коров и это видели. Он рассказывал, что по обе стороны гумна у дверей стояли эсэсовцы, они расстреливали в затылок из пистолета детей, женщин, стариков, кого намертво, кого ранили, далее заставляли крепких мужчин, стаскивать трупы в штабеля, в кучи, а потом, когда всех свезли, гумно облили бензином и подожгли. Несколько дней разносился смрад, дым по окрестным деревням, по Городку...»

Так была уничтожена вся еврейская община в местечке Городок. Это только крупинка еврейской трагедии, а сколько таких пожаров, расстрелов, погромов прокатилось по всей Европе — в Белоруссии, на Украине, в Польше, Прибалтике. «В Риге были убиты 35 тыс. человек, в Киеве за время войны были убиты 195 тыс. евреев и «комиссаров». Обер-группенфюрер СС Бах-Залевски с гордостью писал 31 октября 1941 года:

«В Эстонии больше нет евреев». Расстрелы мирного населения сопровождались повальными грабежами. Конфисковывалось все, что можно было хоть как-то использовать: обувь, изделия из кожи, одежда, драгоценности, золото, ценные вещи»⁷.

Так почему же немцы настолько ненавидели евреев, что решили их всех уничтожить? Возможно, ответ кроется в следующем. По словам самих евреев, центральная идея иудаизма — идея избранности. Евреи считают, что Бог избрал из всех народов, из всего человечества евреев, чтобы они выполняли среди других народов на протяжении всей мировой истории особую, данную им Богом задачу. Гитлер и его единомышленники-фашисты были убеждены в том, что германская раса стоит выше всех прочих народов, в особенности евреев. Его цель состояла в создании тоталитарного государства «чистокровных» немцев-арийцев.

В Европе издавна существовало предубеждение против еврейского народа. Например, в 1347 году в Европе началась страшная эпидемия чумы, в распространении которой обвинили евреев:

«Причин ужасного мора, естественно, никто толком не знал, но обезумевшие от страха люди готовы были поверить любой нелепице, лишь бы найти виновного в постигшем их бедствии. Досужие языки тотчас же разнесли молву: евреи отравили колодцы, чтобы извести со свету христиан. Эти слухи стали причиной гибели многих тысяч людей по всей Европе, особенно в Германии. Обезумевшие толпы громили еврейские кварталы, заживо сжигали десятки семей в их собственных домах»⁸. Нацистские вожди воспользовались традиционным антисемитизмом части населения, и приступили к геноциду еврейского народа.

...В который раз я прослушиваю воспоминания очевидцев тех событий и размышляю. Довоенный Городец был достаточно благополучным, богатым местечком. Бурно шла торговля, много магазинов, лавок — значит было что продавать и кому покупать. Без всякой идеи интернационализма проживали рядом белорусы, поляки, евреи преимущественно дружили, соседствовали, молились каждый в своем храме, были небольшие проблемы, но скорее люди были «своими», а если и «чужими», то находили взаимопонимание. Кому нужно было разрушить этот тихий мир, внести хаос, неразбериху, войну, а с ней — слезы, горе, смерть? Как всегда, в жизнь простых людей вмешались политики, им нужно было перекроить мир по-своему.

И вот война, жестокая, страшная. Одни люди убивали других. За что? В войну проявились качества каждой нации, хотя в поведении людей много общего. Часть евреев не сопротивлялась немцам и были истреблены, стали жертвами фашизма. Некоторые все же бежали, ушли в партизаны и пытались бороться не только с

немцами, но и мстить своим местным обидчикам. Белорусы сочувствовали евреям, помогали как могли, но как и среди любого народа, были среди них и равнодушные, и непорядочные люди, которые ради спасения своей жизни могли сделать что угодно. Война высвечивала в человеке то, что в мирной жизни было незаметно, как самые лучшие качества, так и самые низменные.

Показателен следующий факт советской политики в послевоенные годы. В Городке 9 Мая каждый год проводят митинг в честь Дня Победы, где перечисляют поименно всех погибших в войну жителей Городокского сельсовета, с указанием места гибели. По свидетельству Николая Ивановича В., до 1965 года в этом списке отдельно указывалось — «заживо сожжено 900 евреев», потом эта фраза была опущена, по-видимому, по распоряжению партии. Когда я в мыслях возвращаюсь на место этой страшной трагедии, я думаю о том, что возможно пройдет еще немного времени, уйдут последние живые свидетели и исчезнут эти руины. Мне становится страшно, что люди могут забыть эту трагедию, я начинаю понимать, зачем нам нужна история.

В центре Городка на бывшей рыночной площади стоит памятник жертвам фашистской агрессии. В 90-ых годах в Городок приехали представители еврейской общины и за деревней на месте гибели 900 евреев поставили памятник. Я склоняю голову у этих монументов и думаю, как ответить на этот вопрос — почему представители одной нации заживо жгли детей другой нации?

...Работа завершена, я хочу сказать о том, чему я научилась, какие выводы для себя сделала. Собирая воспоминания своих родных и соседей, разыскивая старые фотографии и документы, пытаюсь представить картины довоенной жизни, оккупации Городка и окрестных деревень, я прикоснулась к живым страницам истории. Мне кажется, что для того, чтобы понять ход событий того или иного времени, необходимо знать, как жили тогда люди, о чем они мечтали, какие проблемы решали, нужно изучать личную жизнь простых людей, знать их отношение к происходящим событиям. Слушая воспоминания старых людей о 30–40-х годах прошлого столетия, я сделала следующие выводы:

- 1) Довоенная жизнь местечек в Западной Белоруссии была достаточно благополучной, мирно уживались рядом представители трех религий — христианства, иудаизма и католицизма. Люди разных религий и национальностей находили общий язык, торговали, уважали друг друга.
- 2) В 1939 году пришла Советская власть, которая просуществовала меньше двух лет. Людям навязали эту жизнь, но они приняли ее достаточно мирно, с надеждой на лучшее, пусть и не

все. Советы не успели себя проявить полностью, коллективизация только начиналась, и то не везде.

- 3) 1941 год — начало Великой Отечественной войны. Война принесла на белорусскую землю горе, слезы, кровь. Невозможно найти хоть что-нибудь положительное, связанное с войной. Первые шаги фашистов по оккупированной земле — убийство, запугивание местных жителей. «Жить стало страшно». Самая трагическая страница Второй Мировой войны — это уничтожение евреев, Холокост. Услышанное от свидетелей этого варварства просто потрясло меня. Трудно представить, насколько нужно ненавидеть людей, чтобы заживо сжигать их вместе с детьми. И в первую очередь в этом виноваты политические вожди довоенной Германии, внушившие фашистскую идеологию простым немцам. Уничтожение евреев проводилось под непосредственным руководством фюреров национал-социалистической партии.

* * *

...Я вспоминаю партизанскую молодость бабушки и думаю, как я поступила бы на ее месте? Мне страшно при мысли, что пришлось бы взять оружие и идти в лес. Я хочу мирно жить, учиться, чтоб у меня были мама и папа, ходить в лес только за ягодами и грибами, а самое главное, никого не бояться. Я прошу политиков поразмышлять об этом и сделать свои выводы.

Примечания

- ¹ Анисимов Е.В., Каменский А.Б. Россия в XVIII — первой половине XIX века. М., 1994; Юрганов А.Л., Кацва Л. А. История России XVI-XVIII вв. М., 1998.
- ² Данилов А.А., Косулина Л. Г. История России XIX век. М., 1998.
- ³ Там же.
- ⁴ История и география Дисненского и Виленского уездов. Минск: Минский архив, 1896.
- ⁵ Архив г. Молодечно. Архивные сведения были предоставлены нам директором Городокского краеведческого музея Н.И. Выдришким.
- ⁶ Сорокина О. Этносы на оккупированной территории СССР в годы Второй Мировой войны // газета «История», № 42, 2000.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Бойцов М., Шукуров Р. История средних веков: учебник для седьмого класса. М., 1998.

ДЕТИ И ХОЛОКОСТ. ОПЫТЫ ВЫЖИВАНИЯ

Надежда Жужлева

(ученица 9 класса школы № 1199 «Лига школ», г. Москва
Научный руководитель Д.В. Прокудин)

Воспоминания о детстве часто бывают ярче и необычнее воспоминаний о взрослой жизни. Из этих рассказов становится понятно, что затрагивало самые глубокие чувства человека. Действия ребенка напрямую отражают его чувства.

Кроме того, попытки взрослых выжить в нечеловеческих обстоятельствах Холокоста обычно выливались в какие-то действия. Дети же, чаще всего, не могли что-либо изменить, зато их противостояние злу несло в себе большую моральную силу.

В своей работе я использовала рукописные воспоминания Галины Абрамовной Гороховой-Костелянец, статью Татьяны Самойловой Бибчук «Полтора года в оккупации», дневник Анны Франк «Убежище», интервью с Яковом Ицковичем Соколовером, интервью с Изабеллой Николаевной Образцовой.

Конечно, воспоминания сильно зависят от возраста человека, поэтому я разделила их по возрастным группам. Самая младшая группа — это дети семи-восьми лет, следующая — это подростки с девяти до четырнадцати, и самые старшие — юноши и девушки от пятнадцати до восемнадцати лет. Ясно, что чем младше человек, тем меньше он интересуется реальной военной ситуацией, и тем труднее его понять с рациональной точки зрения. По-

этому я начну со старших, более похожих на взрослых, которые нам ближе и понятнее, и буду двигаться к самым младшим.

Одной из самых тяжелых проблем для старших юношей и девушек был страх оказаться лишними. Яков Соколов, бывший семнадцатилетним во время войны, позже рассказывал о своей жизни. Он жил с семьей в Варшавском гетто. Через некоторое время после его образования, захотел сбежать оттуда и уйти на советско-германский фронт. В итоге ему это удалось, хоть и с большим трудом. Почему он захотел сбежать, оставив в гетто свою семью? Хотя считал, что идет на верную смерть, а в гетто еще шанс выжить. Дело в том, что он чувствовал себя обузой для семьи. Он многое уже знал, но очень мало умел, а в условиях гетто умение было главным. Родители очень не хотели его отпускать, как им казалось, на верную смерть. Однако Якову слишком тяжело было чувствовать себя совершенно бесполезным. Не смотря на все уговоры, он ушел:

«...Вся моя рубашка была мокрой от бабушкиных слез, она хотела бы удержать меня, оградить от фронтового огня, но чувствовала, что я все равно уйду. Чувствовала, что я внутренне умираю в гетто, где не могу найти себе места. Я решил, что лучше умереть борясь, чем висеть тяжелым камнем на шее своих родителей...»¹

С той же внутренней проблемой ощущения собственной бесполезности мы сталкиваемся и в рассказе Нюси Вайсман из Киева о войне. Ей в 1942 году исполнилось семнадцать. Она тоже хотела избавиться от этого ощущения, уйдя на фронт:

«Я познакомилась с командиром стоявшей там части, умоляла взять меня с собой, чувствовала — нам с родителями не уйти. Лучше погибнуть на фронте, принести пользу Отчизне, чем быть расстрелянной и задушенной фашистами.»²

В отличие от Соколова, ей это сделать не удалось. Она поняла, что ее родители нуждаются в ней:

«Я горько рыдала, понимая всю безнадежность нашего положения. Не могла я знать тогда, что судьба распорядится по-своему и в страшном пекле войны мы уцелеем. И, может быть, именно потому, что будем вместе, дыханием своим спасем друг друга.»³

Она постоянно ухаживала за родителями, вела домашнее хозяйство, пыталась доставать где-то еду. Но как только она заболела брюшным тифом и перестала что-либо делать, она почувствовала себя страшной обузой для родителей и начала поддаваться унынию:

«Вечер. Мороз. Клонит ко сну. Безобразная и кошмарная жизнь. Я потеряла себя, я растаяла во времени. Я хочу себя найти. Пошли мне, жизнь, человека, который помог бы найти себя, разбудить задремавшие струны, чтоб душа не заглохла и я б отошла от этой мерзости...»

На простор, на свободу и смогла бы протянуть мои руки навстречу великому, нужному делу.»⁴

Галина Абрамовна Горохова-Костелянец, во время войны шестнадцатилетняя девушка, жила с семьей в Минском гетто. Ее семья состояла из отца, матери, бабушки и дедушки. Парадокс этой истории заключается в том, что в суровых условиях войны ее отец и мать, казалось уже друга не любившие, стали относиться друг к другу совершенно иначе. Девушка отнеслась к их неожиданно вспыхнувшей любви достаточно странно:

«Во мне излучение, исходившее от моих заново влюбившихся друг в друга родителей, вызывало мрачное осуждение. Я пряталась от самой себя, когда мама, никогда не умевшая совладать со своими глазами, заворуженно смотрела, как папа ест. Все это вызывало у меня глухое раздражение.»⁵

Она не была рада появившейся в семье гармонии, наоборот, ее это раздражало. Она считала, что война — неподходящее время для лирики, надо действовать. При этом отец ничего не рассказывал ей о войне или о партизанских отрядах в лесу, пытался оградить ее от всего этого. Девушка не могла ничего не делать, она не выдерживала состояния «благодатного неведения», в котором держал ее отец. Она хотела разобраться в том, что творится в гетто, хотела участвовать в подпольной организации, участвовать хоть в чем-то:

«Состояние полусонной апатии, вызванное ежечасным пониманием безысходности нашего положения подводило меня к опасной черте, долго оставаясь у которой человек умирает не физически, а духовно.»⁶

Мечтой ее изначально было уйти в партизаны. Через два года жизни в гетто ей это удалось. Именно тогда, как ни странно, у нее и начались серьезные моральные трудности. Девушка почти ничего не умела. Среди партизан, где каждый знал свое место и свои обязанности, она чувствовала себя бесполезной и ненужной. Постоянно искала свое дело, а когда находила хоть что-то, что у нее получалось, делала это так хорошо, как только могла:

«Самолюбие мое страдало нещадно, и я по старой детской привычке произнесла большой внутренний монолог о несовершенстве городского воспитания и почему-то вспомнила взбешенного деда, когда он лупил меня геометрией Киселева по голове и кричал: “Дубина!” ...Я ожесточенно взялась за стирку. У меня получалось! Так я трудилась до обеда. Руки гудели, спина ныла, но на душе полегало — хоть что-то умею.»⁷

Она была достаточно образованной, но в условиях гетто или партизанского отряда важнее знаний были практические навыки. И в гетто, и в лесу, среди партизан девушка старалась найти не только дело, в котором она нужна, но и искала опору в людях, как правило — своих сверстниках:

«Немножко легче мне было с мальчиком Золей. Золька по-мальчишески пытался меня расшевелить. Мы с ним забирались на чердак, там у него было хозяйство — какие-то катушки, проволоочки из которых он мечтал смастерить радиоприемник. Ему все было интересно. Я немножко ожидала от неподдельного восторга в его карих глазах, когда рассказывала ему очередную книгу. Очень уязвленный моим превосходством в умственном развитии, Золька компенсировал этот свой ужасный недостаток ловким умением крутить самокрутки и курить свою адскую смесь в за-тяжку и без кашля.»⁸

Если юноши и девушки относятся ко всему происходящему почти как взрослые, т.е. пытаются что-то сделать, изменить ситуацию, то подростки, как правило, прячутся от внешней ситуации в себя. Их мало интересует военная ситуация, гораздо больше их личные, подростковые проблемы. Очень частым вариантом ухода от страшной реальности является учеба, книги.

Четырнадцатилетняя Инна Беркович из Бессарабии, потерявшая свою семью в самом начале войны, ходила по разрушенным домам и читала брошенные книги. Об этом она пишет в своем дневнике:

«А когда выпадала свободная минутка, я продолжала читать книги, часто валявшиеся в покинутых, ограбленных домах. Тургенева, Гончарова, поэтов-символистов, любимого Пушкина. Но все это заслонить реальную жизнь не могло.»⁹

Книги — это уход в другой мир, где нет войны и голода. Уход в себя, в воображение, уход от реальности. Они помогали отдохнуть от всего увиденного за день. Кроме книг ей помогало то, что она вела дневник, в котором изливала все свои переживания и мысли. Она сама говорила, что он помог ей сохранить рассудок:

«Я ведь не надеялась, что кто-нибудь прочтет эти страницы, я не показывала их ни отцу, ни матери — никому. Но мне нужно было в них вылить все, что накопилось в душе, иначе можно было бы, наверное, сойти с ума.»¹⁰

Ситуация очень напоминает знаменитую историю Анны Франк, которой в момент начала войны было тринадцать лет. Вспомним ее дневник:

«Мы всегда с нетерпением ожидаем субботы, потому что тогда прибывают книги. Точь-в-точь как маленькие дети ждут подарка. Обычные люди не знают, как много значат книги для заточенного.»¹¹

Книги помогают отвлечься от бытовых проблем. Когда рядом нет друзей, книги знакомят с чьим-то другим внутренним миром. Они заменяют и родителей, и друзей, и школу, и все остальные занятия. Уводят подростка в воображаемый, нереальный, приемлемый для него мир. Например:

«Единственное, что отвлекает — это занятия, и я много занимаюсь.»¹²

Если для подростков лет 13–14 чтение — это погружение в себя, то для детей помладше оно создает иллюзию довоенной жизни и нормы. Для них книги — временное возвращение в нормальную жизнь.

Подростки, которые не могут найти опоры в своих семьях, чаще всего находят их в книгах и учебниках, которые помогают им отвлечься от бытовых проблем и страшных событий вокруг. Однако они не могут полностью закрыть реальную жизнь, только отвлечь.

Дети переживают войну совершенно особенно. Возникает ощущение, что дети просто отказываются воспринимать то, что творится вокруг них. Выражается это очень по-разному. Сейчас я хочу рассказать о двух самых ярких способах защиты от реальности, которые я встретила во время своей работы.

Один из выходов нашла восьмилетняя еврейская девочка Инна из Курска, которую спасла ее подруга Белла со своим отцом. Самое удивительное в этой истории, что девочка никогда не пряталась. Об ее существовании знали соседи, несколько раз доносили в гестапо, но Изабелла называла ее своей сестрой, и ее отпускали. Быть может, выжить ей помогло изумление гестаповцев. Ведь евреи всегда прятались, пытались убежать из мест, в которых о них знали, а не жили наравне со всеми. К тому же девочка проявила необыкновенную стойкость. Непонятно, на что она надеялась с ее еврейской внешностью, живя в оккупированном городе и даже не пытаясь спрятаться. Скорее всего, ни на что. Просто она не мыслила себе другой жизни, не понимала, зачем ей прятаться.

Инниной безусловной опорой была Изабелла, которая везде ходила с ней, учила ее читать и писать, объясняла, почему ее не любят соседи. Но Белла только поддерживала в ней ее собственную внутреннюю уверенность, что она — такая же, как все и не должна жить иначе. Даже после нескольких «путешествий» в гестапо Инна не начала прятаться. Видимо, ее детское, скорее всего несознательное ощущение, что она ни в чем не виновата, пересилило страх:

«Она спрашивала меня несколько раз, что значит то, что она еврейка и почему ее хотят забрать. Я отвечала, что это все из-за войны. Я навсегда запомнила ее ответ однажды, когда мы возвращались из гестапо. Она внезапно посмотрела на меня и с отвращением в голосе сказала:

— Знаешь, это очень глупо.

— Что?

— Война.»¹³

Если посмотреть с рациональной точки зрения, девочка вела себя неправильно. Зачем намеренно подставлять себя под удар, когда можно спрятаться? У нее почти не было шанса выжить. Тем не менее, каким-то чудом она смогла спастись.

С точки зрения самой девочки, это было совершенно правильное поведение. Она — такой же человек, как все окружающие ее люди. Зачем ей прятаться? Она не делала ничего плохого. Эта глупая война не имеет к ней никакого отношения. Т.е. получается, что иррациональное с нашей точки зрения поведение, с точки зрения ребенка — понятно и правильно.

Другой случай — это способность ребенка все превратить в игру. О нем рассказывает Александр Гельман из Бершади. Ему было семь лет, когда его со всей семьей забрали в гетто. Больше всего он вспоминает про смерть и про игру:

«А со мной все было в порядке. Я все эти годы там, в гетто, непрерывно во что-то играл, особенно много и усердно, с вдохновением играл в войну. Я жил в своем воображении, а не в этой жуткой реальности... Я увлеченно, непрерывно во что-то играл. Оказалось, что для этого совсем необязательно бегать, прыгать и орать, как это бывало в Дондуюшанах. Я научился играть молчком, про себя.»¹⁴

Он играл в войну, зная, что он еврей и что немцы — его враги. Это не имело никакого значения. В своем воображении он мог стать как немцем, так и евреем:

«Понимал ли я, что я еврей, что здесь все евреи и поэтому мы наказаны? Да, понимал. Но в играх я переставал быть евреем, евреи во многих играх не участвовали, в моих войсках не служили, в моем штабе не было ни одного еврея. Евреем я становился только в паузах между сражениями, когда я на время выходил из роли, но эти паузы случались не часто и очень ненадолго.»¹⁵

Не было «своих» и «чужих», была только война. Он не понимал ее причин и целей, не знал, что это на самом деле. Он воспринимал войну, как игру, где он неизменно был главным и выходил из каждого боя победителем:

«Я включал в свои игры реальные военные силы, которые двигались по шоссе, я их поворачивал в нужную мне сторону, они безоговорочно выполняли любые мои команды. В моей войне могло быть все, что угодно: например, украинские партизаны могли биться под началом немецких офицеров против румынских жандармов. Я бывал по очереди то немецким, то русским, то румынским генералом. Про реальную войну я мало что знал, и знать не хотел — меня интересовала и увлекала лишь моя воображаемая война.»¹⁶

Игра была защитой от страшной реальности, которую ребенок не может понять, поскольку понимание было бы непоправимым ударом по его психике.

Но мы знаем, что дети играют, и не только во время войны. Для чего? С одной стороны это, конечно, развлечение, но роль игры в жизни ребенка значительно больше.

Игра — это способ обучения, усвоения чего-то нового. Игра помогает понять что-то или принять то, что понять ребенок пока

не может. Игра адаптирует существующие факты к сознанию ребенка. Например, во время воображаемого боя ребенок может быть кем угодно, может выиграть, а может и умереть. Если он и умрет, то все равно останется живым. Получается, что смерть — это не так уж и страшно. Оказывается, что фактически, ни смерти, ни войны для ребенка не существует. Во всяком случае, не в том значении, в котором мы ее привыкли понимать.

Опять же, с нашей точки зрения этот мальчик вел себя, как сумасшедший. Не нормально фантазировать, что ты — немецкий генерал, когда немцы — твои враги.

С точки зрения же самого мальчика — это лучший выход из ситуации. Его психика отказывается воспринимать весь окружающий мир таким, какой он есть, а трансформирует его из ужаса в веселье. Война воспринимается не как смерть и голод, они как раз отходят на задний план. Главным в войне для ребенка кажется ее красочность, яркость, она захватывает воображение. Война не затрагивала лично ребенка, он сам ее придумывал такой, какой хотел видеть, а следовательно она была для него красивой, притягательной. Благодаря этому ребенок сохраняет рассудок и, может быть, даже жизнь:

«Не надо забывать, что по сравнению с довоенной жизнью, война была необыкновенно зрелищной, интересной, многоплановой: шли танки, машины, шли войска. Все вокруг шумело, гудело, грохотало. Мы были детьми — нам нужно было что-то интересное, опасное, чтоб дух захватывало.»¹⁷

К тому же надо помнить, что мальчику только восемь лет, война заняла треть всей его жизни. Она стала для него нормой. Он ничего не понимает, не знает ничего другого, кроме войны, так почему бы не поиграть в войну, как мы в свое время играли в дочки-матери?

«Мне ни разу даже не снилась довоенная жизнь. Единственное, что из той жизни перешло в эту, — игра, дух игры... Взрослые помнят какое-то прошлое, им мерещится какое-то будущее. Но у детей во время войн все это отсутствует. Детям даже казаться ничего не может. Я, например, совершенно не понимал, кто с кем и зачем воюет. Я отчетливо помню, что, находясь в гетто, я никакой жизни, кроме той, что там была, не знал, не помнил и не ждал. Я был уверен, что так будет всегда, вечно.»¹⁸

Из сказанного видно, что дети находят опору в себе, а не во внешнем мире. Они находят, то, что позволяет им полностью закрыть для себя реальность и жить тем, что они сами себе придумывают. Это позволяет им не пытаться понять то, чего они понять еще не могут, а просто принять это в адаптированном для себя виде.

Очень важное место в сознании ребенка занимает смерть. Эта тема возникает у всех, независимо от возраста.

В каждом из нас присутствует страх перед смертью. Но для нас — это страх перед своей смертью. Ни у этих подростков, ни у уже почти

взрослых страха перед своей смертью нет. Очень важно то, что смерть воспринимается не как своя, будущая смерть, а как смерть людей в общем, количество смерти вокруг. Галина Костелянец, 16 лет:

«Страх за свою жизнь не было, по-видимому, психологический шок начала войны был столь сильным, что он разрушил, истребил во мне естественную жажду жизни.»¹⁹

Все они в основном говорят именно о смерти близких, знакомых, просто людей вокруг. Инна Беркович, 14 лет :

«16 марта 42. Умерла мать Гильды, этой чудесной, поэтичной девушки, умирает пекарь и много других, не видно конца и краю. Где, когда конец?!»

26 мая 42. А я — читаю. Попала на один из томов Леонида Андреева. Там есть прекрасные вещи: «Иуда Искарот», «О семи повешенных», «Бездна», «07»... Произвело сильное впечатление переживание людей различных слоев общества перед смертью.»²⁰

Александр Гельман, 7 лет:

«Никого из моих близких не убили — они сами по умирали. От голода, от холода, от жуткой обстановки, от душевной боли, от безнадежности. От всего вместе.»²¹

Смерть для ребенка особенно поразительна. До войны он, возможно даже ни разу не встречался с ней, и вдруг она возникает в таких огромных количествах. Он даже не знает, что это такое, а уже вынужден ее как-то осмыслять. Понятно, что встреча со смертью сильно меняет человека, мы обычно знакомимся с ней постепенно, привыкаем, миримся. Во время войны это происходит очень быстро, поэтому тяжесть, внезапно рухнувшая на человека, может его сильно покалечить:

«Смерть не просто присутствует в моем детстве, смерть гуляла по моему детству как полная хозяйка и делала с моей душой все, что ей было угодно, я даже толком не знаю и не узнаю, что она с ней сделала... Что такое для меня война, гетто, что такое для меня быть евреем? Что такое для меня моя биография, моя жизнь, моя душа, мое сознание, мое мышление? Это, прежде всего, взаимоотношения моей детской души со смертью.»²²

Чаще всего, детское сознание просто отказывается воспринимать смерть. Смерть игнорируется, принимается не как беда, а как событие, факт. Это средство защиты от того, что он еще не должен знать, но вынужден:

«Одной из первых в этом полуподвале умерла моя мама. Я лежал на нарах рядом с ее телом, плечом к плечу, целую неделю. Я спал рядом, я что-то ел рядом с трупом матери. Пять дней. Или четыре дня. Или шесть дней. Как она лежала рядом со мной живая, так она продолжала лежать мертвая. Первую ночь она была еще теплая, я ее трогал. Потом она стала холодной, я перестал ее трогать. Пока не приехали и не убрали.»²³

Смерть была той самой тяжестью, от которой надо было защищаться, под которой люди сгибались и начинали искать точку опоры. Это константа, существующая в жизни каждого, прошедшего через войну, а ребенка особенно, ведь это его первое знакомство с ней.

Итак, получилось, что юношу, подростка и ребенка в невыносимой ситуации, когда гибнет их привычный мир, все их близкие люди, спасают именно особенности его возрастной психологии. Юноши и девушки стремятся к активности. Подростки, с помощью книг, на время отдалаются от реальности, уходят в себя. Маленькие же дети не желают понимать окружающий мир. Они абстрагируются от голода, смерти вокруг них. Для них это все не важно, важно их воображение, их игра, их личная реальность.

Эти возрастные особенности составляют часть того, что философы называют «природой человека». И, видимо, она непобедима.

Примечания

- ¹ Из интервью, взятого Н. Жужлевой и Н. Соловьевой.
- ² «Последние Свидетели» / Сборник воспоминаний. Рукопись. М., 2003. С. 91.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 101.
- ⁵ Архив и Музей Фонда «Холокост», коллекция «Гетто», оп.1, ед. хр. 24.1, л. 122–123.
- ⁶ Там же. Л. 124.
- ⁷ Там же. Л. 188–190.
- ⁸ Там же. Л. 125.
- ⁹ «Последние Свидетели» / Сборник воспоминаний. Рукопись. М., 2003. С. 70.
- ¹⁰ Там же. С.102.
- ¹¹ Убежище. Дневники Анны Франк в письмах. М., 1999. С. 90
- ¹² Там же. С.125.
- ¹³ Из интервью взятого Н. Жужлевой и Н. Соловьевой.
- ¹⁴ «Последние Свидетели» / Сборник воспоминаний. Рукопись. М., 2003. С. 110–111.
- ¹⁵ Там же. С.111.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С.112.
- ¹⁸ Там же. С.111–112.
- ¹⁹ Архив и Музей Фонда «Холокост», коллекция «Гетто», оп. 1, ед. хр. 24.1, л. 124.
- ²⁰ «Последние Свидетели» / Сборник воспоминаний. Рукопись. М., 2003. С. 101.
- ²¹ Там же. С.110.
- ²² Там же. С.107.
- ²³ Там же. С.110.

С Л Е Д Ы Е В Р Е Й С К О Й Ж И З Н И

О СИМВОЛАХ НАШИХ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

Александр Медведев, Римма Сахаутдинова

(ученики 9 и 10 классов школы № 6
г. Минусинска Красноярского края
Научный руководитель Т.А. Зыкова)

О каких знаменитых местах мы обычно вспоминаем, когда хотим представить приезжим свой старинный городок во всей красе? Музеи, театр, Спасский собор и, конечно, «Малый Сибирский Зимний дворец» — Дом Вильнера в центре города... Среди имен известных людей, в числе первых вспоминается бывший хозяин здания — купец и меценат Герш Мордухович Вильнер. Но мало кто сейчас, хотя бы исторической справедливости ради, захочет припомнить, что в свое время советская власть дом у семьи Вильнера отобрала, сам он исчез в неизвестном направлении (по предположениям сгинул в блокадном Ленинграде), его родственники (оставшиеся в Минусинске) были репрессированы... А сам Дом Вильнера, которым все «власть держащие» у нас тычут, как визитную карточку Минусинска, давно уже находится в заброшенном состоянии. Разрушается, разбирается «предприимчивым» народом на «запчасти» — щепки и кирпичики: топиться и строиться. А, может, «на сувениры»? Чтобы у каждого был кусочек символа в кармане: такая новая ступень исторического сознания, носить историю

с собой? Или пытаться из ее «халявных» (дом-то не охраняется!) обломков построить себе банальную дачу. Пытались, было, наше здание-символ (памятник архитектуры, между прочим) несколько раз ремонтировать, да воз пока и ныне там... Лишь видимость работы... Видимость сохранения истории...

Умирает дом-красавец в центре города, дом похожий на сказочный замок. Мы периодически делали туда «вылазки» — с интервалом от нескольких месяцев до нескольких дней и поражались каждый раз — умирает буквально на глазах... Вот какие-то нелюди оторвали кусок от уникальной лиственничной рамы, вот разнесли в ошметки перегородку старинной кладки, разбили вдребезги стекла, унесли решетки стариннойковки... На глазах умирает история... Неужели никто этого не понимает в нашем, почти 70-тысячном городке?!

Кстати, из пустых глазниц Дома отрывается прекрасный вид на городскую администрацию. Которая совсем рядышком стоит, напротив. И представители ее, принимая высоких гостей и показывая им город, непременно рассказывают им и о знаменитом купце, который вел когда-то из Минусинска торговлю с зарубежьем и щедро оплачивал благие начинания, и об его детище, выполненном в уникальном стиле «сибирское барокко»... Так было и при советской власти, так есть сейчас.

А ведь этого дома, как и его хозяина, коснулись все перипетии противоречивого двадцатого века. И их судьбы оказались такими похожими... Представляете: судьба дома и хозяина — практически одна на двоих судьба!

«В начале XX века в центре улицы Новоприсутственная (ныне Октябрьская) выросло первое в городе Минусинске трехэтажное здание — дом купца Вильнера. После Октября 1917 года дом был национализирован и передан государству. В дни белогвардейского режима (с июня по сентябрь 1919 г.) в подвале дома Вильнера находилась тюрьма, в которой содержались многие активисты советской власти. После освобождения Минусинска от колчаковцев 13 сентября в этом здании находился Армейский Совет партизанской армии, сосредоточивший в своих руках всю политическую, административно-хозяйственную и воспитательную власть среди партизан и населения. На первом этаже дома были размещены оружейные мастерские, химическая лаборатория для изготовления необходимых взрывчатых веществ. В настоящее время в этом здании размещаются различные государственные учреждения.»¹

На самом деле история этого здания гораздо интереснее и многообразнее. И пересказывали ее, как и многие события нашей истории, в разные времена — по-разному. В зависимости от политических веяний. Акцентируя внимание то на купеческом вре-

мени, то на «красно-белых» событиях, то на мирно-скучное существование «под учреждения», то на заброшенность, начиная с девяностых. Просто Дом угораздило (иначе не скажешь) стать центром очень разных событий. Стать свидетелем времени.

С чего начинался Дом Вильнера

20 октября 1897 года купец (тогда еще) 2 гильдии Герш Мордухович Вильнер купил у минусинского мещанина Узунова место земли с деревянным одноэтажным домом на базарной площади. Затем позднее подкупает еще часть усадьбы, а затем и усадьбу Михаила Копьева. На этом месте он строит в 1909-1912 гг. трехэтажный каменный дом с флигелями и постройками, которые в 1916 г. оценивались в 75 тыс. руб. В доме Вильнера размещались: магазины, кафе «Де ля Пари». Сибирский торговый банк, кино-театр «Арс», реальное мужское училище. Во дворе работал электродвижок, снабжавший электричеством центр города. Всю эту информацию мы нашли без особого труда в Минусинском архиве и в местном краеведческом музее им. Н. М. Мартыанова. Рождение дома, честно говоря, было типичным для многочисленных особняков купеческого Минусинска. Как говорится «Ничто не предвещало нынешней судьбы...»

Сложнее нам было узнать имя строителя здания. И все же оно нашлось — Хадият Иксанович Исламов. Про него, оказывается, писала местная газета в начале девяностых. Это редкая удача — то, что мы знаем имя мастера, построившего дом Вильнера и другие здания, ставшие украшением Минусинска. Обычно известны бывают лишь имена архитекторов (это в лучшем случае, а то и они утрачиваются), а сами мастера, люди воплощавшие замысел своими руками, создавшие красоту, остаются безвестными.

Хадият был мастером-самоучкой с удачливой судьбой (после этой истории все больше и больше верится, что случай играет в нашей судьбе не последнюю роль). Став взрослым парнем Хадият нанялся на работу к какому-то конезаводчику в Красноярске — объезжал лошадей. Исламовы в то время жили в селе, и Хадият часто приезжал домой. Младший его брат, Хусаин, в это время работал кучером у известного богатея — купца Мансурова. Вот Мансуров увидел как-то приехавшего к родителям Хадията и сказал ему: «Зачем тебе в прислужниках ходить, научись серьезному делу». И... предложил ему построить здание — складское помещение неподалеку от его минусинского дома (в бывшем доме Мансурова размещается ныне артель «Саяны»). «Да я же не умею» — возразил Хадият. «Вот как раз и научишься», — сказал купец. Это был тот поворот судьбы, за которым круто меняется вся жизнь цело-

О символах наших замолвите слово...

147

века. Склад тот Хадият построил своими руками — кирпичик к кирпичику и, видать, дело его это увлекло, заразило. Потому что немного позднее он уже сам собрал свою артель и получил хорошие подряды. Скорее всего, Мансуров рекомендовал его знакомым купцам. Вильнер предложил ему построить трехэтажное здание по улице Новоприсутственной (нынешняя Октябрьская). Тогда на этом месте было длинное одноэтажное деревянное здание с рестораном и гостиницей.

Предполагается, что дом Вильнера был построен в 1909-1912 годах. Хадияту Исламову было тогда за сорок, значит, был он вполне зрелым и опытным мастером. И между тем самым первым складом и затейливым домом Вильнера были еще здания, построенные его артелью.

Дом Вильнера

Именно под таким названием вошло здание в историю города. Что же такого сделал в нем купец, ведь владел он им совсем недолго, уже в двадцатых годах здание было национализировано, и все последующие годы в нем были лишь учреждения? Обратимся к документам.

Из архивной справки: «В 1913 году Герш Мордухович оборудовал у себя во дворе дома электростанцию, начал проводить освещение и в здание учительской семинарии, которые должно было быть закончено в марте 1914 года. Уплачено им 286 рублей» (из списка кредиторов семинарии).

Еще дом представляет интерес в архитектурном плане. Хотя сказано в разных книжках о нашем городе об этом очень сухо. Как будто авторы пытались «алгеброй» своих скучных фраз проверить гармонию «внешности» дома и его значения для города. Такое сложилось впечатление: «Этажи разделены между собой поребриком и филенчатым пояском. Окна первого и второго этажей прямоугольные с лучковым завершением, обрамлены наличниками в виде полуколонок. Окна третьего этажа в форме арок с наличниками в виде прямоугольных колонн под дорический ордер... На втором и третьем этажах имеются навесные балконы с ажурными металлическими перилами, примыкающими к центральной части здания, которые поддерживаются кронштейнами. Крыша покрыта кровельным железом... Полезная площадь 1016 квадратных метров. Решением исполнительного комитета Красноярского краевого Совета № 384-15 от 16.08.80 поставлено на местную категорию охраны». Кстати, этот дом — первый трехэтажный в нашем доме. Хотя всевозможные «пореб-

рики» тоже, наверное, важны, важна и «охрана» (которой долгие годы не ощущалось вообще).

В центре событий

Чуть подробнее о бурных событиях в истории отечества (и, так уж получаюсь, в истории Дома Вильнера, который тоже попал в этот водоворот). Версия, широко представленная в найденных нами книжках (других, к сожалению, не найти). Хотя, сами понимаете, и революция, и колчаковщина, и установление советской власти и даже партизанское движение и его деятели сегодня — темы очень неоднозначные. Кстати, у нас до сих пор отмечается дата, правда, не столь пышно как раньше, освобождения Минусинска от колчаковцев, правда с некоторых пор — и с упоминанием жертв с другой стороны и некоторых других деталей.

А теперь кое-какие штрихи о герое повествования — Доме Вильнера в двадцатые годы.

Из архивной справки: «В 1916 году по оценочной книге домовладений г. Минусинска за купцом Гершем (Григорием) Марковичем Вильнером значится дом... по Новоприсутственной улице (ныне Октябрьская), у купца Моисея Мордуховича Вильнера был двухэтажный деревянный дом по той же улице, флигели двухэтажный и одноэтажный стоимостью в 5500 рублей... Все эти дома были конфискованы в начале 20-х годов».

Легенды нашего городка

Выше было то, о чем говорилось в разных официальных документах. А теперь поговорим о легендах, которыми до сих пор овеян Дом Вильнера, и которые вам поведают почти любой житель Минусинска. Например, по одной из легенд, рассказанных нам 80-летней Ульяной Ивановной Харитоновой, под домом Вильнера начинался подземный ход, который вел прямо к пристани. Причем, по нему могла спокойно проехать лошадь. И когда для купца по реке привозили товары, их прямо по этому ходу везли на подводах к дому, потому что «купец не хотел, чтобы кто-то видел его богатства». План дома с подземным ходом нам, естественно, добыть не удалось. В старинных документах нашли только перечень строений, которые относятся к дому: каменный флигель, шесть каменных кладовых и три деревянных конюшни, один деревянный сеновал и каменная электростанция. И никакого упоминания о подземелье. Еще одна легенда, поведенная пожи-

лой рассказчицей — в подземелье дома Вильнера, якобы, обитают души замученных людей, которые до сих пор не знают покоя. На вопрос, кто и кого мучил, старушка предположила, что купец был жестокий и наказывал так своих работников за провинности. Это звучало неправдоподобно, и мы снова обратились к истории. Оказалось, что в дни белогвардейского режима (с июня 1918 по сентябрь 1919 года) в подвале Дома Вильнера находилась тюрьма, в которой содержались многие активисты Советской власти. Скорее всего, «уши» второй легенды растут отсюда.

Кстати, мы сами не раз предпринимали попытки найти этот самый подземный ход Вильнера (последний раз — около месяца назад). Ради интереса: живем в этом городе, а знаем о нем совсем немного. Но после многочисленных перестроек и начавшейся реставрации даже обнаружить нормальный ход в подвал оказалось проблемой. Какие-то лабиринты, заканчивающиеся тупиками.

Для чего вообще нужно искать подземные ходы? Кто-то из минусинцев готов сделать это просто из любви к истории и ее загадкам. А кто-то надеется найти под землей какой-нибудь клад. Так, в разное время говорили, что подземный ход дома Вильнера, часть которого когда-то занимал Сибирский торговый банк, может пролить свет на судьбу банковских капиталов. После революции Вильнер уехал, а судьба банковских капиталов так и осталась загадкой. Как и многое, что происходило в «смутные» десятилетия двадцатых годов прошлого века. Насколько велика вероятность того, что подземные ходы сохранились до настоящего времени? «Очень невелика», — считают геологи. Например, тот же Дом Вильнера был построен не на самом удачном месте. Не прошло и двадцати лет после его постройки, как (даже в печати) начали говорить, что он долго не простоит. Были какие-то проблемы с фундаментом, стенами... Говорили, что дом стоит на плавуне. Подземный ход в нем, скорее всего, начинался из подвала. А подвал этого дома вообще долгое время был залит водой. Нам удалось поговорить с сотрудницей аптеки, размещавшейся в доме Вильнера, Людмилой Лукьяновой. Она припомнила, что еще в восьмидесятых годах прошлого века подвал был сухой, и там даже хранили некоторые лекарства. «А потом вдруг откуда-то начала прибывать вода. Возможно, уровень грунтовых вод поднялся, а возможно, канализацию где-то прорвало. Только подвалом больше не пользовались». Ход тоже мог быть размыт и поврежден.

Попользовались и бросили... Так можно описать ситуацию с Домом. Несколько лет в его подвалах (еще когда в нем «жили» учреждения) стояла горячая вода. И никому не было дела. В начале девяностых годов прошлого века, когда стало ясно, что дом

нуждается в ремонте, учреждения из него срочно ретировались, а отремонтировать дом, в котором много лет находились, «забыли», пришло в редакцию местной газеты письмо. Роза Галеевна Исламова писала: «Обидно за дядю моего отца, который этот дом строил...»

Честно говоря, в Минусинске удачливых купцов было много. Золотопромышленность и торговля этому поспособствовали. В 1861 году купцов было 408 человек в городе и 145 в округе. А спустя пару лет их уже стало 6 купцов первой гильдии, 181 — второй и 35 — третьей. Большинство, как видим, торговало по свидетельствам второй гильдии, то есть вело оптовый и розничный торг, открывало фабрики и заводы и имело право на внешнюю торговлю.

Минусинск тогда был центром торговли округа, и торговый оборот составлял когда-то астрономическую цифру — 2 миллиона триста тысяч рублей (на 1894 год). В основном, продавали привозные товары: мануфактурные, бакалейные, галантерейные. Из местной продукции ценились хлеб и вина.

На этом общем купеческом фоне своим богатством и деловой хваткой выделялся купец 1 гильдии еврейского происхождения — Герш Мордухович Вильнер. Его имя и по сей день овеяно мифами и легендами.

Вильнер в документах

Даже по сухим цифрам, фактам и отчетам видно, что Герш Вильнер был личностью незаурядной. Вот один факт из его биографии — его предками были переселенцы, крестьянствовавшие в селе Лугавском. А ему удалось оставить это занятие и выбиться в люди. Что всегда было очень непросто.

Из архивной справки: «23 декабря 1849 года Лугавский старшина писал в Тесинское волостное правление, что детям проживающего из еврей крестьянина Гершки Вильнера Вормору — 8 лет и Мардофею 5 лет».

Последний был отцом Герша Вильнера, в дальнейшем знаменитого минусинского купца.

Как произошло перемещение в другой слой общества? По документам опять же, все очень просто. Подтверждение тому — в архивной справке: «3 декабря 1898 года податный инспектор Минусинского участка писал в Енисейскую казенную палату о Вильнере: «Вильнер со всем своим семейством причислен казенной палатой с начала 1896 года в Минусинское купечество и как потомок еврея-поселенца в Сибири до 15 мая 1837 года имеет

право на перечисление из крестьян в купеческое общество, а также имеет право на постоянное проживание в Минусинске и приобретение имущества». Старт был дан.

Чего же удалось достичь выходцу из села?

Из архивной справки: в 1908 году податный инспектор писал: «Герш и Моисей Мордуховичи Вильнер, ранее составившие одну компанию, в настоящее время ведут торговые операции отдельно. Оборот торговой лавки Герша Вильнер 150 тысяч рублей, а по скупке и перепродаже пушнины и сырья 100 тысяч. Торговля полуоптовая, дает не менее 12 тыс. руб. чистой прибыли. По пушнине работает с Лейпцигом, Лондоном, Нижним Новгородом. Самый известный и самый опытный скупщик в уезде. Принимая во внимание энергию, опытность и осторожность Вильнера и скромность его домашней жизни о кредитоспособности Вильнера можно дать благоприятный отзыв».

Без личных способностей, даже при удачном стечении обстоятельств, вряд ли бы удалось человеку достичь такого успеха в жизни.

О судьбе клана Вильнеров в документах нам ничего найти не удаюсь.

Из архивной справки: «В 1932 году Фадей Маркович Вильнер подавал жалобу в краевую комиссию о неправильном лишении его избирательных прав за торговлю. Жалоба была отклонена. О дальнейшей судьбе членов семьи Вильнер документов не обнаружено».

Вильнер в воспоминаниях

До начала девяностых годов прошлого века даже местные краеведы не знали, куда подевались следы родственников Вильнера, не говоря о нем самом. В начале девяностых годов прошлого столетия кое-кого из них удалось обнаружить... в соседнем Абакане. Интервью с одним из них — Яковом Исаевичем Вильнером (его дедушка и отец Герша были родными братьями) было напечатано в минусинской газете «Надежда» за 16 апреля 1994 года. Нам удалось пообщаться с корреспондентом, его бравшим — Натальей Алексеевной Калеменовой, ознакомиться с ее рабочими записями, однако найти героя ее публикации, увы, уже не удалось — по телефону нам сказали, что «Здесь такие не живут. Уехали в Красноярск. Нет, адреса не оставили».

Яков Исаевич родился в 1930 году, поэтому поведал о судьбе своего клана немного — как и во многих семьях советской страны, в их семье существовал запрет на воспоминания о купеческой родословной. Но и того, что знал он и еще один родственник достаточно, чтобы понять — на судьбе Вильнеров отразились все значительные события страны. Работал этот родственник купца в тресте «Абаканпромстрой» несколько десятков лет. Последние перед пенсией годы — в должности заместителя управляющего трестом. Как видим, многие Вильнеры в жизни благодаря своим личным качествам выбивались из рядовых работников на заметные должности. И вообще, пытаясь через поисковую систему Интернета найти что-нибудь о нашем известном земляке, мы натолкнулись на многих Вильнеров — скорее всего, однофамильцев. Хотя, возможно, и имеющих какое-то родство с минусинцами. Все они чего-то достигли в жизни — была здесь и хозяйка галереи, и руководитель крупного предприятия, и... Случайность или закономерность?

Яков Маркович смог рассказать корреспонденту только о том, что у его дедушки (которого он плохо помнил) было две дочери и пятеро сыновей. Один из них — его отец — Исай Яковлевич. Он занимался кожевенным делом. Работал в Абаканском потребительском обществе «Красная заря».

Но в начале девяностых жил в Абакане еще один родственник Вильнеров, с которым Исай Яковлевич в ту встречу познакомил корреспондента. Это двоюродный брат Якова Исаевича, Виктор Леонтьевич Лейзерович. Приемный сын купца. Когда-то братья на воспитание детей в купеческих семьях, даже многодетных, считалось обычным явлением. На ту пору (в 1994 году) Лейзеровичу было 79 лет. Его следов нам также найти не удалось. Возможно, его уже нет в живых. А у него даже сохранялись кое-какие старинные фотографии. Где они сейчас?

Лейзерович, кстати, смог сказать о том, почему Вильнеры когда-то попали в Сибирь, более конкретно, чем архивный документ: «Мне отец рассказывал, что вроде бы из Прибалтики когда-то сослали...»

О том, как и почему дела Герша Мордуховича резко начали идти в гору, Лейзерович вспоминал так: «Жена Герша Елена Ильинична (в русском варианте так произносилось ее имя) была вдовой, когда он женился на ней. Богатая, говорят, была женщина. Вот с этого и пошло в гору торговое дело Герша Мордуховича (в русском варианте — Григория Марковича). Он и до этого торговлей занимался, а потом всю развернул. Он организовал оптово-розничную торговлю, имел контракты с пятью иностранными фир-

мами — они ему товар поставляли. Григорий Маркович на свои деньги первую электростанцию в городе построил. И первое кино открыл — кинозал был рядом с домом Вильнера по улице Крестьянской (ныне Кравченко)».

О душевных качествах знаменитого родственника Виктор Леонтьевич отозвался так: «...Я его застал. Очень живой был человек, вежливый, воспитанный. Добрейшей души... Отец мой был беспризорником, когда Григорий Маркович его подобрал. Взял к себе сначала в услужение мальчиком. А потом выучил и сделал поверенным в торговых делах по Туве... Моя мама, Дина Яковлевна Вильнер, была двоюродной сестрой Григория Марковича. Братья были победнее его. Все их дети — и родных, и двоюродных братьев, жили у него в доме. Всех он кормил, обувал, воспитывал — никого не обидел. И жену его, Елену Ильиничну, я тоже хорошо помню — добрая была женщина».

То, что семья Вильнеров была очень многочисленной, нам удалось подтвердить документами.

Из архивной справки: «В 1906 году семья Вильнеров состояла из: Вильнер Герш Мордухович — 36 лет, жена Ленна-Элле — 34 года, сын Абрам — 13 лет, Исаак — 6 лет, Яков — 3 года, Ревекка 10 лет, Любовь — 5 лет.

Брат Моисей Мордухович — 41 год, жена Ривка — 33 года, сын Исай — 9 лет, Израиль — 7 лет, дочери Цинна — 14 лет, Рахиль — 12 лет, Сарра — 11 лет, Лея — 8 лет, Гите — 5 лет, Залман — 1 год.

Брат Файвуш Мордухович — 34 года, жена Дафина — 23 года, Ноххем — 5 лет, Мейлех — 3 года, Герш — 1 год».

Среди меценатских дел Вильнера была постоянная помощь минусинскому Добровольному Пожарному Обществу. Чему мы нашли подтверждение в архиве пожарных. Отметим только, что пожертвования были регулярными и очень значительными — и 50, и 150 рублей... В 1903 году Обществом изыскивались средства для постройки здания депо. И помимо устройства лотереи-аллегири они обратились для этого «ко всем известным своей благотворительностью лицам за содействием и помощью Пожарному обществу». Г.М.Вильнер пожертвовал 50 рублей. Чтобы понять много это или мало, обратимся к приписке тут же: «Н.Н.Семеновым и Е.К.Мартьяновой пожертвовано две лошади, от продажи которых поступило 20 рублей».

О том, где теперь остальные родственники, ответ Лейзеровича был: «Сразу, как только произошла революция, его сыновья уехали сначала в Америку, а потом в Израиль. Кто-то из братьев, по-моему, Моисей написал потом письмо моей двоюродной сестре Фаине... Письмо было на английском языке. Мейер Вильнер —

бывший генеральный секретарь компартии Израиля. В кругу родственников старшего поколения считают, что это и есть тот самый Моисей Вильнер — сын владельца дома. Все они внимательно следили за визитами этого человека в Советский Союз, когда его показывали по телевизору, пытаясь узнать в нем того самого Моисея. Примечательно, что секретарь израильской компартии хорошо говорил на русском языке. Как бы то ни было, утверждать, что Мейер Вильнер — сын минусинского Вильнера, пока нельзя, это еще надо уточнять...» Мы попытались проверить эту информацию, раздобыв в разных источниках биографию Мейера Вильнера. Но... Местом его рождения называются разные города, но городов СССР (и нашего Минусинска) конкретно среди них не было. Поэтому непонятно насколько можно доверять этому семейному преданию.

О судьбе самого купца Герша Мордуховича известно еще меньше. По словам Лейзеровича, «уезжать он не захотел, отказался. Сразу, когда в город вошел отряд Щетинкина, он сам, добровольно, отдал Советской власти свой магазин — он располагался на первом этаже. На втором жила до революции семья Вильнера. Кроме магазина с товаром, что там находился, Григорий Маркович отдал Советской власти еще два пуда золота. Все передал по документам (прим. авторов — их нам в архиве найти не удалось). Наверное, за то, что сделал он это добровольно, его и не трогали большевики. Потом, кажется, в 1923 году он уехал в Ленинград. Говорят, там вновь женился на женщине какой-то, она врач, вроде, была. А в войну, когда Ленинград был в блокаде, он умер от голода». Обилие неопределенных слов («кажется», «вроде» и т.п.) говорит о том, что истинная судьба Вильнера так и осталась загадкой, даже для его родных.

Экскурсия на... кладбище

А теперь перенесемся от центра Минусинска, где «все у всех на виду», к неприметной окраине, в район местной организации Энергосбыт.

Заброшенное еврейское кладбище... Июль месяц... Со стороны могильные плиты, густо заросшие травой, напоминают древние менгиры (которые часто встречаются у нас). Еще лет двадцать назад захоронения были в некотором удалении от города, но сегодня Минусинск расширился настолько, что они оказались почти зажатыми между дачами и домами, от которых их отделяет всего несколько десятков метров. Невдалеке — дорога, по которой то и дело снуют машины, автобусы и дачники.

О символах наших замолвите слово...

155

Самих могил уже не видно, хотя надписи на некоторых каменных плитах из песчаника (всего их осталось одиннадцать, одна — уроненная) сохранились отменно. Старожилы помнят, что еще в начале восьмидесятых могил было гораздо больше. Как мы ни старались, нам так и не удалось найти в густой траве даже следов имевшихся здесь когда-то захоронений XIX века и тридцатых годов двадцатого.

Надписи на памятных плитах двуязычные (в основном на идиш и на русском), так что мы без труда обнаружили захоронения членов рода Вильнеров — Марка Григорьевича, М. Фадеевича и Нахима Фадеевича. Возможно, здесь были похоронены и другие их родственники. Сегодня кладбище даже не огорожено, и на некоторых плитах виднеются следы краски, нанесенной вандалами, кое-где валяется мусор. Местные ребята повадились хоронить рядом с могилами своих умерших домашних животных, ставя им импровизированные памятники-камешки с намалеванными крестами и надписями. Все это производило жуткое впечатление на фоне полуденного зноя...

Заключение: «Скажи мне, в каком состоянии находится твой символ, и я скажу, кто ты!»

Завершая работу, мы вышли на улицы города и обратились к минусинцам разного возраста с одним вопросом: «Какой вы видите судьбу Дома Вильнера? Как сами готовы в ней поучаствовать?» Признаемся честно, ответы нас несколько ошеломили.

Катя Титенко, 17 лет: «Что мы можем сами сделать, раз администрация не хочет шевелиться? Ну, письмо давайте в мэрию напишем. Только от этого вряд ли что изменится... Думаю, что изменить с домом уже ничего не возможно. Слышала, что на реставрацию надо больше миллиона рублей. Главное, не допустить, чтобы такое же произошло с другими зданиями исторической части. А то, глядишь, наш ушлый народец весь город на стройматериалы растащит...»

Вера Сергеевна Иванчикова, 36 лет: «Снести его надо, чтобы глаза не мозолил, раз денег и сил не находится на восстановление. Если надо будет бумагу соответствующую подписать — я «за!».

Сердитый мужчина (не представился): «У нас куча проблем — зарплаты маленькие, печение ужасное, дороги раздолбанные, а вы — про какой-то дом писать собрались! Лучше бы поднимали общественное мнение на то, что действительно беспокоит минусинцев!»

Владимир Алексеевич, 74 года: «Дом надо во что бы то ни стало сохранить! Только ума не приложу, как это можно сделать. Прежде всего, надо ограничить в него доступ людей — чтобы за-

бить зияющие окна и двери и поставить соответствующую табличку, много денег не требуется. А потом... Я реалист. Можно начать собирать деньги у народа, раз их нет у власти. Если дом не разрушится к тому времени, как наберем хоть на какой-то ремонт, можно будет поздравить город...»

Как говорится, без комментариев. Но все эти «снести, чтобы глаза не мозолил» слышались нам как «снести свою историю, чтобы глаза не мозолила».

Со своей стороны, мы продолжим эту тему в газете — обычной и молодежном приложении, попытаемся организовать какие-то акции... Сделаем, что сможем, так как еще верим в то, что отдельные люди могут влиять на ход истории (и сохранение памяти о ней). Зачем нам это надо?

Конечно, мертвым (тому же Вильнеру) и «живым мертвым» (типа некоторых равнодушных жителей) это не нужно. Как ни банально это звучит, это нужно в первую очередь нам. Все же осталось немало людей, которые к чему-то стремятся, во что-то верят и всегда надеются на лучшее. А еще... Вы не задумывались, как будут спустя много лет воспринимать нас наши дети?

Примечания

¹ Из подборки публикаций о зданиях города в городской библиотеке.

СЛЕДЫ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ В ГОРОДЕ БОРИСОГЛЕБСКЕ

Алексей Евстратов

(ученик 11 класса средней школы № 5,
г. Борисоглебск Воронежской области
Научный руководитель *И.И. Иванников*)

Десятый год я хожу в школу мимо еврейского кладбища, не обращая внимания на его состояние и на то варварство и вандализм, какие происходят на нем почти круглосуточно. Более того, я и сам в детстве часто играл на нем в войнушку со сверстниками. Мы ловко приспособивали густые заросли сирени под засады, а каменные плиты — под дзоты и доты, а зимой — под каркасы для снежных баб...

И только три месяца назад я узнал, что все это время я ходил мимо кладбища, со слов моего руководителя, «в бессознательном состоянии»... Теперь хожу с чувством неловкости и стыда, и каждый раз на этом месте мне вспоминаются строки из романа Тургенева «Отцы и дети», которые нам читала со слезами на глазах на уроке учительница литературы: «Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России. Как и все наши кладбища, оно являет вид печальный: старые, окружавшие его канавы, давно заросли, серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашеными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто их сталкивает снизу; два-три ошипанных деревца едва дают скудную тень; овцы безвозбранно бродят по могилам...»

Наше кладбище выглядит еще ужаснее: сирень и клен густо заселили все могилы; железные ворота с ул. Пешкова так изогнуты и искромсаны, словно над ними неделю потел Шварцнегер; каменные памятники почти все свалены; надгробные плиты расколоты, на уцелевших — следы модного сегодня граффити; по всему кладбищу кучами валяется бытовой мусор, шприцы и т.д.

И возникают многочисленные «почему?»

Почему меня тогда во время игры никто не остановил и не выгнал взащей с этого святого для всех людей места?

Почему начальство не замечает этого варварства?

Почему наши евреи, а их около сотни, позволили такое отношение к последнему приюту людей их же национальности? Что, они тоже ходят «в бессознательном состоянии»?

К этим «почему» прибавляется еще куча «кто?»

Кто похоронен в этих могилах?

Кто отвечает за это кладбище?

Кто и когда его основал?

Всегда ли кладбище было в таком состоянии?

Откуда появилась эта национальность в городе?

Была ли в городе еврейская община и кто ее возглавлял?

Что для твоего родного города сделали люди, похороненные в этих могилах?

Ответить на эти вопросы — есть цель моей работы.

Следы еврейской общины

Если есть в городе кладбище и когда-то был молельный дом, значит, община была. Не устроилось бы все это по просьбе или за деньги одного еврея. Если Абрагам Сойер с многочисленным семейством в 1912 году смог уехать в Америку, — а это всегда стоило и сейчас стоит немалых денег, — значит, ему кто-то помог. А кто, кроме членов общины? местные купцы или дворяне? Это было бы фантастикой или анекдотом.

Судя по рассказу Н.А. Дундукова, еврейская община жила долго в нашем городе.

А когда же зародилась община? Очевидно, в конце XIX века, после того, как в город пришла железная дорога. Во всех источниках это время упоминается как время становления экономики, культуры, просвещения и медицины в городе. Только жаль, что документов нет никаких. И надежд на их существование нет тоже, особенно после встречи с директором музея Ю.А. Апальковым. Привожу дословно цитаты из интервью с ним:

«Вы очень смелый молодой человек! Я всегда приветствую любую поисковую работу по истории города, но вам помочь ничем не могу. Еврейская тема всю жизнь закрыта. Тут кропотливая работа опытного краеведа вряд ли даст какие результаты. Я более тридцати лет работаю с архивными материалами Тамбовской и Воронежской губерний, но официальных документов по этой теме не встречал. Персоналии, судя лишь по фамилиям, изредка встречались в отчетах городской думы и дворянского собрания... А на архивы время не тратить даром — ищите в учебных заведениях, на предприятиях, гимназиях, в больницах, старом военном городке... Идите, молодой человек, в народ...»

Одним словом, «утешил» меня Ю.А. Апальков. А еще больше поразил меня директор комбината благоустройств города М.В. Жданкин. Вот что он мне ответил на все вопросы о кладбище:

«В производственных планах нашего предприятия никогда не числилось еврейское кладбище, поэтому документов Вам дать никаких не могу. За его состояние отвечали те, кому оно принадлежало. Когда его закрыли — спросите нашего главного бухгалтера Марию Павловну — она у нас самый старый работник».

Мария Павловна была еще немногословнее:

«В 1975 году на одной из планерок горсовета сказали, что это кладбище нужно считать закрытым, и больше туда никого не пускать — пусть теперь все хоронят на новом городском кладбище».

И еще одна история, связанная с еврейским кладбищем, которую мне рассказал мой научный руководитель И. Иванников. Во время перестройки самый молодой кандидат в депутаты А. Водолазский, желая поднять свой рейтинг перед выборами и тем самым набрать себе побольше голосов, решил навести порядок на еврейском кладбище. Но почему-то он не пошел к местным евреям, а обратился за помощью к первому секретарю комсомола — наверное, понадеялся на помощь молодежи, которой у нас очень много. Но Ю. Титов его «послал»...

Сейчас Ю. Титов работает директором обувной фабрики, а Водолазский так в депутаты и не попал...

Вот такое у нас в городе отношение к другой национальности. А если бы в 30-х годах не отдали моельный дом под квартиру, то и община сохранилась, и кладбище было в надлежащем порядке, и семей порядочных было бы гораздо больше в нашем городе.

Интервью с «Евреем» Н.А. Дундуковым

Еще до работы над темой, в июне месяце, я ходил с ребятами из «Истоков» по городу — мы собирали старинные вещи, зарисовывали

вали домовую резьбу и записывали уличные прозвища. На улице Ленинской один из коренных жителей сказал, что в доме напротив живет один мужчина по фамилии Дундуков, имеющий кличку «Еврей».

Мы тогда посмеялись, и я не обратил своего внимания, а в октябре пришлось искать встречи с этим мужчиной. Удивительно, но Дундуков оказался русским, и сразу же пошел на контакт, пригласив меня назавтра на дежурство — он работает посменно в диспетчером. Николай Александрович оказался самым активным и ценным информатором в моей работе. Привожу сокращенное интервью с ним (дословно).

Автор. Николай Александрович, я ищу следы еврейской общины в Борисоглебске, не можете ли Вы мне в поиске? Извините, но у меня к Вам очень щекотливый вопрос по поводу Вашего уличного прозвища. Не обидное ли оно для Вас?

Дундуков. Об обиде и разговору нет. В свое время я, как и мои старшие братья, гордился своей кличкой...

Автор. Николай Александрович, а откуда пошло Ваше прозвище?

Дундуков. Я родился и вырос на еврейском кладбище и прожил на нем до 1979 года. Я туда и жену свою привел из ЗАГСа, и дочка там родилась.

Автор. А где именно Вы жили — на углу Пешкова или в переулке Крестьянском?

Дундуков. Да причем тут переулок?! Я прямо на кладбище жил! Там их молельный дом стоял, в нем мы и жили с тридцатых годов, когда горсовет нас туда вселил как многодетную семью.

Автор. Николай Александрович, а почему Вы гордились своим прозвищем?

Дундуков. Я не один гордился, старшие братья тоже все эту кличку носили. Как сейчас говорят, мы тогда были «крутыми» — мы здорово дрались. Нас в городе побаивались. А дрались мы за кладбище, потому что вся семья с него харчевалась. Я с братьями ловил щеглов, которые обжили кладбищенскую голубую сирень. Мы их учили петь, делали под руководством отца клетки и продавали на базаре. Жили мы очень бедно: мама не работала, а отец был инвалидом. Наши щеглы были в цене: они намного громче и красивше пели, чем с городского кладбища или с Зеленстроя. Да вдобавок они особенные были, наши щеглы — они никогда не пели на жердочке, а всегда слетали на пол, на камушек — обломок могильной плиты — и наслаждались... Они и на ветках никогда не пели — всегда садились на памятник, поэтому их легче было поймать. Многие ребята завидовали и пытались воровать наших

щеглов, но мы к кладбищу не подпускали никого и часто дрались, а в город всегда ходили скопом...

Автор. Николай Александрович, что Вы можете сказать про еврейскую общину? Была ли она в городе? Кто ее возглавлял в эти годы?

Дундуков. Про общину ничего твердо сказать не могу. Наверное, была. Я часто видел похороны, собиралось до десяти человек и руководил всеми главврач кожвендиспансера Фердинанд. Потом они читали молитвы в котухе, в коридоре нашего дома, там еще лопаты стояли...

За этот котух Фердинанд каждый месяц маме деньги приносил. Нам часто приносили еду, особенно по праздникам. Опельбаумы приносили и другие. Раз два дядя Володя Ясман приносил, и все время ночью — наверное, побаивался — он же в горкоме работал... Так что мы частенько пировали — жили-то впроголодь...

Еще помню, как я подглядывал и подслушивал, когда они собирались, переодевались во все черное и в шапочки и молились на своем языке. Я, конечно, ни бум-бум в этих молитвах, но было жутко интересно.

Часто жена Опельбаума приходила — сухая такая горбоносая старушка, и все просила маму и нас, чтобы белье не вешали над могилами и не спускали Любку с прикола — коза у нас одно время дойная была.

Автор. А что еще интересного, на Ваш взгляд, было связано с кладбищем?

Дундуков. Да много чего было — жизнь там прошла... Целый год у меня нянькой была еврейская девочка Розка. Это мне мама рассказывала. В голодном 47-м (мне уже второй год шел) на кладбище пришла старая оборванная еврейка с семилетней рахитной девочкой. Беженка с Украины, еще с войны... А пришла она на кладбище умирать — к своим. Девочка ей чужая была совсем. Еврейка на третий день умерла. Ее тоже Фердинанд хоронил. Ее могила в четвертом ряду, где плиты на еврейском языке надписаны... А Розка у нас почти год жила, а потом жила у многих наших евреев — они ее в детдом так и не отдали.

Она, кажется, и замуж не выходила. После ПТУ ее какой-то офицер пригреб... Последнее время она техничкой работала в Доме офицеров...

Автор. Николай Александрович, а Вы потом с Розой общались?

Дундуков. Нет. Она какая-то нелюдимая была, как кошка дикая. Так, здоровались иногда при встрече... Хотел денег взять на опохмелку, да поглядел, как живут — плюнул, ссыпал около двора и уехал. .. Не жирно жили.

Мы больше всего с Фердинандом общались. Он нас никогда не забывал. Отца лечил, уколы делал, когда он совсем слег, записки и рецепты писал Нарольскому в аптеку, а я за лекарствами бегал. А самого Фердинанда похоронили на городском кладбище. Хоронил его Резак — начальник авиаремзавода. Я с женой, детьми и двумя братанами тоже на похоронах был — грех было не пойти. Я как-то заходил на родное место — тихий ужас... От дома один фундамент остался, а на могилах...

Автор. Спасибо за помощь. Вы очень помогли поиску. Возьмите фотографии на память о кладбище.

Талант, рожденный в Борисоглебске

В начале XX века в городе жила еврейская семья Сойеров, в которой было два брата: Рафаэль и Мозес. Близнецы родились 25 декабря 1909 года. Во время очередного еврейского погрома в 1912 году семья Сойеров бежит за границу из «гостеприимной царской России». В 1915 году Сойеры попадают в США. Жизнь там медом не казалась, но все же Рафаэль с 1914 года по 1917 год обучается с братом в частной художественной школе в Нью-Йорке. Какой ценой обошлось родителям это обучение, остается только догадываться. Далее история брата Мозеса в художественном изобразительном искусстве на этом обрывается, а вот Рафаэль с 1918 по 1922 год обучается искусству художника в американской академии искусств у педагога-художника Ги Пэна дю Буа.

Далее биография Рафаэля Сойера как две капли воды похожа на биографию любого эмигранта всех времен и народов: разносчик газет, почты, уборщик и мойщик посуды в ресторане, рабочий на фабриках и заводах.

Но в 1929 году двадцатилетний художник становится одним из учредителей «Клуба Джона Рида». В этом же году Сойер проводит свою первую персональную выставку сперва в клубе, а потом в картинной галерее в Нью-Йорке.

С 1922 года выставки становятся ежегодными. Рафаэль Сойер — художник-реалист. Его картины отображали сцены из жизни американских городских окраин и рабочих кварталов. Но с сороковых годов Р.Сойер отходит от острой социальной тематики, он пишет множество портретов своего окружения, членов еврейской общины и глубокие психологические сцены из американской жизни.

С 1961 года Рафаэль много путешествует и выпускает не одну книгу со своим видением мира, со своими рисунками.

Умер Рафаэль Соьер в 1987 году в Нью-Йорке. Его картины представлены в музее Метрополитен в США. А могли быть представлены и в Москве, и в Санкт-Петербурге рядом с картинами Рябушкина и Куприна, но борисоглебцы ограбили сами себя в начале века.

«Последние из могикан»

Самой крупной фигурой среди борисоглебских евреев был Р.М. Фердинанд. Судя по рассказам многих информаторов, он возглавлял еврейскую общину, хотя документов никаких нет.

Рафаил Маркович родился 1896 году, место рождения неизвестно. На фото 1920 года он запечатлен с коллективом городской больницы — будущая больница им. Семашко.

Р.М. Фердинанд был направлен к нам на работу после окончания московского мединститута, приехал он вместе с женой Региной Борисовной. Согласно фотографиям и документам борисоглебского кожно-венеро-диспансера, Фердинанд работал в первой городской лечебнице, а затем с 1929 года создал на ее базе кожно-венеро-логический диспансер и возглавил его. Работал беспрерывно главврачом до самой смерти.

Как и у многих, в годы войны (1942–1944) у него был перерыв в гражданской службе. Р.М. Фердинанд с начала войны курировал в городе шесть госпиталей, а в 1942 году был призван на фронт и служил на должности начальника госпиталя на разных фронтах.

В 1965 году Фердинанд похоронил свою жену на еврейском кладбище. Помогал ему в похоронах его друг И.А. Резак.

В 1967 году Рафаил Маркович умер на рабочем месте, сидя над отчетом в облздравотдел. Похоронили его на городском кладбище со всеми почестями. Организатором похорон был тот же Резак.

Вот что писал о работе главврача кожно-венеро-диспансера (газета «Строитель коммунизма», 20 июня 1959 г.) журналист Ю.Л. Иориш:

«Много труда вложил Р.М. Фердинанд в создание межрайонного кожно-венеро-диспансера. Из городской лечебницы постройки 1876 года он создал образцовое лечебное учреждение этого типа во всей воронежской области. Оборудовал уникальную лабораторию, с помощью коллектива благоустроил прилегающий пустырь под зону отдыха больных и посетителей, разбил цветочные клумбы. Особой гордостью работников диспансера является теплица, дающая столу больных обилие витаминов круглый год».

И как перекликается еще одна статья «Борисоглебского листка» 1914 года еще об одном еврее-враче:

«Цифра 40–50 тысяч амбулаторных больных, принимаемых ежегодно Н.Н. Масловским и М.Ц. Брумбергом, свидетельствует о той громадной работе, которая падает на земских врачей, в то же время эта цифра может дать и косвенное представление о тесноте, которая царит в маленьких, убогих по обстановке ожидальне, кабинетах врачей и амбулатории».

Отсюда вывод: именно евреи стояли у истоков становления борисоглебской медицины в конце XIX и начале XX века.

Другой яркой личностью в городе был И.А. Резак, советский офицер. Исаак Абрамович родился на Украине, там окончил среднюю школу. В 1941 году без экзаменов поступил в Ленинградскую военно-воздушную академию на инженерный факультет. По окончании академии служил на авиаремзаводах Йошкар-Олы, Дальнего Востока.

В 1945 году в г. Комсомольске женился на чертежнице Лие Наумовне Букингольц, а через год родился сын Юрий, а в 1947 году — дочь Софья.

В 1965 году полковник Резак прибыл в Борисоглебск и служил начальником авиаремзавода до выхода на пенсию.

Исаак Абрамович стал искать контакты среди евреев города и подружился с Р.М.Фердинандом. Очевидно, оба они пытались возродить еврейскую общину, но их попытки не увенчались успехом.

В 1973 году И.А. Резак ушел в отставку, но продолжал работать на разных должностях на предприятиях города. Умер он в 1989 году. Сейчас в городе живут его жена Лия Наумовна, сын Юрий и дочь Софья. К сожалению И.А. Резак не передал своим детям свои знания родного языка, молитв и обрядов. У Ю. Резака есть сын Ростислав, а у его сестры — сын Марк, который в настоящее время живет и учится в Израиле.

Это первый факт в борисоглебской еврейской семье, когда россиянин по собственному желанию и без всяких препятствий выехал на жительство за границу и свободно приезжает на каникулы, как мы к бабушке в деревню.

Лия Наумовна при всех встречах с ней постоянно подчеркивала с гордостью: «Наша семья — приличная семья. И у многих евреев в нашем старом авиагородке тоже приличные семьи: у Шоммеров, у Гасулей, у Заславских».

Почти все евреи живут этой заботой, поэтому у них нет разводов! В этом, видимо, сказывается менталитет, традиции нации и, возможно, родовые заветы.

Этот многострадальный Корман

Борис Осипович Корман родился 15 апреля 1922 года в г.Речица Гомельской области Белоруссии в семье служащего. В 1939 году поступил на факультет русского языка и литературы Гомельского педагогического института, но в 1941 году начавшаяся война прервала учебу. Позади были два курса. Семья оказалась в г.Коканде (Средняя Азия). В армию Бориса Осиповича не взяли из-за очень плохого зрения, и он стал работать табельщиком на строительстве сахарного завода, где грудился по 12–14 часов.

В 1942 году Корман отправил письмо и зачетную книжку в Ленинградский педагогический институт, и скоро ему сообщили, что он будет зачислен на третий курс.

В это время умирает мать Бориса Осиповича, и ему приходится нелегко. Он подрабатывает то в школе учителем немецкого языка, то в сельскохозяйственном институте преподавателем русского языка и литературы.

Очень рано, уже в 29 лет, Борис Осипович стал заведовать кафедрой, но ректор института не захотел оставить его на кафедре при распределении. Корман с женой вынужден был уехать в Коканд, где устроился учителем в школу.

Борис Осипович сдал 2 кандидатских экзамена в Сталинабадском педагогическом институте и был принят на должность старшего преподавателя кафедры литературы и при этом — в аспирантуру.

В 1947 году на заседании кафедры обсуждался доклад одного из преподавателей, который был построен исключительно на цитатах из работ Маркса и Энгельса. Одна из преподавательниц выступила с критикой доклада. Борис Осипович был с ней согласен. Его обвинили в космополитизме. В 1949 году Кормана сняли с работы, и в 1950 году он с женой переезжает в Борисоглебск.

Годы работы в г. Борисоглебске можно назвать самыми лучшими и спокойными в жизни Бориса Осиповича. До конца 1971 года Корман работал в Борисоглебском педагогическом институте. Первые пять лет он боялся: вдруг кто-то из Сталинабада узнает, где он, и пришлет донос (о том, что Борис Осипович — космополит). В последствии выяснилось, что донос все-таки пришел, но, к чести ректора Константинова Евгения Викторовича, он не дал ему хода.

В 1952 году, когда политическая реакция и, соответственно, антисемитизм были очень сильны, из Воронежа (областной центр) в Борисоглебск была приглашена авторитетная комиссия для проверки работы института. Сноровистые в таких делах чле-

ны комиссии мгновенно выудили из списка сотрудников института фамилию «Корман» и пригласили его на заседание в кабинет ректора. Когда Борис Осипович вошел и поздоровался, «главный», не приглашая его сесть, задал вопрос: «Расскажите, Корман, о Вашей теории притеснения студентов». В руках он держал протокол заседания Совета, где было выступление Бориса Осиповича, в котором он говорил о необходимости усилить требования к студентам.

И тут произошло совершенно непредвиденное событие: ректор, а вслед за ним и остальное институтское начальство, поддержали Бориса Осиповича и буквально вырвали его из зубов комиссии.

В 1965 году Борис Осипович получил докторскую степень, а в 1967 году — профессорское звание.

В Борисоглебске Корман написал значительную часть своих научных трудов, здесь он фактически создал кафедру и научную школу, организовал систематический выпуск «Ученых записок».

Круг научных интересов Б.О. Кормана весьма обширен, но можно выделить две темы: теория «автора» в художественном произведении и история русской лирики XX века, которые органично слились в его докторской диссертации: в книге «Лирика Н.А. Некрасова» (Воронеж, 1964).

И жизненные обстоятельства, и служебное положение — все складывалось вполне благополучно. Но Б.О. Корман принял решение переехать из Борисоглебска в университетский город.

Из воспоминаний Н.В. Фоминых, проректора ВГПИ, бывшей ученицы Б.О. Кормана:

«После отъезда Бориса Осиповича изменилась даже атмосфера и на факультете, и на кафедре, резко снизилась дисциплина студентов, как в обучении, так и в поведении. Для института это была огромная потеря... После Кормана мы довольствуемся лишь тем, что к нам изредка с лекциями наезжает из ВГУ И.А. Стернин, профессор Ласунский — такие же умницы, как и Борис Осипович. И после их отъезда на факультете и на кафедре преподаватели долго предаются ностальгическим воспоминаниям о 60-х, о Кормане, о его жене Эмилии Наумовне».

Выбор Бориса Осиповича пал на Ижевск, где на базе педагогического института создавался новый университет. Осенью 1971 года Корман был избран на должность заведующего кафедрой русской и советской литературы Удмуртского государственного университета.

Здесь Корман в 1978 году написал книгу «Практикум по изучению художественного произведения. Лирическая система», которой до сих пор пользуются преподаватели и студенты России и многих зарубежных стран.

2 марта 1983 года инфаркт оборвал жизнь Бориса Осиповича Кормана, известного литературоведа и педагога. Но и за отпущенный судьбой срок ученый сделал немало, так что его имя останется не только в памяти имевших счастье знать его лично, но и в науке, в литературе.

Жена Б.О. Кормана — Эмилия Наумовна — после смерти мужа уехала в США. Сын — Илья Борисович — остался в России. После окончания Борисоглебской средней школы №3 учился в Воронежском университете, затем работал во многих высших учебных заведениях. Сейчас Илья Борисович — профессор одного из университетов г. Ростова-на-Дону.

Из воспоминаний одноклассника профессионального поэта Игоря Лукьянова:

«С Илюшкой я учился с первого по седьмой класс. Один год мы даже сидели за одной партой. Он был в классе заметной фигурой, но не только как отличник. Высокий, массивный, как медведь, добродушный, мягкий, отзывчивый, внимательный, как его отец».

Из воспоминаний однокурсника по Воронежскому университету Ю.И.Резака:

«Илья Борисович поражал меня и однокурсников своей работоспособностью, феноменальной памятью. Избегал студенческих пирушек. После окончания университета его оставили на кафедре, а я вернулся в Борисоглебск достраивать развитой социализм».

Семья Фонштейнов в Борисоглебске

Фонштейн Сергей Александрович (1935—1993) приехал с матерью (после смерти отца) в Борисоглебск в 1954 году. Служил в армии, работал на разных предприятиях города. В 1962 году окончил дорожный техникум, работал дорожным мастером, заочно учился в Воронежском инженерно-строительном институте. С 1965 года работал преподавателем дорожного техникума и завучем. На его долю пришлось много работ, трудов и ночей бессонных (вместе с директором) по строительству нового типового комплекса современного техникума. Из воспоминаний дочери:

«Папе можно было бы этими делами и не заниматься, но такой уж у него характер был беспокойный — до всего ему было дело... Он года полтора из Москвы не вылезал только с одним проектом. А сколько было забот с лабораториями, техникой — не описать!»

С.А. Фонштейн награжден медалями «Ветеран труда», «Почетный дорожник» и многочисленными дипломами и грамотами. Судя по биографии С.А. Фонштейна и по наградам, можно сказать, что он обычный советский человек.

Об этом же говорит и один факт из его родословной, о котором мне рассказала дочь Екатерина Сергеевна — инспектор налоговой инспекции:

«Дедушка Саша был военным, служил в Москве. В 1930 году его арестовали и вместе с бабушкой выслали в Чувашское село, где папа и родился. Больше я ничего о них не знаю...»

Земфира Михайловна Фонштейн (Козловская), дочь служащих из Беларуси — бухгалтера Михаила Ефимовича и экономиста Марии Бонифатьевны, после окончания Московского финансового института была направлена в Борисоглебск в городской финотдел. С 1956 года работала в финансовом отделе Горисполкома экономистом, начальником налоговой инспекции, главным налоговым ревизором. В 1962 году вступила в брак с С.А. Фонштейном. В 1972 году родилась дочь Катя.

З.М. Фонштейн зорко стояла на страже городских финансов. Как ее только ни называли в заинтересованных кругах! «Неподкупная Земфира», «Штирлиц», «Железная леди». Все информаторы рассказывали о том, какой крутой характер имела Земфира Михайловна, но все также восхищались ее компетентностью и вопросах финансов и экономики города, ее честностью, порядочностью.

В 1997 году З.М. Фонштейн оформила пенсию, но продолжала работать. Через год умерла прямо на рабочем месте — инфаркт. Рассказывает Л.А. Горячева:

«У всей администрации шок был. Она же здоровая была, как лошадь, и тут — на тебе! Это ее новая двойная бухгалтерия доконала, особенно представители мелкого и крупного бизнеса... А на ее похороны почти все бухгалтера и экономисты города пришли — около тысячи человек у «Белого дома» собралось...»

Информатор моя немного слукавила: не только бизнесмены стали косвенными виновниками ее смерти, но и администрация тоже. Не первый год о разных делишках чиновников ходят целые легенды.

Театр одного актера

Михаил Ефимович Штраймель, родился 5 мая 1922 г. на Украине. В 1940 году закончил среднюю школу и поступил в Одесское

пехотное училище, но закончил только первый курс: с 1941 по 1944 год воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Был и командиром взвода курсантов, командиром пулеметной роты и командиром взвода разведки. М.Е. Штраймель освобождал Ленинград. У него много боевых наград.

Во время войны из всей семьи Штраймелей он уцелел один: отец умер от ран в 1944 году, мать погибла при бомбежке, два брата сложили свои головы в партизанах.

На войне М.Е. Штраймель влюбился в радистку Машу Пентюхину (родом из Борисоглебска), а свадьбу сыграли в окопах на передовой. После ранения в 1944 году Михаил Ефимович повез свою жену в родное село на Украину, но села не оказалось: немцы сожгли его дотла, и они приехали в Борисоглебск.

В нашем городе М.Е. Штраймель работал военруком в школе (его воинское звание — старший лейтенант), мастером литейного цеха, но после курсов с 1952 года он работает продавцом в магазине «Семена».

У М.Е. Штраймеля была большая семья, но с 1978 года она пошла на убыль: погиб на флоте сын «при исполнении», в 1999 году в Москве в аварии погибла дочь Татьяна, а через месяц умерла жена...

Осталось у него две дочери: Наталья — учительница и Ася — предприниматель. Еще четыре внука и два правнука. Жизненный путь Михаила Ефимовича сложный и трудный, но он не сломался. Веселее, интереснее и известнее человека нет в городе, чем он. Все его зовут дядей Мишей или Мишей.

Для меня дядя Миша — самый интересный человек из всех, кого я встречал и жизни и во время поиска. Еще до знакомства с ним я приходил в магазин и смотрел, как он работает. Он никогда не замолкает, даже во время подсчета сдачи покупателю, у него в минуту вылетает комплимент за комплиментом старушкам и девушкам, шулки, прибаутки, способы посадки, хранения, проращивания семян сыплются из него, как из рога изобилия. И все это он делает с таким выражением на лице — просто артист!

А при встрече у него дома Михаил Ефимович меня поразил: он убежденный коммунист — до сих пор является членом КПРФ! Я не могу даже описать, с какой гордостью он мне показывал диплом об окончании Высшей партийной школы, который он мне не дал даже подержать, не говоря уж о ксерокопии! Когда я его спросил об отношении к современной жизни города и России, он так возмущался «всем этим бардаком в стране», что дело дошло до таблеток...

Вот такой веселый, интересный и по-прежнему весь советский дядя Миша живет в нашем городе. По фамилии Штраймель, а в паспорте «украинец».

«Новичок» в классе

Илья Моисеевич Брик приехал в Борисоглебск в конце семидесятых после окончания Московского института и до сих пор работает на физмате Борисоглебского педагогического института. Человек одаренный: геометр, физик, математик, программист. Увлекается литературой, зарубежным и отечественным кино — ведет двенадцатый год кинолекторий в кинотеатре «Победа».

У И.М. Брика много научных работ в разных областях, но звания ученого он не имеет — жизнь так сложилась... Брик родом из Коломны, отец еврей, а мать русская, которую он недавно похоронил. А еще на его плечах семья, где он отменный повар и кулинар, дача и многолетние скитания по квартирам — только восемь лет назад он получил благоустроенную квартиру.

Судьба Брика очень похожа на судьбы многих советских евреев. Правда, на него не было таких гонений, как на Кормана, но в институте на кафедре его почему-то не оставили, а когда он участвовал в областном конкурсе методических разработок как педагог дополнительного образования (он ведет кружок программирования Станции юных туристов на базе пединститута с 1985 года), его блестящая работа по программированию не удостоилась даже упоминания...

И.М. Брик долго жил холостяком, но в 1980 году влюбился в студентку-отличницу с факультета начального образования Татьяну Викторовну Кузнецову, родом из Саратовской области. В 1985 году у них была свадьба, в 1986 году родился сын Евгений — мой одноклассник. Женька учится со мной с первого класса и фамилия была у него Кузнецов.

1 сентября 1996 года наша классная руководительница на первом уроке с улыбкой представила новичка: «Знакомьтесь, ребята, — у нас новичок — Брик Евгений!»

Смеху было! И я смеялся, но теперь точно знаю, что Илье Моисеевичу всю жизнь было не до смеха из-за его фамилии, как и Корману...

А И.М. Брик, как и Корман, очень требователен к студентам, но эти требования расцениваются как обычные придирки. Мне мой сосед-первокурсник с физмата рассказывал, что у них в лаборатории на столе была надпись ручкой: «Лучше задом сесть на пику, чем сдавать экзамен Брику!» Очень красноречивый стишок, но, на мой взгляд, больше говорящий о самом авторе, а не об учителе...

«Свой среди чужих, чужой среди своих»

Представители рода Ясманов появились в нашем городе в начале XX века. По информации Ю.А. Апалькова, в 1914 году петроградский купец Бакинов купил в городе у фабриканта Линке его колбасную фабрику. Вместе с купцом приехало и семейство Ясманов, и его члены работали на этой фабрике. Вероятно, после революции, когда мясоконсервная фабрика стала государственной, глава семьи Борис Ясман оказался не у дел и занялся скорняжным промыслом на дому — стал шить меховые шапки и продавать их на базаре. Отсюда вывод, что на самой фабрике он не работал, а, скорее всего, в одном из цехов на бойне, где снимались шкуры с убитых животных и потом обрабатывались и шли в скорняжный цех. (Этот воняющий на весь город цех работает до сих пор и расположен на старом месте через улицу напротив бойни).

Сын Владимир родился в 1932 году и был третьим и последним ребенком в семье. В 1949 году Володя закончил мужскую гимназию и потом служил в армии. После службы Владимир Борисович работал инструктором горкома комсомола, потом внеклассным организатором в СПТУ №7 и перед пенсией десять лет работал директором кинопроката.

Владимир Ясман, по словам многих информаторов, личность в городе была знаменитая, и о том, что он еврей, кое-кто вспоминал, когда в первый раз слышал его фамилию. Это был совсем обрусевший рубаха-парень, до сорока с лишним лет он не сходил с самодеятельной сцены. И не только с баяном, как написала его сноха, а больше с гармошкой местного производства. Эти гармошки он же и настраивал и нерабочее время по приглашению мастера цеха, потому что имел абсолютный музыкальный слух. А на гармошке он творил чудеса и за них на конкурсах имел множество грамот.

Владимир Борисович совсем не заботился, как другие евреи, о порядочности семьи, а больше о карьере. Он мог выпить с любым человеком и в разных местах. Например, во дворе, и потом от души петь под гармошку песни и даже матерные частушки.

Но какие бы легенды про него ни ходили в городе, все же связь с представителями своей нации он не прерывал так окончательно, как сейчас это делают другие. Судя по фактам, можно предположить, что Владимир Борисович находился некоторое время меж двух огней: с одной стороны — карьера советского чиновника, с другой стороны — хоть и редкое и тайное, выполнение поручений Р.М. Фердинанда, например, оплата за «котух» семье Дундуковых...

В.Б. Ясман умер, но остался в городе его сын Александр Владимирович Ясман. Имеет двух детей и фирму «СВЛ. ИНВЕСТПРОМ». Торгует нефтепродуктами, а был директором вечерней школы.

* * *

Мой краеведческий поиск был осложнен отказом предоставить информацию, документы и т.д. Многие интересные личности совсем не пошли на контакт, другие с удовольствием говорили, но только не о себе. Я долго не мог понять — в чем дело? В моей несолидности? В неумении общаться? Но ведь получалось же у меня с другими!

Только к концу работы я понял причины отказов. Это — закрытость темы (даже у чиновников администрации!); извечный страх евреев перед антисемитизмом (и не только в эпоху социализма), который, по словам моего руководителя, уже переходит из поколения в поколение. Именно отсюда и появляется запись в паспорте у еврея «русский», «украинец». Приведу несколько «причин» отказов, они о многом говорят. «Я не еврей, я — украинец»; «Семейный архив — дело сугубо личное»; «Я очень занят, извините, молодой человек»; «Я не хочу говорить на эту тему»; «Я старый и больной человек и прошу вас меня не беспокоить» (это очень часто и, в основном, через дверь).

К сожалению, я так и не смог ответить на все вопросы, поставленные в начале работы, но я все же доволен даже тем, что хоть немного приоткрыл наглухо запечатанную еврейскую тему в нашем городе. Теперь моя работа останется в банке данных межшкольного объединения «Истоки» городской станции юных техников, которым пользуются десятки школьников. Я знаю, что это только начало большой работы. Очень много нужно сделать по этой теме. Я даже план наметил:

1. Найти следы Брумберга и других евреев-врачей, стоявших у истоков борисоглебской медицины.
2. Найти следы учителей четырех городских гимназий.
3. Связаться с сыном Кормана для будущей работы на тему «Человек и малая родина».
4. Попытаться перевести с идиша надписи на могильных плитах.
5. Ближе к Пасхе подготовить с руководителем статью в местную газету с фотографиями с кладбища и с моими безответными вопросами.

Одноклассники мне говорят, что это мне теперь не нужно, потому что я в этом году выпускаюсь из школы, родители того же

мнения, но я с ними не согласен. Мне теперь это очень нужно. Чтобы не было так стыдно и обидно и за себя, и за горожан, и за тех евреев, что живут в моем городе, а некоторые родились в нем.

В заключение я хочу рассказать о своей работе с руководителем.

Иван Иванович посоветовал взять мне эту тему с самого начала. Потом мы вместе ходили на кладбище, фотографировали могилы, он учил меня составлять план и искать следы и признаки утраченных захоронений. Мы вместе составляли план работы, придумывали названия главам, разрабатывали вопросы для интервью. Он давал мне советы, к кому следует обращаться, какие книги читать, как читать трудовые книжки и другие документы и по ним составлять биографию человека. По совету руководителя я ходил, как в театр, в магазин «Семена», послушать и посмотреть во время работы на М.Е. Штраймеля перед тем, как взять у него интервью.

Я очень многое узнал, благодаря руководителю, а главное, я теперь хожу по городу почти в «сознательном состоянии».

БОРИСОГЛЕБСК — СПАСИТЕЛЬНАЯ ПРИСТАНЬ

*Иван Пажитнов, Павел Рябушкин,
Светлана Сергеева*

*(ученики 11 класса школы № 5 и школы № 4,
г. Борисоглебск Воронежской области
Научный руководитель И.И. Иванников)*

После ознакомления с работой А. Евстратова и интервью с ним в журнале «Лехаим» мы поняли, что Ивану Пажитнову (восприимчиву темы) одному не справиться, и мы решили работать всем обществом. Но уже в октябре многие «сошли с дистанции». Сыграли роль трудности поиска, специфичность и бесперспективность темы (ее не представишь для защиты ни на районной, ни на областной краеведческой конференции, а только на вашем конкурсе).

Светлана Сергеева, помимо общей работы, фотографировала все объекты в городе и на кладбищах, ксерокопировала и сканировала архивные документы и фотографии.

Наш руководитель Иван Иванович Иванников дал нам адреса и телефоны информаторов, договаривался о нашей встрече с ними, организовывал встречи на Станции юных туристов. Мы вместе с Иваном Ивановичем учились писать письма в Казань С. Руссу, в Израиль И. Корману, в Орел С. Вайсберг — дочери репрессированного историка И. Вайсберга.

Мы благодарны Алексею Евстратову за предоставленную нам работу «Следы еврейской общины в Борисоглебске» и выражаем огромную благодарность организаторам конкурса за подарок: диктофоны и фотоаппарат — они нам очень помогли в работе!

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона в статье «Борисоглебск» (т. 4, с. 827) мы читаем:

«...по переписи 1897 г. жит. свыше 30 тыс., евреев 378, из коих 354 жили в гор. Борисоглебске. Имеется молельня, возникшая в 1865 г. с разрешения местной власти; в 1897 г. по доносу была закрыта, но в том же году открыта с ведома министра внутренних дел на началах, установленных для петербургской синагоги; в первые годы молились по ашкеназскому ритуалу, позже по сефардскому. На кладбище первые могилы относятся к 1845—1850 гг., однако старожилы помнят несколько более ранних могил...»

Как же появились первые евреи в Борисоглебске?

Первый путь — это войны в России, которые начинались всегда с Запада, где и проживали евреи. Вполне возможно, что первые евреи, попавшие в Борисоглебск, бежали от Наполеона вглубь России из Польши, как это произошло в 1915 и в 1941 годах.

Второй путь связан с торговлей. Наш город торгово-купеческий изстари. Торговали наши купцы по водному пути вплоть до Средиземного моря, а через Царицын (Волгоград) по Волге до Астрахани к Средней Азии. Именно с купцами могли прибыть и обосноваться в конце XVIII века в Борисоглебске первые евреи, а отсюда и первые захоронения на кладбище в первой половине XIX века.

И, наконец, третий путь. Первую «заботу» о евреях в России проявила Екатерина II, проведя на карте империи черту оседлости. Мы знаем, что пересечь черту оседлости было сложно, кроме как во времена войн. Но в любые времена любому государству всегда нужны были талантливые, грамотные, инициативные, преданные и честные люди. Нужны были такие люди и России, поэтому приток евреев из-за черты оседлости в империю был вполне естественен.

Еще нам хотелось бы выяснить не менее существенный вопрос: почему евреям приглянулся именно Борисоглебск? Только ли из-за того, что в глубинке легче отсидеться от войн и погромов? Почему тогда не в Новохоперске, не в Урюпинске или в других городах в бассейне рек Хопер и Медведица?

Кажется, мы нашли ответ на эти вопросы. Борисоглебск, со дня его основания, город православный (на начало XX века в городе было 15 церквей), а, значит, население было верующим, то есть

терпимым и милосердным, спокойно относилось к иной нации и иной вере. Урюпинск же был казачьей станицей, и Новохоперск с первых лет его основания имел в своем составе поселок Казачья гора (до сих пор есть район Казачка). И всем известна нетерпимость казаков не только к евреям, а к иногородним вообще. Например, в Новохоперске в 1870-е годы жил всего лишь один еврей — аптекарь Казимир Гutowский, выходец из Польши, а его брат Роман Гutowский работал в Ростовской Филармонии артистом-чтецом. А вот в Балашове, стоявшем выше по течению Хопра за 90 км от Борисоглебска, евреев проживало в 1910 году 176 человек¹.

С началом развития капитализма в России и, в частности, с приходом железной дороги в Борисоглебск (1869 г.) появилась возможность найти рабочие места всем национальностям. Город стал стремительно развиваться.

В 1865 году была открыта синагога. В 1898 году возникла хевра кадиша — погребальное общество. В 1907 году открылось благотворительное легальное погребальное общество, выдающее беспроцентные ссуды на устройство могил и обряды. В 1909 году работал кружок «Сестер милосердия».

К сентябрю 1915 года в Борисоглебск прибыло 1020 евреев-беженцев: скорняки, кожевики, портные, жестянщики, сапожники, зубные техники и др.². Вся эта масса пошла работать на свечные, салотопные и кирпичные заводы, бойню, паровые и водяные мельницы, железнодорожные мастерские, пивоваренный и чугунолитейный заводы. В том же 1915 году при содействии московского отдела ОПЕ (общества распространения просвещения между евреями России) были открыты школа и очаг³. К 1917 году в городе было организовано бюро труда ОРТа (общество ремесленного и земледельческого труда). В 1918 году при ОРТе работал клуб ремесленных учеников. В 1919 году был открыт еврейский рабочий клуб. Предположительно, он находился по улице Большой в переплетных мастерских.

Основная масса евреев-беженцев ютилась на частных квартирах у жителей города и у евреев-старожилов, плотно заселявших с конца 19 века исторический центр города (западную часть): улицы Почтовую, Товарную, Конторскую, Кривой переулок, Нижне-и Верхнеплощадные. Особенно плотно был заселен Кривой переулок — это семьи Руссов, Бельферов, Пасковых, Иоффе, Рабиновичей и других. В этом квартале звучали еврейские песни, речь, а из полуэтажа дома 28 по улице Конторской были слышны и молитвы — там до 1930-х годов располагалась синагога.

О синагоге нам рассказывал хранитель фондов музея А.С.Теркин:

«Этот дом №28 по Народной (бывшей Конторской) был уже полуразрушен. Иногда мы в детстве с друзьями находили в подвале разные

горшочки, сшитые плотные тряпочки, вроде страничек книги. Это были еврейские ритуальные предметы. Знать бы мне тогда, что я буду работать в музее...» Он же рассказал, что в этом доме с 1930-х годов располагалась контора ГУТАПа (городского управления транспортных и автоперевозок).

В эти же годы, предположительно, и была закрыта синагога, а контора еще долго располагалась в верхнем этаже дома. С этих пор верующие евреи совершали обряды в доме на кладбище, затем, со слов Г.З.Камельхара, в частном доме, у еврея Ингуровича по улице Ленинской (примерно 37-й дом — в том же еврейском квартале).

К сожалению, нам не удалось найти никаких достоверных сведений о раввинах, служивших в синагоге и руководителях еврейской общины — нет никаких документов. Мы думаем, что причина их отсутствия довольно проста: евреи, не особо надеясь на власть, решали свои проблемы самостоятельно. Приходится судить по косвенным данным — к примеру по активному участию в погребальных обрядах. Самыми активными называют врачей М.Ц.Брумберга (1940-е годы), Р.М. Фердинанда (1950-е годы) и офицера И.А. Резака (1960-е годы).

Но это только гипотеза. Община, в полном смысле этого слова, существовала где-то до 1950-х годов, когда численность евреев в городе резко сократилась.

Какова же судьба тысячи евреев-беженцев? Ведь по данным 1926 года из полутора тысяч гипотетически возможного еврейского населения оставалось 523 человека. Точных и документальных сведений об этом нет, но вероятнее всего, основная масса евреев вернулась в свои родные места. Многие уехали в 1917—1919 гг., когда в Борисоглебском уезде шла кровавая бойня между красными и белыми и между красными и мятежниками Антонова, между отрядами всех цветов и «зелеными братьями» из села Макашевка.

Кто-то из евреев тосковал по своей малой родине, по родным и близким, оставшимся по разным причинам на оккупированной земле. Многие уехали когда началось обобществление частных заводиков, артелей, цехов. Но те, кто остались в Борисоглебске, жили спокойно. Во время поиска нам не встретилось пока ни одного случая преследования, притеснения евреев.

* * *

В июне 1941 года 1,5 тысячи борисоглебцев ушли добровольцами на фронт. Среди них были русские, украинцы, татары, ар-

178 Иван Пажитнов, Павел Рябушкин, Светлана Сергеева

мяне и евреи. Более 60 евреев, учтенных военкоматом, полегло в сырую землю от Сталинграда до Берлина: рядовых, старшин, сержантов и офицеров, их имена выбиты навечно на плитах Борисоглебского Мемориала «Вечная память».

Бауманн П.Ф.
Безман Михаил Меношевич (рядовой)
Венифанд Илья Борисович (младший сержант)
Бобовник Меер Абрамович (старшина)
Богоявленский Петр Ильич
Буланец Ефим Власович (рядовой)
Ваиз Самуил Абрамович (рядовой)
Валитрауб Е.И.
Вашинский Николай Иосифович (рядовой)
Выраженский Ю.Б.
Габриель Иван Осифович
Грайсман Абрам Исаакович
Гуровский Самуил Исаакович (рядовой)
Дорфман М.М.
Дохудовский И.Ф.
Жовнер Леонтий Моисеевич (рядовой)
Жорковсжий Василий Иосифович (рядовой)
Заборсвский Яков Степанович (рядовой)
Зегельман Валентин Григорьевич (рядовой)
Катерский Г.Д.
Кац Ханкель Аронович (рядовой)
Кулинерский Зиновий Яковлевич (рядовой)
Лискер Борис Соломонович (рядовой)
Логинов Иосиф Дмитриевич
Маевский Георгий Георгиевич (рядовой)
Малин Григорий Ильич (сержант)
Марковский Василий Иосифович
Мелиоранский Владимир Иосифович
Мельшин Яков Борисович (рядовой)
Миллер Семен Яковлевич
Момот Владимир Ильич (рядовой)
Новгородский Абрам Савельевич
Нудельман Мануил Моисеевич (рядовой)
Нудельман М.С.
Ольховский И.Б.
Оскотский Абрам Моисеевич
Острожский Абрам Иосифович (рядовой)
Перков Михаил Абрамович
Подберецкий Марк Моисеевич (гвардии младший сержант)
Растошинский Леонид Семенович (рядовой)

Рейзнин Давид Самуилович (рядовой)
Ресин Евгений Абрамович (рядовой)
Римлянд Я.И.
Ромах Петр Егорович (рядовой)
Рыбчинский Евгений Иосифович
Рыжавский Яков Ефимович
Сагалович Михаил Борисович (сержант)
Скляр Иван Ильич
Скрытник Михаил Маркович
Стадник Иосиф Иванович (рядовой)
Таборийский Матвей Львович
Тафля Абрум Симхович
Туровский Самуил Исаакович (сержант)
Фабрицкий Петр Яковлевич (рядовой)
Цымбал Исаак Давидович
Шитц Борис Эмилевич
Шифрин Самуил Наумович
Шиховский Д.Е.
Шпак Николай Абрамович
Эрлик И.М. (рядовой).

Это список погибших из архива военкомата. Но поиски показали, как данный перечень не полон. Семен Русс сообщает нам о двух сыновьях врача Любарского и офицере-артиллеристе Бельфере Исааке Абрамовиче. Поиск продолжается...

Первый борисоглебский «сервис»

Не только одна из первых еврейских организаций была создана в Борисоглебске, но и первый еврейский сервис в сфере услуг населению — обслуживание на дому. П.Я. Мулвиджаниян с теплой улыбкой вспоминает: «В любую погоду и в любое время дня можно было услышать осторожный стук в окно. Выглянешь — там улыбочивые и опрятные, стоят Яша Рабинович с женой с тяжелыми кирзовыми сумками в руках:

— Говядина, свинина, баг'анина — надо? Здг'авствуйте!»

Супруги ходили по дворам, выясняли кто, где и когда собирается резать скотину, потом сами же помогали хозяевам в ее забое и разносили парное мясо по домам. Это тоже была услуга — помощь в реализации мяса: стоять на базаре часами или вести скот на бойню было невыгодно любому хозяину. А скотины до войны в Борисоглебске было немного. Даже улица называлась Выгонной (сейчас улица имени 217-й Стрелковой Дивизии), по которой исстари в пойме реки Вороны выгоняли для выпаса гурты овец и

180 *Иван Пажитнов, Павел Рябушкин, Светлана Сергеева*

коз и стада коров.

А когда поголовье поубавилось, Рабиновичи добывали свой товар на городской бойне. А товар у них всегда был высокого качества, и мясо им заказывали не только в еврейском квартале. Их всегда ждали в назначенный час, чтобы вновь услышать мягкое к вкрадчивое: «Говядина, свинина, баг’анина — надо? Здг’авствуйте!»

Из истории здравоохранения Борисоглебска

Евреи, как мы выяснили, стояли у истоков городской медицины. Во время поиска нам в центральной районной больнице дали брошюру «История здравоохранения Борисоглебска» (авторы — Ю.В.Лысенко, Г.Я. Кяшенко, В.И. Федоров).

В этой книге мы нашли списки врачей Борисоглебского уезда и аптекелей до 1904 года, хронологию развития здравоохранения в форме статотчета: когда и что организовано, построено, сколько койко-мест было в каждом году, проценты смертности и рождаемости и так далее. Но мы были рады этому источнику, хотя до сих пор недоумеваем по поводу того, что в брошюре нет ни одной фотографии! Фотоархив мы нашли позднее в том же административном корпусе, в библиотеке у Н. М. Трунаевой.

История медицины началась с Тамбова, где 23 февраля 1797 года медицинская коллегия назначила впервые членов Тамбовской губернской врачебной управы в следующем составе: инспектор — дивизионный штаблекарь Отто Гирш, оператор — дивизионный штаблекарь Яков Колен, акушер К.Я. Шеффер — говорящие имена и фамилии!

В списке врачей, работавших в уезде и в городе с 1861 года, мы нашли следующие фамилии:

*Акиштейн Иосиф Йосифович, земский врач, титулярный советник,
Сотсович Владимир Яковлевич, земский врач,
Рожновский Станислав Иосифович, земский врач,
Брумберг Моисей Федорович, городской врач,
Лунц Роман Осипович, земский врач,
Фрид Юрий Ефимович, земский врач,
Цитовский Моисей Залманович, земский врач,
Рубинов Шевех Мордухович, земский врач,
Нахимзон [...] Цалелевич, земский врач (запасной).*

С 1903 года о врачах упоминается вообще одной строкой, будь они любой национальности, зато перечислены все заведующие отделениями и подразделениями. В этом списке отмечен главврач ЦРБ Гирш Евсеевич Мирлин, работавший в

самые трудные годы войны, голода и разрухи (1941–1963 гг.). По рассказам П.Я.Мулкиджаняна, Мирлин, помимо работы в ЦРБ, читал курс «Внутренние болезни» в медицинском училище.

В годы войны заведующей поликлиникой работала Блюма Иосифовна Червяк. Список аптекарей тоже обрывается на 1903 году:

*Гутеман Оскар Романович, провизор с 1884 года,
Глуховский Казимир Варфаломеевич провизор с 1900 года,
Лан (не восстановлены имя к отчеству), провизор с 1903 года.*

Далее об аптекарях не упоминается. Как же могли больницы без них обойтись?! Нам повезло — в центральной аптеке нашлась книга приказов с 1941 года.

В годы войны заведующими аптекой № 21 работали две женщины А.Н. Тюнина (1941–1942 гг.) и А.Попова (1943–1946 гг.). Можно себе представить, какая ноша легла на их плечи в самые тяжелые годы. Здесь помимо городских и районных больниц нужно было снабжать всем необходимым еще 15 эвакуогоспиталей. Теперь выясняется, что был у этих женщин незаменимый и верный помощник — еврей. Вот приказ № 2 по аптеке № 21 от 2.12.42:

«На основании распоряжения зам. управляющего Воронежского обл. отделения ГАПУ т. Райцес от 2.12.42 г. аптечную т. Чиглову А.В. освободить от занимаемой должности.

Основание: распоряжение заместителя управляющего т. Райцеса. Подпись управляющей аптекой Тюниной А.Н.»

Приказ № 28 по Борисоглебской аптеке № 21 от 25 апреля 1946 года гласит о вступлении Райцеса Д.С. в должность управляющего.

В этой должности Давид Осипович Райцес проработал до середины 50-х годов. По сведениям старожилов, у него была любимая дочь Эсфирь, которая вышла замуж за Л.Д. Заслевского, но случилась беда: Заславский разбился во время полетов в нашем авиаучилище. Потом Эсфирь Давыдовна вышла замуж за преподавателя училища Семена Марковича Комского. У них родился сын Владимир. Сейчас все они живут в Израиле.

В архиве ЦРЗ мы нашли очень интересные фотографии врачей и медсестер, работавших в Борисоглебске, в том числе и фотографии одного из первых врачей города Н.Н. Масловского, с которым работал М.Ц. Брумберг. Особенно яркой фигурой в Борисоглебском здравоохранении в середине 20 века был терапевт И.Д. Зарцын.

С 1923 наше летное училище имело свой госпиталь, где тоже работало много военврачей. Среди них был Г.Г. Шаровецкий, слу-

живший в 60-70-х. годах.

Заслуженный врач РСФСР И.Д. Зарцын

Илья Давидович Зарцын родился в 1898 году в городе Вильно в семье врача. В 1903 году родители переезжают в Воронеж. Здесь он в 1916 году успешно заканчивает первую мужскую гимназию и продолжает образование на медицинском факультете Воронежского государственного университета. Обладая незаурядными музыкальными способностями, он одновременно учится в консерватории по классу скрипки. В 1924 году он заканчивает университет и консерваторию и получает два диплома — врача и музыканта. После окончания университета он начал работать в терапевтическом отделении 1-й железнодорожной больницы города Воронежа сначала стажером, затем сверхштатным ординатором и, наконец, штатным врачом.

В 1927 году Илья Давидович занял место заведующего терапевтическим отделением больницы в городе Острогожске, а с 1932 года до начала Великой Отечественной войны работал заведующим терапевтическим отделением в Борисоглебске.

Будучи мобилизованным в июне 1941 года И.Д. Зарцын служил старшим ординатором эвакогоспиталя №1918, начальником терапевтического отделения эвакогоспиталей № 2626 и № 1604, ведущим терапевтом санитарно-эвакуационного госпиталя № 1392. Демобилизовавшись в 1946 году в звании майора медицинской службы, он возвратился в г. Борисоглебск и занял свое прежнее место — заведующего терапевтическим отделением Борисоглебской 1-й городской больницы.

Илья Давидович — автор двух научных работ: «К вопросу о лечении столбняка» («Клиническая медицина» № 9—10 за 1928 г.) и «Поражение почек при малярии» («Врачебное дело» за 1937 г.).

В 1945 году И.Д. Зарцын был награжден медалью «За победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и орденом Красной Звезды. В 1951 году его личный вклад в развитие медицины в городе Борисоглебске отмечен правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

В августе 1960 года Илье Давидовичу присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР».

И. Д. Зарцын ушел из жизни в 1963 году.

Таков послужной список врача из книги «История здравоохранения Борисоглебска». А вот материалы нашего поиска по роду Зарцыных.

Илья Давидович умер от инсульта уже в Москве, куда он пере-

ехал после выхода на пенсию. Там его кремировали, а прах привезли в Борисоглебск и захоронили на городском кладбище.

И.Д. Зарцын — врач в четвертом поколении. Его отец Давид Осипович — известный воронежский врач-невропатолог, кандидат медицинских наук. Родной брат Давида Осиповича (дядя Ильи Давидовича) имел свою клинику в Варшаве.

Сноха Ильи Давидовича Зарцына Людмила Никитична Зарцына рассказала нам следующее: «Илья Давидович после войны искал дядю и его семью через Красный Крест. В 1946 году пришел ответ: «Дом и клиника Зарцына сожжены фашистами вместе с семьей и больными, находящимися на лечении».

Семейная жизнь Ильи Давидовича складывалась сложно. Первая его жена умерла в 30 лет, детей у них не было. Это было для него трагедией. Но вскоре он познакомился со своей второй женой Александрой Федоровной — тоже врачом. От этого брака родился сын Давид. На нем и закончилась династия врачей: после школы Давид поступает в геолого-разведывательный институт, а потом — романтика экспедиций по стране. Женился Давид на украинке Людмиле Никитичне Кошмар. У них родился сын Ильи Давидович Зарцын — продолжился род Зарцыных, но уже в химической науке: внук заслуженного врача стал доктором химических наук.

Когда Илья Давидович учился в университете, студенты и преподаватели спрашивали его: не является ли он родственником знаменитого невропатолога Давида Осиповича Зарцына? На это Илья с гордостью отвечал: «Это мой прадед!».

Илья гордится и своим дедом. Семейная реликвия — скрипка деда — хранится в семье Зарцыных в Воронеже. Интересна история этой скрипки. В 1944 году майор медицинской службы И.Д. Зарцын находился со своим госпиталем в венгерском городке Хотван. Во время очередного обхода города с группой офицеров Илья Давидович заглянул в один из подвалов полуразрушенного дома. Там играл на скрипке старый венгр, недоверчиво косясь на «русских медведей». Майор попросил скрипку... и потекла волшебная мелодия... По окончании игры венгры горячо аплодировали русскому офицеру, а прослезившийся старик подарил скрипку Илье Давидовичу.

Вот так сложилась история рода Зарцыных, прошедшего сложный путь: Варшава — Вильно — Воронеж — Борисоглебск.

Женская доля

Я, Светлана Сергеева, давно была знакома с Этей Абрамовной Финкель — моя бабушка, воспитатель детсада, дружила с ней, а моя мама училась у нее. Я с бабушкой иногда ходила к ней домой. Потом, в 8-10 классе, я ходила по ее просьбе в магазин, на почту.

До начала работы по теме я не задумывалась о национальности Эты Абрамовны, не интересовалась ее биографией — так, обычная старушка, каких много в нашем микрорайоне среди учителей-пенсионеров. Каждый мой визит к ней она угощала меня чаем, расспрашивала об учебе, школьных делах, спрашивала о планах на будущее. Когда я увлеченно и слишком эмоционально начала рассказывать о своих делах, Эта Абрамовна останавливала меня, учила сдержанности и такту. Последний раз я видела Эту Абрамовну 8 марта 2002 года. Я приходила поздравить ее от себя и от больной бабушки с праздником и сходила за молоком и хлебом. В последний раз: в апреле ее не стало...

К моему стыду, я не так часто ходила к ней в последнее время: нагрузки в школе, занятия в военно-патриотическом клубе «Отечество», разные бытовые заботы мешали мне уделить внимание старому человеку. Но на похоронах я была вместе с бабушкой и мамой. И так мне было стыдно за мою «занятость»...

А провожало Эту Абрамовну в последний путь более ста человек: коллеги по работе, учащиеся педагогического училища, ее воспитанники — учителя школ, техникумов, училищ и института, соседи.

Родилась Эта Абрамовна Финкель в 1922 году в городе Кузьмин Винницкой области. Ее родители — Хава Финкель и Абрам Идцевич имели мельницу, скупали в округе хлеб и продавали муку. Но Эта Абрамовна всегда писала в автобиографии, что отец был счетоводом, а мать — домохозяйкой. Отец умер в 1912 году. После его смерти на руках матери осталось пятеро детей.

Эта Абрамовна в 1936 году окончила семилетку и поступила в педагогическую школу городка Калининдорфа Николаевской области. Училась она, судя по аттестату, хорошо, неплохо владела устным немецким и украинским языками, а «з еврейской мови — добре».

В 1940 году она поступает в Николаевский пединститут, а в 1941 году умирает мать, начинается война, и Эта Абрамовна с семьей тети, Клавдии Абрамовны, эвакуируется в Челябинск.

В 1942 году Эта Абрамовна добровольцем уходит на фронт. Служила она радисткой в полку связи на Карельском фронте. Прошла всю войну. Была награждена медалью «Участник Великой Отечественной войны» и орденом «Великой Отечественной войны» (степень ордена уточнить не удалось).

На фронте Эта Абрамовна встретила свою первую любовь. Во-
евали вместе, но незадолго до Дня Победы ее любимый был убит.
Так она осталась вековухой. Эта Абрамовна оказалась однолюб-
кой и больше ни с кем уже жизнь свою не связала...

Когда я собирала материал, руководитель дал мне поэтиче-
ский альманах «Истоки», где я нашла стихотворение Т. Красновой
«Вековуха», которое, на мой взгляд, полностью отражает женскую
долю Эты Абрамовны:

*Вековуха, как известно,
Это если ты одна,
Если в двадцать не невеста,
Если в тридцать не жена,
Если в сорок так некстати
По-девчачьи стройна,
Спишь на узенькой кровати...
А была... была война.
Были бомбы, были танки,
Ливни крови. Ливни слез.
И солдатские останки
Под буграми у берез,
У дорог испепеленных,
Там, где шел последний бой.
Он погиб, в тебя влюбленный,
Он погиб, любимый твой.
Но всегда он — самый близкий,
В самом верном сердце — жив,
Ты глядишь на обелиски,
Руки к сердцу приложив...*

И тридцать с лишним лет педагоги в училище недоумевали,
что это Финкель, задолго до Дня Победы, так озабоченно суетит-
ся с корзинами для цветов, так настойчиво просит коллег сфор-
мировать группы учащихся для возложения венков и цветов на
Мемориальное кладбище. Ведь никто не знал о ее трагической
любви, потому что она скрывала все долгие годы. Скрывала за
озорным взглядом, за шуткой...

После войны Эта Абрамовна два года работала в детсаду города
Херсона. С 1948 по 1953 год работала инспектором-методистом и
заочно училась в Ленинградском институте имени Герцена.

С августа 1960 года работала преподавателем методики в Бо-
рисоглебском педучилище до 1994 года, уже будучи на пенсии..

Ее уважали коллеги, любили ученики. И теперь понятна их
любовь: не состоявшаяся как мать, Эта Абрамовна отдавала без
остатка свое нерастраченное чувство материнства чужим детям...

Педагогический труд Эты Абрамовны был отмечен разными

наградами: грамотами дипломами, званием «Отличник народного просвещения» и медалью «Ветеран труда». Все сведения о личной жизни Эты Абрамовы мне сообщила ее племянница Галина Иосифовна Ильяшова из Норильска.

История жизни журналиста Ю.А. Иориша

Семья Иоришей, беженцев из Харькова (1941 г.) переехала в Борисоглебск из Саратова в 1944 году. Семья была не полной: мать Фаина Иосифовна, ее брат Борис Иосифович и сын Юра 1930 года рождения. Фаина Иосифовна работала до выхода на пенсию преподавателем Борисоглебского педучилища вместе с Э.А.Финкель. Юра был вполне современным советским юношей: еврейского языка не изучал, молитв тоже не знал и обрядов не соблюдал. За всю семью это делала его тетя — сестра отца: она дружила с Фердинандами, Вайсбергами и Цитовскими.

Юрий Львович закончил школу и в 1944 году поступил в Борисоглебский дорожный техникум и по его окончании был направлен на работу в Ярославскую область, но в 1951 году он добился перевода на Терновский дорожный участок в Воронежской области. Как активного комсомольца, его примечает райком комсомола и приглашает на работу инструктором орготдела. Затем Ю.Л. Иориша переводят на должность ответственного секретаря районной Терновской газеты «Колхозное село». Там он влюбляется в молодую наборщицу типографии Зинаиду Васильевну Попову, и они играют свадьбу «по-терновски».

В 1961 году в СССР грянула еще одна административно-территориальная революция: Борисоглебский, Грибановский, Терновский районы временно перешли в состав Балашовской области. Произошла централизация средств массовой информации: в Борисоглебске, на базе газеты «Борисоглебская правда» открывается новая объединенная газета «Строитель коммунизма». Юрий Львович работал в газете корреспондентом сельхозотдела и литсотрудником. С 1964 года он возглавлял литературное объединение местных авторов. Ю.Л. Иориш дал путевку в жизнь поэтам, членам Союза писателей В. Велову, И. Лукьянову. Будучи уже ответственным секретарем, заботился и о самодеятельных авторах. Юрий Львович учил других и учился сам, заочно закончив филфак Борисоглебского пединститута и истфак Тамбовского пединститута. Его знали, любили и уважали в городе и в районе. Более 10 лет Юрий Львович вел журналистику на факультете общественных профессий в Борисоглебском пединституте. Сам стал

членом Союза журналистов в 1970 году.

Ю.Л. Иориш был активным и грамотным краеведом — его статьи о памятных местах города, о летописи военных лет публиковались в областных и центральных периодических изданиях. Он долго возглавлял партийную организацию редакции и типографии».

Вспоминает В.И. Тарабрин — его коллега еще по терновской газете: «Моторнее Юрия не было в газете человека. Он полностью отдавал себя работе, был трудоголиком. А упрямый был! Всегда добивался своей цели. И не скрывал своего происхождения: во всех анкетах упорно писал в графе «национальность» — «еврей». Со стержнем был человек. Жалко, что с семьей не получилось по-настоящему. И жена Зина такая хорошая женщина, а вот не дал Бог деток... Может, поэтому и горел на работе».

Еще Юрий Львович опекал ветеранов войны. Он до ночи правил корявые воспоминания, настаивал часто на их публикациях. Более того, он ежегодно в День Победы организовывал и проводил, как профессиональный ведущий, встречи фронтовиков, освобождавших Прагу и бравших Берлин.

В 1989 году Юрий Львович умер, и больше встреч с ветеранами не было. Встречи проводятся отдельно по предприятиям, в школах и т.д., но таких, как при Иорише — теплых и душевных — больше нет.

Дружба длиной в 70 лет

Встреча с Петром Яковлевичем Мулкиджаняном, коренным жителем города, была самой интересной и продуктивной в нашей работе. Он человек-легенда: 60 лет живет с пулей в голове! Его давно пора заносить в Книгу рекордов Гиннеса. Какую же надо иметь силу воли, силу духа и сколько мужества, чтобы с перекосенным лицом жить так активно в обществе!

Петр Яковлевич отучился в школе и поступил в медицинское училище на фельдшерское отделение. Там ему читали лекции врачи из ЦРБ: Мирлин, Иоффе, Цитовский и т.д.

После окончания училища П.Я. Мулкиджанян устроился фельдшером в здравпункт завода «Химмаш» и проработал там до пенсии. Несмотря на свое увечье, он активно участвовал в общественной жизни города, сотрудничал с районной газетой, до сих пор не расстается с фотоаппаратом. Петр Яковлевич со всеми бескорыстно делится своими материалами по истории города, своей семьи. Его старший сын Яков Мулкиджанян работает редактором газеты «Московский комсомолец» по Воронежской области.

188 *Иван Пажитнов, Павел Рябушкин, Светлана Сергеева*

Но более всего нас поразила его дружба со старшим товарищем с детских лет — евреем Семеном Руссом! По письмам С. Русса и рассказам П.Я. Мулкиджаняна можно написать целую работу о дружбе русских, армян, поляков и евреев в 30-е годы в еврейском квартале. Петр Мулкиджанян, Семен Русс, Павел Хачикян, Жора Печковский и другие. «В школе, на улице национальный вопрос не стоял, все мы, ребята разных национальностей, жили дружно» (из письма С.Русса).

Семен Русс, сын сапожника Шепселя Русса, в 1941 году поступил в Ленинградское военное училище, воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Дошел с боями до Кенигсберга. В 1947 году демобилизовался и прибыл в Казань, где учился в юридическом институте. Работал в милиции. С 1979 года полковник милиции в отставке. Поразительно, но С. Русс никогда не забывал своей малой родины. Он приезжал в родной город на встречи с одноклассниками, ходил на еврейское кладбище поклониться близким и соседям.

Более того, С. Русс, живя в Казани, вместе с П. Мулкиджаняном настояли на том, чтобы местные власти переименовали Кривой переулок. Теперь он носит имя их друга Георгия Печковского — Героя Советского Союза, погибшего на войне (музей его имени открыт в гимназии № 1 по улице Ленинской).

Семен Русс написал нам о семьях Бельферов и Эпельбаумов, занимавшихся, в основном на дому, портняжным делом. По его письмам мы нашли и сфотографировали бывшее помещение военторга, где работал первоклассным сапожником Шепсель Русс.

«А музыка звучит...»

В заключение нам хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, которые остались без ответа в работе Алексея Евстратова, и даже немного поспорить с ним.

Первый вопрос: почему многие евреи скрывали свое происхождение? Автор пишет, что это происходило от страха. Почему же тогда другие, как Иориш и те три еврея из последней переписи, упрямо писали, что они евреи? Они самые бесстрашные? Или у них полностью отсутствует чувство самосохранения?

Нам думается, что у многих евреев, помимо чувства страха, есть еще и чувство долга перед своим народом, чувство гордости за свой народ, но самое главное — это осознание своего истинного положения в современности, то есть жизнь в условиях громадной ассимиляции евреев в советское время.

А еще мешает признаться еврею его чувство такта. Как может повернуться язык у человека, если он, как и все мы, не может вспомнить своего рода далее бабушки, если смешал кровь, женившись на женщине другой национальности, если из родного языка знает только несколько слов, если не знает ни одной молитвы и никогда не держал в руках Торы.

Поэтому-то так искренне ответила на наш вопрос Любовь Самуиловна Арсентьева: «Какая я еврейка?! Меня папа в Борисоглебск привез совсем малышкой. Я жила как и все девочки: говорила на русском, вступала в октябрята и пионеры, пела русские и советские песни».

Второй вопрос не менее интересен и важен: есть ли будущее у борисоглебских евреев? По заданию руководителя мы долго работали, спорили и даже строили разные проекты. Вот один из них. В Борисоглебск приезжает почтенный, богатый, глубоко верующий и опытный в религиозных и общинных делах еврей, и начинает возрождение общины, синагоги, школы и так далее. Получится ли у него дело возрождения? Мы сомневаемся, и подтверждение нашим сомнениям нашли в журнале «Лехаим» в статье Амоса Оза на с.57:

*«Сердце у меня защемило, Отчаяние охватило душу,
безысходное отчаяние — каждый о своем к каждый только для себя...
И каждый в одиночку...»*

Конечно, это очень пессимистично, но пока еще не все потешно. На свадьбах, которые играют в Борисоглебске, звучат еврейские мелодии — у нашего ансамбля «Дилижанс» в репертуаре есть 4 еврейские песни.

Тоненькая ниточка из клубка далекого XIX века еще тянется...

Наши информаторы

Мулкиджанян П.Я. о С. Руссе и других евреях, живших в городе.
Русс Семен Сергеевич,

Зарцына Людмила Никитична, сноха Зарцына И.Д. о роде Зарцыных,

Ильяшева Галина Иосифовна о своей тете Финкель Э.А.

Трунаева Нина Михайловна, библиотекарь ЦРБ о врачах Борисоглебска.

Теркин Александр Сергеевич, хранитель фондов Борисоглебского музея.

Резак Юрий Исакович, оператор завода «Химмаш» о евреях города.
Арсентьева Любовь Самуиловна, бывший корреспондент борисог-

190 Иван Пажитнов, Павел Рябушкин, Светлана Сергеева

лебского радио, по телефону несколько слов о себе и об отце.
Рабичев Ефим Наумович, офицер в отставке, госслужащий, пенсионер, о себе и о семье Ясманов.
Клейман Григорий Давидович, корреспондент, беженец — о своем роде.
Тарабрин Валентин Иванович, журналист — об Иорише Ю.Л.
Нарольский Андрей Васильевич, пенсионер, выходец из Западной Украины — о заведующих аптекой.
Вихлянцева Валентина Семеновна, коренной житель «еврейского квартала» — о Руссах, Эпельбаумах и других.
Камельхар Григорий Зельманович, уроженец Борисоглебска — о синагоге на дому.

Примечания

¹ Российская Еврейская энциклопедия, т.4, статья о городе Балашове.

² Российская Еврейская энциклопедия, т. 4.

³ Так именовался тогда детский сад.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРМИ

Ора Зурабян

(ученица 7 класса школы «Ор Авнер Хабад», г. Пермь)

Целью данного исследования является изучение общих процессов еврейского образования в Перми, выяснение каким оно было в прошлом, чью эстафету переняли учащиеся открытой в 2002 году средней общеобразовательной школы с этнокультурным еврейским компонентом «Ор Авнер Хабад». Одна из задач, поставленных при исследовании данной темы – собрать воедино, сохранить все, что может стереться из памяти. Я изучала документально-письменные источники, фотографии, исторические и архивные материалы ГАПО, ГОПАПО, Пермского областного краеведческого музея, БТИ Пермской области, музея еврейской истории, фондов Пермской областной библиотеки им. А. М. Горького, беседовала с членами еврейской общины, собирала информации из частных архивов.

Хронологические рамки исследования – с 1869 года по сегодняшний день. В этом временном разрезе автор попыталась восстановить историческую реальность, становление, угасание и возрождение еврейского образования в Перми.

Хедер

Еврейское образование – это сочетание светских предметов и элементов религии. Именно для изучения основ иудаизма и слу-

жил хедер. Что означает это слово? «Хедер (хейдер) на иврите — «комната». Традиционная еврейская начальная религиозная школа для мальчиков в Восточной Европе и в России»¹. Первые упоминания о хедере в Перми датируются 1869 годом. «...в 1869 году в Перми был один «молельный дом», в котором размещался и хедер»².

В хедере основы грамоты, Торы и Талмуда преподавал меламед (в переводе с иврита «обучающий»). Там дети приступали к изучению «Алеф-бет» (алфавита) и отправлялись в путь к вершинам Торы.

Существование хедера в начале века связано с именем Ильи Исаевича Иоффе. Он был переплетчиком и имел разрешение на проживание в нашем городе. С Украины с ним приехала жена и три сына. Будучи человеком глубоко религиозным, Иоффе выписал с родины опытного меламеда³ для своих детей и их друзей. Он организовал небольшой традиционный хедер. Когда дети подросли, они посещали светские учебные заведения (школу и гимназию), однако еврейское образование не оставляли и изучали Тору и иврит во вторую смену.

В это время в России быстро развивалось сионистское движение. Этот факт благоприятно сказался на возможности приобщения большего количества еврейского населения города к своей культуре и образованию. Не только в стране, но и в Перми резко возросло количество еврейских издательств, увеличился выпуск газет и журналов.

Домашняя библиотека семьи Иоффе пополнялась новыми книгами, периодикой. Старший из сыновей Наум организовал издание журнала для учеников хедера и их родителей на иврите. В 1908 году вышел первый номер этого журнала.

Журнал делался вполне профессионально, с большой выдумкой, хотя редактору было 14 лет, а сотрудникам 10–12.

Он назывался «Катмей ха-дье» («Чернильное пятно»). Отдельные номера этого журнала сохранил внук Ильи Исаевича Иоффе, живущий в Израиле в городе Хайфа.

Преподавание еврейского вероучения

В Пермском реальном училище в конце XIX века преподавал еврейское вероучение раввин Леон Линденбрaten. «Процентная норма» для евреев составляла тогда 5%, что, вероятно, вполне обеспечивало нужды еврейского населения. По данным за 1869 год, у евреев один учащийся приходился на 36 лиц обоего пола, у православных — на 162, у магометан — на 267 человек. Это объяснялось не только древней традицией учиться, но и экономической специализацией еврейского населения, требующей определен-

ных знаний, и положения в обществе, в котором только высокая образованность давала шансы достойно устроиться»⁴.

Пермское отделение «Общества для распространения просвещения между евреями» и еврейское образование.

Это «Общество» решало много вопросов, связанных с еврейским образованием. Например, «Вопрос об улучшении преподавательского персонала в еврейских школах стал перед Комитетом Общества просвещения между евреями в России в 1900 году, когда Комитет занялся организацией школьного дела на широких началах. Реформируя школу, Комитет видел залог ее дальнейшего успеха и процветания в хорошем, преданном делу учителе»⁵.

Пермское отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России находилось по улице Осинской, дом 35.

Пермское отделение Общества оказывало посильную помощь учреждениям с еврейским образованием в городе Перми.

Сионистское движение в Перми и образование

Сионизм — это национально-освободительное движение еврейского народа в XIX — XX в.в. Основной идеей сионизма является соби́рание рассеянных по всему миру евреев на исторической родине.

«Идеи политического сионизма не миновали и пермскую еврейскую общественность. В циркуляре Министерства внутренних дел от 24 июня 1903 года говорится, что «возрождение еврейской национальной идеи враждебно ассимиляции и противоречит русской национальной идее» и предлагается «запретить агитацию за сионизм и деятельность сионистских организаций,.. запретить кружки иврита и публичные лекции». Несмотря на столь жесткий циркуляр, в Перми действовала сионистская организация из 87 членов... Штаб располагался в квартире учителя танцев Абрамовича, а библиотека (139 книг на русском языке, 49 — на идиш, 61 — на иврите, журнал «Восход» и др.) — в доме Вайнеров по улице Оханской»⁶.

Таким образом, сионисты Перми пытались, несмотря на запреты, сохранить доступ к еврейской культуре и образованию для евреев города.

Изучение еврейской культуры до 1917 года

Свой вклад в развитие еврейского просвещения вносили и люди, не принадлежащие к еврейскому обществу города. Так, например, Генрих Германович Генкель. Он организовал исторический кружок для гимназистов, который посещали и все преподава-

тели гимназии. Занятия вел сам А. Г. Генкель. Среди членов кружка был младший сын Иоффе — Владимир (Иерахмиэль — Зеэв), которому часто поручали делать доклады. Один из них был посвящен «золотому» веку еврейской поэзии в Испании (Ибн Эзра, Иегуда Галеви, Ибн Габироль и др.) Генкель был блестящим знатоком арабского и иврита, являлся автором работ по истории арабов и евреев и их литературы. В 1912 году выходила «Краткая еврейская энциклопедия», одним из авторов которой был А.Г. Генкель. Ему принадлежит и перевод на русский язык «Иудейских древностей» Иосифа Флавия.

Октябрьская революция и еврейское образование

Когда я рассматривала эту тему, мне пришлось столкнуться с довольно противоречивыми документами, отражающими различные отношения к вопросу о еврейском образовании.

С одной стороны: в докладе Пермского окружного комитета Уральской области отразил (1927 год) сказано:

«При господстве царей на Руси «иноподцы» (они так звали не великоросские народы) находились в положении рабов, над ними совершали всякое бесправие, зверское насилие и т.п., например, ... еврейские погромы... Только Октябрьская революция положила конец вышеуказанным подлостям, кровавым расправам и рабскому существованию различных наций... Для того, чтобы поднять...нации на соответствующую...культурную высоту, необходимо...помочь им...организовать у себя прессу, школы, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на народном языке (так говорит резолюция 10-го съезда нашей партии)... Степень обслуживания нацменов... крайне недостаточная и далеко отстает от русской части населения, охват детей нацмен населения области школами 1-й ступени, по данным УралОНО, представляется в следующем виде: ...евреи — 6%»⁷.

Таким образом, можно предположить, что забота послереволюционного правительства о просвещении, образовании и культуре национальных меньшинств является одной из ведущих сторон внутренней политики.

Но есть и другие документы, отражающие прямо противоположные взгляды на данный вопрос. В «Резолюции облсовещания партработников нацмен по докладу тов. Халилова о массовой работе среди нацмен на Урале» (15—18 мая 1927 года) говорится о том, что проведение национальных (народных) праздников использовалось «с целью проведения сельско-хозяйственной и антирелигиозной пропаганды»⁸.

«Изучение иврита и издание светской литературы были запрещены. Разрешалось издание литературы на идише..., а культурная деятельность на идише хоть и допускалась, но лишь под усиленным надзором. Органами

такого надзора являлись специальные еврейские секции (евсекции), учрежденные коммунистическими ячейками, которыми руководили «нееврейские» евреи... Начиная с 1919 года евсекции начали фронтальное наступление на евреев, используя в качестве ударной силы подразделения Чека...»⁹

Евсекцию РКП(б) в Перми с мая 1920 года возглавлял тов. Хазанов.

В Пермском областном архиве сохранилась предлагаемая Совнацмен при УралОНО схема доклада в которой в разделе «Борьба с клерикализмом и шовинизмом» указывается: «Борьба с национализмом в школе. Его влияние в национальных праздниках и в национальных предметах. Методы и форма изживания этих явлений»¹⁰. Образование имеет основополагающее значение в приобщении к национальной культуре, традиции, языку. Как же в условиях таких запретов оно могло быть полноценным? И могло ли это образование быть полноценным еврейским образованием?

Деятельность светской еврейской городской общины в сфере культуры и образования

Пермская религиозная еврейская община прекратила свое существование в конце 1918 года. Вскоре была организована светская еврейская городская община (по инициативе губернского комиссара по еврейским делам И.Ф. Хазанова). Община существовала до 1927 года. Она оказала положительное влияние на процесс еврейского образования того периода.

«В начале 20-х годов под эгидой светской общины в городе действовали: еврейская начальная школа, учебно-показательные мастерские, различные еврейские культурно — просветительные организации, библиотека»¹¹.

Община имела две учебно-показательных мастерских: столярную и чулочную. Являлась шефом школы 1-й ступени, содержит детский дом, библиотеку¹². Эти люди своей работой, принимаемыми решениями, посильной помощью, безусловно, вносили вклад в еврейское образование Перми.

Развитие еврейских литературно-драматических и театральных традиций и их взаимосвязь с еврейским образованием

Развитие литературно-драматических и театральных кружков расширяло возможности еврейского образования, пропагандировало еврейскую культуру.

В конце августа 1917 года «в Перми возник кружок любителей еврейского драматического искусства»¹³.

Позднее на его основе был создан еврейский рабочий клуб, как «учреждение культурно-просветительное, которое поможет развитию духовных и эстетических сил в еврейских рабочих массах»¹⁴. Еврейский рабочий клуб ежедневно посещало 15–20 человек.

В 1921 был организован «Еврейский литературно-драматический кружок». Задачами кружка были «ознакомление еврейских масс с еврейской литературой и культурно-историческими ценностями, развитие еврейского театра для изучения и постановки пьес на еврейском языке»¹⁵.

Литературно-драматический кружок организовал Владимир Иоффе. Он действовал в рамках культурно-просветительской комиссии еврейской общины. В кружке активно изучали ивритскую литературу, ставили пьесы на языке идиш. «Здесь проводились культурные вечера с докладами и чтением произведений еврейских авторов Залмана Шнеура, Саула Черняховского, Моисея Розенфельда. Среди сохранившихся докладов есть «Об основных этапах еврейской культуры» — серия лекций о Торе и основах иудаизма».

Пермский еврейский народный театр

Этот театр был создан и организован известными в городе людьми: семьями Каплицких и Скопец, Х. Гелт, А. Хавкиной. Еврейский театр находился в Доме культуры имени Ленина. Театр готовил по 3–4 премьеры в год. Актёрами этого театра были (в соответствии с афишей 1924 года, сохранившейся в фондах Пермского областного музея): Абрамсон, Каплицкий, Каценеленбоген, Маркович, Рушанская, А. Скопец, С. Скопец, Фейгина, Фишерман, Хавинский, Штейнберг. Это был довольно профессиональный коллектив. Все эти выдающиеся творческие личности внесли свой вклад не только в развитие еврейской культуры, но и в развитие еврейского образования, играя спектакли на идиш и знакомя людей с еврейскими произведениями.

Но впоследствии развитие культуры на идиш постепенно ослабевало из-за массовой ассимиляции и распространения русского языка.

В 1938 году группа неизвестных людей ворвалась в Дом культуры имени Ленина, изорвала декорации и костюмы еврейского театра. И театр прекратил свою деятельность.

Изучение иврита как основы еврейского образования

Иврит — первый и основной язык евреев. Он существует более 3000 лет. На иврите написаны Тора, Танах и значительная часть

Талмуда. Иврит при рассеивании евреев был вытеснен из разговорного обихода арамейским, греческим, персидским и другими языками еврейской диаспоры и остался языком образования, литературы, молитвы, делопроизводства.

Ученость в еврейском самосознании издавна считается высшей добродетелью. Традиционный подход подразумевает под этим знание Торы, а, следовательно, и иврита.

До революции знание иврита было более распространено. Но 1 января 1919 года Комиссариат по еврейским делам исключил из программы еврейской школы изучение иврита и Торы. Исключалась всякая последующая возможность изучения языка иврит в школе.

Обучение идиш

На протяжении веков евреи использовали и приспособляли к своим нуждам языки тех стран, в которых им приходилось жить, добавляя к ним слова и обороты из иврита и пользуясь древнееврейскими письменными знаками. Это привело к появлению и языка идиш в Германии. «По переписи в 1926 году 76% евреев Перми называли родным языком идиш. 35% евреев были грамотными на родном языке... в Перми работала начальная школа на идиш, библиотека, еврейский народный театр»¹⁶. Школа имела учебники на идиш, а библиотека — книги.

«Перед началом Первой Мировой войны и в ходе ее город начал пополняться евреями, высланными из приграничной полосы, а затем беженцами из западных губерний России... Эта волна переселенцев и депортированных оживила в городе культуру на языке идиш. Наряду с традиционными меламедами, обучавшими языку Торы, появились в Перми и частные учителя, обучающие детей языку идиш»¹⁷.

История еврейской школы

Еврейская школа I ступени № 12 (еврейская) находилась по улице Оханской 26. Школа открылась в 1910 году под названием «Русско-еврейское двухклассное училище». В России начальные школы повышенного типа — двухклассные начальные училища существовали с 70-х годов XIX века до Октябрьской революции в ряде уездных городов, крупных сел, на некоторых больших железнодорожных станциях, в частности, данное училище в Перми. Первый класс соответствовал трем годам обучения, второй класс двум годам¹⁸. 8 апреля 1914 года Пермское еврейское Общество подало прошение в Пермскую городскую Управу о выделении места под постройку школьного здания. 31 мая 1914 года место это было выделено и находилось во 2-й части города Перми, в 124 квартале, по Осинской улице. «Во время империалистической

войны, в связи с наплывом евреев — беженцев из оккупированных мест, была открыта при школе вечерняя школа для детей беженцев. В 1917 году обе школы слились в одну.. До 1917 года школа существовала на добровольные взносы местного еврейского населения и только в 1917 году она была включена в школьную сеть и стала получать средства от местного городского самоуправления. Школа обслуживает евр. население гор. Перми». (Из годового отчета школы №12 I ступени за 1924—1925 учебный год)¹⁹.

Организация работы школы

Организуя учебный процесс, школа руководствовалась «Инструкцией о порядке комплектования учащимися школ I и II ступени». Такая инструкция на 1924—1925 учебный год есть в материалах ГАПО. В ней четко определяется, что «...прием учащихся в школы I ступени... производится особыми комиссиями, организуемыми при каждой школе. В состав прием. Школьных комиссий входят: заведывающий школой, представитель профсоюза в г. Перми... представитель Горрайкома г. Перми...»²⁰

Во главе школы был Школьный Совет в составе: завшколой, представителей партийных и общественных организаций, родителей и учащихся.

С какого возраста дети могли посещать школу? В «Инструкции» сказано о том, что в первую группу школы I ступени в текущем году принимались дети, которым к 1 сентября исполнилось 8 лет; дети, которым к 1 сентября не исполнилось еще 8 лет — в школу не зачислялись ни в коем случае. Отступления в сторону увеличения возраста при приеме в I группу допускались в пределах 3-х лет.

Из разных вопросов, решаемых школой, наиболее важными являлись: изыскание средств на зарплату сверхштатного учителя для 4-й группы, приобретение еврейских учебников, переговоры с ОкрОНО о предоставлении школе подходящего помещения и изыскание средств на ремонт настоящего²¹.

Кто принимался в школу I ступени? Прием в такие школы в 1922—1923 годах производился по классовому признаку, т.е. дети рабочих и служащих, членов профсоюзов, трудового крестьянства, представителей свободных профессий и ремесленников, не пользующихся наемным трудом, поступали в первую очередь. Дети, которые обучались дома, (домашняя подготовка) принимались только на свободные места и в последнюю очередь.

Педагогический состав

Из имеющихся документов удалось установить, что с 1911 г. по 1915 г. школой-училищем заведовал Арон Бенцианович Левин, а с 1919 г. — Шоломон Ельевич Шемин. Впоследствии, в

архивных документах 1924—1925 г.г. он указывает свои инициалы как Шемин С.Н. (и даже прибавляет к подписи впереди заглавную букву «С»). Я сверила эти две подписи, а также тексты документов, подписанные данной фамилией, и сделала вывод, что это подпись одного и того же лица. Возможно, он после Октябрьской революции изменил имя и отчество на русские, как делали в то время многие. Жалование педагоги получали от Городского Отдела Народного Образования и, частично, от еврейской Общины. При школе квартир не имелось. Преподаватели жили в плохих условиях: Гарницкий в двух маленьких комнатах и кухне с семьей из четырех человек, Шемин Ш.Е. с семьей из шести человек (двое взрослых и четверо детей) в темной и сырой квартире и общей кухней с хозяйкой. Многие снимали комнаты: Стрижевский, Дворецкая и др. Педагоги получали обеды из «советских столовых».

В 1924 году в школе было 3 педагога.

Все педагоги школы принимали участие в общественной работе: в Горсовете, по ликвидации неграмотности, в еврейском литературном драмкружке.

Ежедневная подготовка к занятиям составляла:

1. Подбор материала к комплексам и подготовка к экскурсиям — 1,5— 2 часа ежедневно.
2. Работа с детьми — с 9 до 2-х часов дня.
3. Самообслуживание — с 2-х часов дня до 6-ти часов вечера.
4. Работа с населением — с 6-ти часов вечера до 8-ми часов вечера.
5. Подготовка к занятиям — с 8-ми часов вечера до 10-ти часов вечера.
6. Отдых, чтение газет — с 10-ти часов вечера до 12-ти часов ночи.

Учебный план

В «статистическом и информационном докладе о положении народного образования среди национальных меньшинств Пермского округа за время с 1-го октября по 1-е апреля 1924 года», направленном в Соцнацмен при УралОНО предоставлен довольно подробно составленный учебный план на II триместр Пермской Еврейской школы I ступени № 12.

1-я группа

Прочитав учебный план для этой группы, я обратила внимание на то, что достаточное количество тем было направлено на раскрытие перед учениками красоты природы, обучению через наблюдение видеть и чувствовать прекрасное. Например, темы: «Вскрытие рек», «Травки, растения и цветы», «Утренние сосульки», «Солнце и ощущение солнечного тепла».

Изучался в этой группе и родной язык. В учебный план по родному языку входили чтение и пересказ еврейских легких статей, заучивание наизусть легких стихов, плакаты. Дети учились по учебнику «Фур ди клейне киндер вечн» («Для маленьких детей») (автор — поляк) и «Фар идише киндер» («Для еврейских детей») (автор — Сидилковский).

И только во втором триместре, со сноской «в конце триместра», ученики знакомились с русским письменным и печатным алфавитом²². Использовался «Русский букварь» В.П. Вахтерева.

В документах фонда «Циркуляры, инструкции ГубОНО о работе по народному образованию среди нацменьшинств в 1923—1924 гг.» говорится о том, что «Русский яз. в учреждениях нацмен считается как обязательный предмет, преподавание такового начинается со второй группы...»²³ но в еврейской школе он изучался с 1-й группы.

Преподавался и упрощенный вариант (без учебника) арифметики.

2-я группа

У детей этой группы были староста, дежурные и собрания. Подключали детей этой группы и к трудовым процессам: «украшение классной комнаты, изготовление штор для окон и дверей, рисование плакатов и лозунгов». Оформлялись ими дневник группы и календарь погоды, диаграммы посещаемости и температуры. Ребята измеряли рост и объем груди в сантиметрах. Они были достаточно политизированы. Им преподавались темы: «профсоюзы и месткомы», «Пионерство и его значение для учащихся», «Смерть В.И. Ленина». Знания по родному языку уже были более обширны: чтение, письмо, пересказ, заучивание стихотворений, коллективное чтение, письма, вопросы и ответы, диалоги, грамматика. Обучались по учебникам «Ди найе шул» («Новая школа») 2-я книга (автор — Гохберг) и «Дас юдише ворт» 2-я часть (автор — Эльгин)²⁴. Изучали в этой группе, наряду с родным языком, русский язык (по учебнику «Мир в рассказах для детей» части I и II автора Ваятеровой) и математику (по учебнику математики автора Арженикова части II). Был и урок пения. О нем написано так: «В связи с русским и родным языками ведутся занятия по пению. Еврейские народные песни и русские песенки»²⁵. По естествознанию и еврейской истории проводились беседы.

3-я группа

Здесь изучение родного языка представлено более сложной программой: чтение, письмо, пересказ, стихотворения, драматизация, диалоги, диктанты, чтение сказок, басен и разбор детских произведений. Сочинения на темы из жизни школы, детского

клуба, природы. Использовался учебник «Дас идише ворт», часть III, автор — Эльгин. Третья группа начинает изучать еврейскую историю. Но каково же было мое удивление, когда стало очевидно, что извечные истины Торы, подменяются социалистической идеологией, древнейшие сюжеты «перекраиваются» под проводимую правящей партией политику (например, в теме «Идеи социализма в пророчестве Исая»). Изучали и другие темы: «Эпоха царей: Саул, Давид и Соломон, их государственная деятельность», «Разделение царств», «Социальное положение евреев, развитие классов», «Разрушение Храма; Изгнание евреев», «Ассирия и Вавилония», «Пророки — их социальное учение». Еврейская история преподавалась без учебника. Изучался и русский язык. Дети учили стихи Пушкина, Майкова, читали произведения Л. Толстого, Чехова, Тургенева, Мамина-Сибиряка, Аксакова. Писали сочинения на темы: «Дети бедняков и дети богатых» (на литературных примерах). Мне кажется, что не совсем разумно было таким образом прививать детям чувство классовой вражды. Но в то время были свои этические нормы. В учебный план по русскому языку входило и изучение правил правописания.

Русский язык дети 3-й группы изучали по «Книге для чтения» Льва Толстого и учебнику грамматики Державина.

4-я группа

Изучение родного языка пополнилось знакомством с образцами еврейской литературы. Учили составлять письма родным и товарищам. Проводили сочинения на свободные темы. Ученики готовили доклады о прочитанном. Родной язык изучался по учебнику «Дас идише ворт» (автор Эльгин) и разным брошюрам. Еврейская история этой группы преподавалась по учебному плану 3-й группы. По еврейской истории учебника не было. Вполне допустимо, что в тот период дети могли получать какие-либо знания и в семье. В учебном плане по русскому языку, наряду с чтением и разбором произведений Тургенева, Чехова, Горького, Степнякова и др., «всвязи с обществоведением» разрабатывались темы: «Крепостничество и свободный труд», «Город и деревня», «Как я хочу жить?». Изучали глагол, имя прилагательное, предлоги и др. По данному предмету у детей 4-й группы были учебники «Мир в рассказах для детей» (III часть) автора Вахтеревой и «Грамматика» Державина. По обществоведению изучался довольно большой временной период: от жизни первобытного человека до 1924 года. Были включены обязательные темы: «движение рабочих 1905 года. Зарождение и развитие коммунистической партии. 1917 год. Вожди февральской революции и ее значение. История комсомола»²⁶. Дети еврейской школы не имели возможности получить знания по таким «классическим» предметам, как иврит и Тора. Так как

Комиссариат по еврейским делам 1 января 1919 года исключил из школьной программы эти предметы²⁷.

Губернским комиссаром по еврейским делам тогда был И.Ф. Хазанов. Сыграл ли он решающую роль в этом или историческая действительность предопределила невозможность прикоснуться тем ученикам к родному языку и учению предков, сейчас сказать трудно.

Обеспечение учебными пособиями

В школе имелись учебники на идиш около 50-ти штук (по данным 1924 года). Все они были истрепаны и совершенно не пригодны для пользования. В архивах ГАПО имеется документ, датированный 1924 годом, в котором говорится о том, что Облсовнацмен предложил приобрести еврейской школе книги и учебники на еврейском языке:

Покровский. Русская история(краткий курс).

Циргер. Физика.

Зарецкий. В царстве железа.

Тюненов. История труда.

Хрестоматия. Дома, в школе, в поле, в лесу.

В «Годовом отчете еврейской школы №12 I ступени за 1924—1925 учебный год» в заключении говорится: «...на отрицательные стороны следует указать следующее: школьная работа тормозится в следствии недостатка учебных пособий, в особенности отсутствия соответствующих учебников на родном языке»²⁸.

Незначительную помощь в своей педагогической работе в виде учебников школа получала от Центрального Бюро Нацмена.

Контингент учащихся

Количество учащихся в школе на 1924 год составляло 73 человека. Из них в первой группе обучалось 17 человек, во второй— 23, в третьей— 17, в четвертой— 16. Кто были родители этих детей, к какому сословию принадлежали? В апреле 1924 года за исходящим № 111 был составлен документ в ответ на отношение за № 4532 в адрес уполномоченного нацмена при отделе народного образования, в котором указывалось к какому классу принадлежали родители учащихся: дети ремесленников — 35 человек, служащих — 7 человек, рабочих — 4 человека, прочих — 23.

Отсев учеников

В ноябре 1923 года за №79 в Совнацмен ГубОНО был направлен список учащихся школы №12 «оставивших школу из-за взимания платы: Герц Яков, Рутитейн Маня, Фингергут Яков, Фогель Рита, Прозументик Абрам, Тульбович Израиль, Лафер Борис, Ла-

фер Давид, Бергер И»²⁹. Тут же сообщалось о том, что 25 человек подали ходатайство об освобождении их от платы по бедности состояния.

Деткомы

Школьный коллектив возглавляли деткомы, которые делились на комиссии: библиотечную, санитарную и др. при деткоме функционировал и «товарищеский суд». Детком периодически проводил собрания, на которых обсуждал текущие вопросы школьной жизни (данные 1924 года). О деткоме говорилось: «Имеется самоуправление учащихся с подразделением деткома на следующие комиссии: санитарная, хозяйственная, организационная, редколлегия и библиотечная»³⁰.

Пионерский отрядовой

В школе имелся пионеротряд имени Буденного в количестве 75% от общего количества учащихся. Был уголок Ленина. В пионеротряде дети занимались физическими упражнениями, занимались в кружках, которые работали два раза в неделю. В школе издавалась газета совместно с пионерами, которая отражала пионерскую школьную и общественно-политическую жизнь. Имелась связь с рабфаком, как шефом пионеротряда.

Кружки

В школе на 1924 год имелись различные кружки: еврейский литературный, любителей естествознания, литературно-драматический, художественный. Чем дети занимались в этих кружках? Они читали литературу, разбирали прочитанное, делали доклады, проводили беседы, экскурсии.

Ученикам помогали педагоги. Они выступали в качестве лекторов, разрабатывали с ребятами программу работы кружков, предлагали темы докладов.

Проведение праздников в школе

Как и в любой школе, в еврейской школе сохранялась традиция проведения праздников. Но, к сожалению, традиционных национальных еврейских праздников и не могло быть в то время. Проводилась усиленная политика стирания граней между нациями. К ценностям этнической культуры доступа не было. В 1923–1924 годах праздники были другие: Октябрьской революции, Парижской коммуны, Международный день работницы и др. Дети готовили доклады на темы этих праздников, которые слушало и население.

Трудовое воспитание

Рабочая артель и рабочая комиссия

Часть детей (в 1924—1925 годах) была организована в рабочую артель и еще часть детей— в рабочую комиссию. Артель производила работы по оклейке зимних рам, очищала тротуар и школьный двор от снега (зимой), от мусора (весной). Рабочая комиссия совместно с завшколой производила хозяйственные закупки, украшала зал, сцену. На это трудовое воспитание затрачивалось около четырех часов в неделю. Своих мастерских в школе не было.

Дети занимались устройством «живого уголка», наблюдали за животными в нем.

При школе был огород, который обрабатывался школьным коллективом.

Помощь общины школе

В 1922 году в Перми открылась Еврейская светская община, целью которой было и удовлетворение и культурно-национальных запросов, является шефом школы I ступени³¹.

Чем же помогала община школе? «Община произвела ремонт в школе и выдает работникам школы единовременные пособия»³².

Завершение работы школы

Постепенно количество детей в школе снижалось, национальное содержание в учебных программах сокращалось. Кроме того, нарастало негативное отношение властей к еврейскому образованию. «Все это привело к тому, что... во второй половине десятилетия перестала действовать и еврейская начальная школа»³³.

В фондах архива музея еврейской истории имеется фотография школьников пятого класса школы № 10. В данном классе учились еврейские дети (пофамильный список на обороте фотографии). Автор делает предположение, что в этой школе могли формировать класс, состоящий из еврейских детей. Документальных или каких-либо других источников подтверждающих, либо опровергающих данное предположение установить в ходе исследований не удалось.

Позднее улица Оханская, где в доме № 26 находилась школа, была переименована в улицу Газеты «Звезда», 26, а улица Екатерининская (дом получил номер 72) была переименована в улицу Троцкого, 72 и вновь переименована в Большевикскую (дом № 72). Согласно правительственным документам — «Декрету ВЦИК от 20.08.18» и «Постановлению ЦИК и СНК СССР от 17.10.37» здание было национализировано и передано домоуправлениям №7, №29, №100 (по инвентаризациям домовладения от 1940 г., 1945 г., 1952 г., 1959 г.)

По карточке инвентаризации домовладений г. Молотова, составленной 15.06.45. в этот период в здании располагалась школа глухонемых.

Пермский еврейский детский Очаг

Среди многих народностей России — евреи оказались первыми, по которым тяжело ударили военные неудачи и общенародные испытания эпохи 1914—1916 годов. Выселения евреев в прифронтовой полосе и массовое беженство обрекли на скитания сотни тысяч. Поток еврейских беженцев хлынул во внутренние губернии России, в том числе и в Пермскую губернию, куда официально доступ евреям был раньше закрыт. Еврейская общественность нашего города была поставлена не только перед вопросом о срочной помощи и устройстве на новых местах высленцев, но и перед проблемой воспитания и обучения их детей. Нужно было решать эту задачу, порожденную войной.

В архивах ГАПО сохранился доклад, прочитанный на заседании очаговой комиссии 4-го марта 1917 года «Очаг и его роль в жизни ребенка». Очаг осуществлял дошкольное воспитание еврейских детей. Заведующим еврейским Очагом являлась С. Бранзбург. Председателем комиссии попечения о детях был С. Вершов. С 1-го февраля 1916 года по 31-е декабря 1916 года Очаг посетили 617 детей. Распределение по возрасту было таким: дети 3—4 года, 5-6 лет (большинство), 7—8 лет. По «Ведомостям прихода и расхода сумм» за это время можно увидеть, что деньги расходовались на продовольствие, наем помещения, отопление, освещение, учебные пособия, инвентарь, платья, жалованье персоналу и проч. Из продуктов в 1915 и 1916 годах приобретались: колбаса, сосиски, сушеные фрукты, яйца, сливочное масло и др. Детей старались хорошо кормить. В 1915 году одна из статей расходов была «Угощение детям на Хануку», а в 1916 году «Угощение детям и Хануко гельд» (Хануко гельд — мелкие монеты, которые дарят детям в этот праздник). Отсюда можно сделать вывод о том, что в еврейском Очаге придавали большое значение соблюдению традиционных еврейских праздников. На чьи средства существовал Очаг? Его содержала община. Были поступления денежных средств и от Отдела помощи жертв войны при обществе пособия бедным евреям г. Перми. В докладе имеется «Список жертвователей», которые помогали материально данному заведению. Из их числа наиболее значительные суммы пожертвовали: Вершовы А.Ф. и С.С., Гуревич М.А. и А.С., Бруштейн С.М., Красинский, Левины А.А. и С.Я., Маневич Р.С., Мильман, Фейгельман, Чертов А.С., Шапиро А.А. и др. были

и жертвователи, чьи фамилии не указаны, а проставлены только суммы. Правнуки этих людей по сей день живут в Перми.

Война, обрушившаяся своей тяжестью на детей, заставила обратить внимание на дело, которое было не особенно важным и спешным. В Очаг попадали дети из распавшихся семей или из семей с полной материальной необеспеченностью. Прежде чем знакомить детей с элементами еврейского образования, их приходилось сначала кормить, мыть, обувать, одевать, лечить.

Очаг стал учреждением, заменяющим детям потерянный родной дом. Задача педагогов Очага состояла в гармоничном развитии всех сторон ребенка: укрепляя его тело физическими упражнениями, они стремились дать соответствующее возрасту умственное развитие.

Приходилось считаться, прежде всего, с индивидуальным развитием, интересами, настроением. Для них проводили циклы бесед на темы: пища, одежда, жилище, взаимоотношения людей, виды работ, явления природы. Дети занимались рисованием. Большое значение придавалось и развитию речи: игра в картинное лото, игра в бирюльки, простые разговоры, сказки, рассказываемые педагогами и детьми — все это развивало способность ребенка излагать свои мысли.

«Со старшими детьми ведется еврейская грамота, т.к. еврейский — родной язык наших детей, на этом же языке дети и разговаривают, поют, декламируют, слушают сказки; кроме этого, дети знакомятся и со счетом, с геометрическими фигурами, весом, часами и разными мерами»³⁴.

Задаваясь целью научить детей работать и любить всякий труд, педагоги давали детям возможность заниматься, кроме рисования, лепкой, шитьем, вышиванием, вырезанием, плетением туфель и корзиночек, картонажными, столярными работами и изготовлением игрушек, а самые маленькие занимались работами по фребелевской системе. Все эти работы развивали ловкость рук и давали всевозможные умения ребенку, прекрасно дисциплинировали, укрепляли внимание, сообразительность, развивали глазомер и эстетические чувства (умение подбирать цвета).

Опыт работы очага в области воспитания еврейских детей бедноты показал, что эта работа должна стать постоянной, что Очаги должны существовать на равных правах со школами.

Еврейская библиотека

Еврейское образование немыслимо без еврейской книги. Еврейская библиотека давала возможность пополнения знаний, самообразования.

Первое упоминание в документах ГАПО о еврейской библиотеке относятся к 1921 году. В «Годовом отчете Пермской Городской Еврейской Библиотеки за 1921 год» указывается, что «Библиотека присоединена к Губполитпросвету в 1918 году»³⁵.

Находилась она по адресу: г. Пермь, ул. Оханская, 26. В 1921 году помещение библиотеки составляло пять комнат, комната для сторожики и кухня. Помещение было полукаменное и сравнительно удобное. Библиотечного Совета не было. В этом же здании располагалась еврейская школа I ступени № 12.

При библиотеке существовали культпросветорганизации: еврейский литературно-драматический кружок и детский кружок. Довольно энергично велась работа в детском кружке. В 1921 году библиотека насчитывала 873 еврейские книги, 753 русско-еврейские книги и 610 русских книг. Общее число читателей — 443. Из них дети — 203, взрослые — 240. В процентном отношении читатели составляли: рабочие — 12,6%, красногвардейцы — 2,8%, служащие — 35,55, учащиеся — 46,2%, домохозяйки — 2,2%, другие профессии — 0,7%.

В этом году было выдано 5066 книг. Из них: еврейских — 1254, русско-еврейских — 1962, русских — 1850.

В библиотеке имелся читальный зал, в котором проводились различные мероприятия, например, литературные собрания детского кружка, доклады (в феврале 1922 года «Палестинская проблема и еврейский пролетариат», вечера, выставки, в апреле 1922 года — памяти Лассалья и Тимирязева), концерты еврейской народной музыки, там можно было почитать газеты. В апреле 1922 года в рамках библиотеки был создан спортивный кружок «Маккаби». Библиотека и читальня работали с 3-х до 6-ти часов.

Как отмечалось в вышедшем в 1926 сборнике «Пермь. Сборник по истории, культуре и экономике города»: «Еврейская община содержит библиотеку»³⁶.

В «Годовом отчете Городской Еврейской Библиотеки за 1924 год» указывается, что в библиотеке уже не пять комнат, а одна. Число читателей заметно сократилось — всего 237 человек. Из них: детей и подростков — 140 человек, взрослых — 97. Рабочие составляли — 13 чел., красноармейцы — 2 чел., служащие — 28 чел., учащиеся — 150 чел., прочие — 44 чел. Общее количество выданных книг — 4836.

В «Статистическом и информационном докладе о положении народного образования среди национальных меньшинств Пермского округа за время с 1-го октября по 1-е апреля 1924 года», направленном в Соцнацмен при УралОНО говорится: «Работа существующих библиотек заключается только в обмене книг читателям. Устройство бесед и лекций производится только в еврейской библиотеке».

«В 1925 году еврейская библиотека находилась на ул. Троцкого, 72 (Большевистская)... О высоком духовном уровне общины этого времени свидетельствует эта библиотека, составленная в основном из даров прихожан... Была организована библиотека силами таких известных в городе людей как Х.Гелт, А.Хавкина, семей Каплицких и Скопец, приехавших в Пермь в годы Первой Мировой войны. Они привезли с собой высокую культуру»³⁷.

В 1933 году при Пермской центральной библиотеке стало функционировать отделение с еврейскими книгами³⁸. В декабре 1933 года был организован комбинат нацменбиблиотек. Он заключал договора с предприятиями на обслуживание литературой рабочих разных специальностей³⁹. Национальная еврейская библиотека в это время тоже функционировала.

Еврейский детский сад

Еврейский детский сад № 64 в конце 1930-х годов располагался по улице Орджоникидзе, 35. Анна Владимировна Томчина была директором этого детского сада. В фондах еврейского музея (находится в здании Пермской синагоги) сохранились фотографии праздников, которые проводили для детей, отдыха в Верхней Курье на даче. Дети находились в детском саду с понедельника по пятницу.

Л.М. Шпигель поделилась своими воспоминаниями:

«...Я любила этот садик. Еврейские дети посещали младшую и старшую группу. Заведующая детского сада Анна Владимировна говорила, что «мне не позволят делать... сад для еврейских детей». Она также подчинялась району. Наш детский сад очень отличался от других, там были самые добросовестные воспитатели. Питание детей было повышенное. К праздникам всегда были подарки с фруктами и конфетами и на обед также давали фрукты. Я помню, как на завтрак часто была рисовая каша на молоке, а на ужин — гречневая каша с холодным кипяченым молоком и толстыми пенками в нем. Заведующая детсадом Анна Владимировна была очень строгой и требовательной женщиной, но для детей она ничего не жалела. Благодаря ей детский сад регулярно летом выезжал на дачу в Верхнюю Курью, в сосновый бор... Очень любила я музыкальные занятия, которые проводила Маргарита Иосифовна, хотя внешне она была очень полная женщина, но душой она была очень живая, темпераментная. В каждом ребенке она старалась разбудить талант, так меня хвалили, как я танцевала. На музыкальных занятиях разучивали детские песни, я их помню до сих пор. Регулярно проводились на музыкальных занятиях коллективные танцы. Так мальчики пели лошадками, девочки наездниками и мальчики, одетые в узду с бубенцами, а девочки с маленькими ведерками пели на еврейском языке:

*Мы лошадок накормили
Их почистили, помыли.
Ты, лошадушка, стой,
Напою тебя водой.*

В последнее лето 1941 года... был последний набор еврейских детей в этот детсадик»⁴⁰.

Деятельность еврейского общинного центра «Менора» в области просвещения и образования

В 80-е годы XX века супруги Броха и Арон Бурштейн были инициаторами создания еврейского культурного центра «Менора». В его рамках начал работу еврейский исторический лекторий, стали вновь отмечаться национальные праздники, проводились встречи с представителями еврейского искусства и культуры. Броха и Арон Бурштейн отдавали все свои знания и силы делу приобщения молодого поколения к ценностям этнической культуры, языку, истории. Впоследствии культурный центр возрождает еврейское образование в виде дополнительного (воскресная школа). В Пермской еврейской газете «Йом-йом» №2 от 12 сентября 1995 года содержалась информация о том, что в воскресную школу принимались школьники с 11 до 15 лет и взрослые. В школе преподавались следующие предметы: иврит (2 раза в неделю), история еврейского народа, традиции евреев, еврейская музыка и песни, еврейские танцы. Работали квалифицированные преподаватели, прошедшие серьезную академическую подготовку⁴¹.

В 2002 году открыт детский сад.

От общины работает и библиотека, в фондах которой имеется литература по еврейской истории, культуре, традиции, а также произведения еврейских авторов.

Открытие школы «Ор Авнер Хабад»

В 2002 году при содействии раввина Залмана Дайч и рабанит Сары Дайч открылась первая школа с этнокультурным еврейским компонентом образования «Ор Авнер Хабад». Учредителем школы является г-н Леви Леваев — президент Федерации еврейских общин СНГ.

Создание этой школы явилось главной причиной приезда в Пермь раввина Залмана Дайч и его супруги Сары Дайч. Они приехали из Израиля от еврейского общинного центра «Хабад Любавич Ор Авнер» (в 1993 году фонд создал в память о своем отце г-н Леви Леваев).

В школе «Ор Авнер Хабад» не только получают качественное светское образование, но и изучают еврейские праздники, культуру, обычаи.

Из интервью с директором школы С.Н. Барановой:

«Миссию школы мы видим в возрождении и сохранении традиций, своей национальной культуры в Перми и области. Это значит, что школе предстоит проявлять свою значимость в деле сохранения и развития родного языка иврита, формирования еврейского сознания и идентичности. Сегодня в школе обучаются 58 учеников с 1 по 10 класс. Преподавание ведется на русском языке. В школе обучаются дети из еврейских семей. Обучение ведется по программам как базового, так и дополнительного образования. В программе базового образования этнокультурный компонент представлен изучением иврита, еврейской истории и традиции. Дополнительное образование представлено широким спектром предметов связанных с национальным искусством: танцами, вокальными ансамблями, изостудией. Образование в школе носит гуманистический, светский характер. Религиозного компонента нет. Мы, безусловно, имеем его ввиду, поскольку понимаем, что с одной стороны религия отделена от государства, но с другой стороны вся еврейская история — это история религии. Дети изучают еврейскую историю в том религиозном контексте, в каком она развивалась. Но это не означает, что наши дети изучают религию.

Поскольку средняя наполняемость классов не превышает 7 человек, в школе осуществляется дифференцированный и индивидуализированный подход в обучении.

Понимая, что образование — это целенаправленный процесс воспитания и обучения (ст. 1 Закон «Об образовании» РФ), мы определяем, что школа должна в первую очередь заниматься национальным воспитанием. А это воспитание в духе национальной культуры, в духе национального поведения, это воспитание тех качеств, которые отличают одну национальную группу от другой.

На сегодняшний день для нас важно подвести наших воспитанников к пониманию того, что они являются звеном в огромной цепи поколений. Поэтому воспитательная система школы конструируется так, чтобы всем детям была близка национальная еврейская культура, история, национальные духовные традиции и жизненные ценности, чтобы именно этим и через это они выражали свое национальное отношение к миру, к другим людям, к родным, к близким, к семье.

Если говорить о том, каким мы видим выпускника нашей школы, то это личность, имеющая современное качественное образование, еврейское мировоззрение и способность к успешной социализации в обществе».

Изучение иврита

Родной язык — это проводник, некое условие, позволяющее войти в свою национальную культуру, фундамент, на котором эта культура вырастает. На иврите написана Тора — источник еврейского познания.

Сам язык иврит традиция называет «лешон—кодеш» — святой язык. Насколько важно изучение этого языка в своем интервью автору работы определяет учредитель Сара Дайч:

«В рамках обучения в школе «Ор Авнер Хабад» учащиеся познают язык иврит. Мы придаем большое значение изучению языка иврит в еврейской школе и на это есть несколько причин. С самого начала еврейской истории язык иврит очень много значил. Еще одна причина важности этого языка — это единство народа Израиля, рассеянного по всем уголкам мира. Поэтому важно, чтобы был общий язык, на котором люди смогли бы общаться друг с другом... Есть также возможность переписываться или разговаривать с родственниками или знакомыми, которые живут в Израиле, поэтому знание иврита тоже очень важно. В нашей школе преподается язык иврит, что дает учащимся возможность изучать этот язык и даже говорить на иврите, в то время, как окружающие говорят на русском языке. Ученики занимаются не только теорией, но и практикой. Кроме обычных уроков у нас есть уроки чтения, разговорной речи и игры».

Изучение еврейской традиции

Еврейский народ существует уже более трех тысяч лет. Его образ жизни и философия, моральные нормы и календарь, обучение детей и взгляд на историю — все это и многое другое объединяется понятием «еврейская традиция».

В своем интервью мне преподаватель еврейской истории и традиции Кэрен Кустова говорит: «Для меня важно воспитать позитивные качества в характере ребенка, развить в нем национальное самосознание. Именно в дошкольном и школьном возрасте дети легче всего усваивают учебный материал и если им уже сейчас рассказывать о том, что такое еврейская традиция и что она значит для еврея, то в будущем эти дети станут продолжать обучать своих детей тому, что они знают и таким образом связь поколений не прервется. На мой взгляд, очень важно, чтобы каждый ребенок знал не только то, что он еврей по национальности, но и знал свои корни, свою традицию. Сейчас это в наших силах. Теперь у нас есть возможности дать детям то, чего были лишены их родители».

Изучение еврейской истории

Задача этого курса — дать представление учащимся о делении еврейской истории на основные периоды :

Эпоха праотцев (Авраам, Ицхак, Яков).

Из египетского рабства в Эрец — Израэль.

От завоевания Эрец — Израэля до разрушения Первого Храма.

От вавилонского плена до прихода римлян.

Разрушение Второго Храма и начало римского изгнания.

*Долгое изгнание.
Новое время.*

Дети школы пытаются изучить не только историю своего народа в целом, но и свои родословные, историю своих еврейских семей. Силами учеников и родителей в школе был организован проект «Наша еврейская память». Ребята записали рассказы о жизни предыдущих поколений, попытались отследить как отдельные исторические события повлияли на судьбы родных людей. Посредством данного проекта ученики школы более полно ощутили преемственность поколений, личности родных людей стали более близки и значимы для них.

Воскресная школа «Ор Авнер Хабад»

В настоящее время открыта для еврейских детей воскресная школа «Ор Авнер Хабад». Еврейское образование дети там получают в виде дополнительного. Занимаются в воскресенье. В игровой, интересной форме ученики этой школы приобщаются к истокам культуры, традиций своего народа. Они изучают иврит, используя многочисленные пособия, игры из Израиля. Музыкальный работник знакомит их с национальной народной музыкой и песнями, которые дети разучивают и поют вместе. Большое внимание уделяется изучению еврейских традиций, национальных праздников. Интересное общение, единство взглядов и интересов, внимательное, доброе отношение педагогов — все это создает довольно комфортную среду для детей воскресной школы «Ор Авнер Хабад».

* * *

В своей работе я сделала попытку изучить еврейское образование в Перми, рассмотреть его различные формы и специфику, а также проследить историю его становления, забвения и возрождения.

Национальная культура, история, язык за десятки лет оказались преданы забвению. И только через образование и просвещение еврейское население Перми может духовно воспроизвести себя, сохранить и развить нравственные ценности, формировать национальное сознание в новых поколениях. В открывшейся школе «Ор Авнер Хабад» передача национальных ценностей довольно эффективно осуществляется через учебный процесс. Дети имеют высокую мотивацию в учении. Данная школа, несомненно, явится средством передачи культурной традиции и духовного наследия из поколения в поколение.

Примечания

- ¹ Карманная еврейская энциклопедия. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. С.191.
- ² Баргтейл А. История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. С.11.
- ³ Меламед — учитель в еврейской школе (хедере).
- ⁴ Баргтейл А. История еврейской общины города Перми. Пермь, 2000. С.11.
- ⁵ Журнал «Новая еврейская школа» №9, 2001, С.59
- ⁶ Баргтейл А. История еврейской общины города Перми. Пермь, 2000. С.17,18.
- ⁷ ГОПАПО. Ф. 2, оп. 4, д. 183. Л. 36-38.
- ⁸ Там же. Л. 27.
- ⁹ Джонсон П. Популярная история евреев. М.: «Вече», 2001. С.514-515.
- ¹⁰ ГАПО. Ф. Р-23, оп. 1, д.176, Л. 56.
- ¹¹ Баргтейл А. История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. С.66.
- ¹² Пермь. Сборник по истории, культуре и экономике города. Пермь, 1926.
- ¹³ «Пермская жизнь», 1917, 24 августа.
- ¹⁴ «Известия Пермского губернского исполнительного комитета», 1918, 2 октября.
- ¹⁵ Пермь. Сборник по истории, культуре и экономике города. Пермь, 1926.
- ¹⁶ Чагин Г. Народы Прикамья // Прикамье многонациональное. Сборник.
- ¹⁷ Баргтейл А. История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. С.20,22.
- ¹⁸ Адрес-календарь Уральского района 1911 г., С.395,396. 1912 г., С.412. 1913 г., С.442. 1914 г., С.521.
- ¹⁹ ГОПАПО. Ф.118, оп.1, д. 508, л. 95.
- ²⁰ ГАПО. Ф. Р-23, оп.1, д. 176, л. 6.
- ²¹ ГОПАПО. Ф. 118, оп. 1, д. 508, л. 95 об.
- ²² ГАПО. Ф.Р-23, оп.1, д. 176, л. 43.
- ²³ ГАПО. Ф.Р-23, оп.1, д.176, л. 10.
- ²⁴ ГАПО. Ф. Р-23, оп.1, д. 176, л. 38.
- ²⁵ ГАПО. Ф.Р-23, оп.1, д.176, л. 43 об.
- ²⁶ ГАПО. Ф. Р-23, оп.1, д.176, л. 45 об.
- ²⁷ Баргтейл А. История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. С.64.
- ²⁸ ГОПАПО. Ф.118, оп.1, д. 508, л. 97.
- ²⁹ ГАПО. Ф. Р-23, оп.1, д. 176, л. 104.
- ³⁰ ГОПАПО. Ф.118, оп. 1, д.508, л. 95 об.
- ³¹ Пермь. Сборник по истории, культуре и экономике города. Пермь, 1926.
- ³² ГАПО. Ф. Р-23, оп.1, д.176, л. 42 об.
- ³³ Баргтейл А. История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. С.66.
- ³⁴ ГАПО. Ф. Р-23, оп.1, д. 64, л. 6.
- ³⁵ ГАПО. Ф. Р-478, оп.1, д.23, л. 1.
- ³⁶ ????. ?-23, ??1, ? 176, ? 49.
- ³⁷ Баргтейл А. История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. С.19,65.
- ³⁸ «????????? ? ?????????? ?????? ?????? ?????????????????? ??? ?????????? ?????????? ??????????» // «?????». 1933. 7 ???.
- ³⁹ «????????????? ?????????? ??????????????????» // «?????». 1933. 5 ??????.
- ⁴⁰ Воспоминания Шпигель Л. М. (Из личного архива А.Л. Баргтейл)
- ⁴¹ Межэтнический мир Прикамья. Том 2. М.: «Старый сад», 1996. С.185—186.

«И ПОВЕДАЕШЬ СЫНУ СВОЕМУ...»

Ора Зурабян

(ученица 8 класса школы «Ор Авнер Хабад», г. Пермь
Научный руководитель Г.Д. Селянинова)

Однажды для учеников школы «Ор Авнер Хабад» была организована интересная встреча с родителями, которые рассказали нам об их времени, о том, как они соблюдали еврейские традиции, праздники. И вот тогда меня очень впечатлили два рассказа.

Бабушка одной из учениц, Роза Ильинична, рассказала о том, как им в советское время было тяжело, почти невозможно соблюдать еврейские традиции. Когда она была еще подростком, ей приходилось перед праздником Песах (еврейской Пасхи) идти за выпеченной мацей ранним утром по улицам Перми. А мацу эту выпекали тогда сами из «давальческой муки», то есть принесенной самими людьми, в русской печи, на частной квартире. И делали это тайно. А почему? Потому что не разрешали представители той власти тогда это делать. Власть не признавала традиционных национальных праздников, а были только праздники «советские». И проводилась огромная работа для того, чтобы не только не разрешать их, но и стереть из памяти народа. Рассказала Роза Ильинична как ее останавливала конная милиция, и на вопрос о том, что у нее в наволочке, ей приходилось отвечать, что там грязные вещи, которые она несет стирать, чтобы не вызвать никакого подозрения. И бегом бежала она домой со свежесвеженной мацей.

Другой рассказ мамы одной из учениц школы Швецовой Ирины Израилевны был о старинной ханукии¹, которая хранится в их семье уже второе столетие. И ни за какие деньги они не согласны продать ее. Ведь это — самое сокровенное, самое драгоценное. Это память, которую не уничтожили сменяющие друг друга власти нашей страны, не уничтожило время и период забвения полноценной еврейской жизни.

После той встречи я очень долго думала о том, что сейчас для нас все доступно.

Но что было между тем временем «нельзя» и временем «можно»? Как евреи Перми соблюдали традиции своих праздников? Какие преграды были на их пути? Все это было очень интересно для меня. И я решила исследовать эту тему: говорила со старыми людьми, посещающими благотворительные обеды от «Джойнта», перебирала в библиотеке подшивки старых газет, прочитала много книг о том времени, чтобы представить себе те исторические периоды, через которые пришлось пройти еврейскому народу вместе с другими народами нашей страны, много работала в архивах (ведь очень трудно найти среди десятков тысяч страниц необходимое и нужное, а это сделать было надо, ведь архивные документы — это не просто листы бумаги, это чьи-то судьбы).

Дореволюционный период

И до революции в Перми жили евреи. Была синагога. Она находилась на улице Екатерининской, 116 (сейчас Большевицкая, 116). И был молитвенный дом на углу улицы Вознесенской, 67 (сейчас улица Луначарского) и Кунгурской (сейчас Комсомольский проспект) 36, который позднее переехал на Кунгурскую, 33). Конечно же, и в синагоге, и в молитвенном доме прихожане имели возможность исполнять заповеди и традиции, в том числе и традиции соблюдения еврейских праздников. Синагога объединяла людей.

В дореволюционный период евреи Перми встречали еврейские праздники вместе с раввинами в синагоге. Как это проходило, сейчас уже не представляется возможным узнать. А вот имена этих раввинов, которые вели свой народ от праздника к празднику, сохранила история: Ш. Рабинович (1879–1887), М. Холмянский (1889–1891), С. Друсвятский (1892), Л. Линденбратен (1893–1910), А. Левин (1911–1916)².

Послереволюционный период

Преследование иудаизма, религиозных традиций стали основой политики советской власти с самого начала.

После революции 1917 года повсеместно были организованы Еврейские секции (Евсекции) — органы специального надзора, учрежденные коммунистами, вся деятельность которых была направлена на запрещение традиционной еврейской жизни. В Перми такую Евсекцию возглавлял тов. Хазанов³. Эти органы проводили национальную политику советской власти, направленную на искоренение национальных традиций и замену их новыми, искусственно созданными мероприятиями (красные посиделки, школы и кружки политграмоты, агиткультурные гулянья и т.п.). Решения о проведении этих новых «культурных» мероприятий принимались на партийных съездах в рамках решений по национальным вопросам и грубо навязывались национальным меньшинствам. Это называлось «культурным обслуживанием национальных меньшинств». И вообще, мне кажется, само слово «нацменьшинства» звучит как-то оскорбительно и унижительно. Работая с архивными документами, я была поражена, что это слово «нацмен» применялось и к другим народностям: «туземцы Уральского Севера», «отсталые нацмен»⁴. В документе Евсекции города Перми «О задачах массовой работы среди рабочих и работниц нацмен на Урале и о работе Советов среди национальных меньшинств» говорилось: «Культработу среди нацмен — рабочих надо насытить политическим содержанием... Вся массовая работа среди национальных меньшинств должна быть включена в общую систему работы всех партийных, профсоюзных, кооперативных советских организаций»⁵. Вот так культработа среди национальных меньшинств в одночасье приобрела политическую направленность. В избах — читальнях и красных уголках того времени не отмечали национальных праздников в соответствии с тысячелетними традициями, а вся просветительская работа велась в рамках «усиления классовой пролетарской линии» и «коммунистического воспитания». «Заботилась» Евсекция и о «нацменках»: «Учитывая глубоко внедрившиеся среди женщин — нацменок бытовые традиции» (возможно, под этой фразой подразумевались и национальные традиции) предлагалось «практиковать организацию отдельных собраний и конференций работниц и крестьянок нацмен для обсуждения вопросов, способствующих повышению классового сознания работниц»⁶.

Евсекция даже разработала «Пятилетний план по культурно-му обслуживанию среди нацмен». Все было направлено «...для борьбы с классовым врагом, религиозностью и отсталостью», а также «родовыми, бытовыми, национальными и религиозными предрассудками». В одном из документов излагалась цель очередного политмероприятия: «...превращение национально — религиозных праздников в революционно — народные праздники...»⁷

В «Резолюции облсовещания партработников нацмен по докладу тов. Халилова о массовой работе среди нацмен на Урале» (15—

18 мая 1927 года) говорилось о том, что проведение национальных (народных) праздников должно использоваться «с целью проведения сельско-хозяйственной и антирелигиозной пропаганды»⁸. Евсекция была озабочена не тем, чтобы выпускать на национальных языках брошюры и книги о культуре и традициях «нацменьшинств», а необходимостью «...расширить практику издания в области на национальных языках важнейших постановлений руководящих организаций, важнейших законов и инструкций советских и хозяйственных органов»⁹.

Евсекция «преуспела» и еще в одном начинании. Было издано постановление о запрещении преподавания иврита в еврейских школах и о всеобщем переходе на изучение идиша (языка восточноевропейских евреев). Аргументировалось это тем, что иврит в то время не являлся разговорным языком для большинства еврейского населения (в быту большая часть еврейского населения пользовалась языком идиш) и поэтому он переводился в разряд иностранных языков. Но это было совершенно неправомерно, так как все молитвы, которые читаются в праздничные дни, написаны на иврите. И верующий еврей должен, согласно установленным законам, читать их сам. Запретными стали священные еврейские книги. Запрет на изучение иврита подрывал национальное воспитание, отнимал возможность полноценного знакомства с величайшим культурным наследием еврейского народа. «Даже те слова, что вошли в идиш из древнееврейского, в ...учебниках писались неправильно, согласно «советско-еврейским» законам правописания»¹⁰. Конечно, в таких условиях еврейскому населению, в том числе и в Перми, было довольно трудно сохранять и поддерживать свои этнокультурные традиции.

Но, несмотря ни на что, еврейские праздники проводились для верующих и всех, кто приходил в дни праздников в синагогу.

В 1918 году здание Пермской синагоги перешло в распоряжение местных органов власти. (Справка о культовом здании синагоги по ул. Большевистской, 116) и до 1929 года здание синагоги использовалось местной еврейской общиной на основании договора с Исполнительным комитетом.

Все это послереволюционное время продолжалась политика искоренения национальных традиций.

Вряд ли в то время могло быть иначе, ведь соблюдение национальных праздников считалось религиозными предрассудками и даже расценивалось как нелегальная антисоветская национальная деятельность, а те, кто их все-таки соблюдали, объявлялись «лицами, враждебно настроенными к советской власти» и преследовались.

В 1927 году в Перми существовало Еврейское культурно-благотворительное общества (ЕКБО). После обследования его дея-

тельности в «Постановлении» Окружного исполкома данной еврейской благотворительной организации вменялось в вину следующее:

«Кроме того ЕКБО в своей деятельности производило оказание помощи и в вопросах религиозных, так как была произведена в синагоге запись на нуждающихся в получении мацы на праздник Пасхи, приобретенной позднее на пожертвования»¹¹.

Как же могла вменяться в вину помощь тому, кто нуждается в ней?! Тем более что маца была роздана бедным евреям на пожертвования таких же евреев. Вот так новая власть учила людей быть безразличными и безучастными к судьбе другого.

В 1929 году по всей стране во время празднования Рош-а-Шана был проведен «осенний антирелигиозный поход», в результате которого десятки синагог, те места, где евреи собирались вместе на свои праздники, превратили в клубы. Но в Перми это противозаконное событие произошло несколько раньше.

В августе 1929 года (протокол №21 заседания Президиума городского Совета) было принято решение «учитывая массовые требования трудящихся города об использовании еврейской синагоги (новое здание) для культурных целей передать ТРАМУ (театру рабочей молодежи)». Договор с еврейской общиной был расторгнут¹².

В «Акте комиссии ликвидации имущества» ввиду закрытия синагоги от 23 ноября 1929 года в числе описанного имущества были:

«Подсвечник медный Ханукальный»¹³. Этот подсвечник был передан областному музею.

«Рог бараний»¹⁴. «Рог бараний» — это шофар, в который трубят в праздник Рош-а-Шана. Их было к тому времени два в синагоге. Тоже передано областному музею.

«Мегилес (свитков рукописн. еврейск. молитв)»¹⁵.

Свитки Мегилат Эстер в количестве пяти штук были оставлены верующим¹⁶.

Значит, можно сделать вывод, что до этого времени (1929 год) атрибуты праздников и культовые предметы имелись в синагоге и использовались по назначению в дни еврейских праздников: Рош-а-Шана, Ханука, Пурим.

30-80-е годы XX века

К сожалению, и этот исторический период времени был очень трудным для всех российских евреев, и, конечно же, для пермских евреев тоже. Взаимоотношения с укрепившейся советской властью были непростые. Государственное отношение к еврейской культуре и традициям оставалось прежним. Это касалось не

только евреев. В годы Советской власти все религиозные конфессии преследовались.

Искоренялся национальный дух народа. Укрепление еврейской религии и традиции было запретным и считалось антисоветской агитацией.

«В 1932 году была объявлена антирелигиозная пятилетка, которая к 1937 году должна была завершиться изгнанием самого понятия Б-га»¹⁷.

Велась отчаянная борьба за молодые души, и, в частности, еврейские тоже. Лозунги и призывы по радио, плакаты, листовки, газеты, отражающие веяния времени («Маца и кулич — одного поля ягоды!»), огромное количество агитационных брошюр влияло на еврейскую молодежь. Они начинали мыслить и жить, к сожалению, по-другому, отрываясь от своих корней и перерождаясь в новое поколение с новыми коммунистическими убеждениями. Они уже не знали основ традиционной еврейской жизни. Происходило отчуждение между отцами и детьми. И самое главное — это то, что уходило в далекое прошлое то время, когда еврейские дети могли обучаться у раввинов, которые воспитывали их в духе преданности своим традициям и законам.

Еврейские общины были упразднены. Сейчас нам с вами это трудно представить. Деятельность их могла быть только нелегальной. Это, конечно же, было опасно. Но и в это время тайно собирались евреи в своих домах, особенно в дни праздников, так как ряд праздничных молитв читается только вместе, минимум десять человек (миньян). Именно такие миньяны назывались «нелегальными еврейскими сборищами» и были нежелательны для правящей власти. Ведь в молитвах этих миньянов было обращение евреев только к Творцу, а не к обожествляемым партийным лидерам и «вождю всех народов», которым, (только представьте себе!) иступленно поклонялись люди огромной и бесправной страны. И поэтому такие праздничные молитвы расценивались как нарушение советских законов.

Но, несмотря ни на что, удавалось сохранять и соблюдать еврейские традиции. Из воспоминаний людей старшего поколения (которые посещают благотворительные обеды Джойнта), а им об этом рассказывали их родители, известно, что в то время какими-то немыслимыми путями привозились и распространялись в Перми еврейские календари на каждый год, чтобы знали точное время наступления еврейских праздников. Календари эти были не такие, как у нас сейчас с вами: яркие, большие, цветные. Они были простенькие, маленькие, рукописные, но такие бесценные для тех, кто брал их в то время в руки. Старые женщины в синагоге делились со мной своими воспоминаниями: кто-то о том, как в детстве не хотела убирать дом перед Шабатом и как ей «попада-

ло» за это от старших; кто-то о том, как на еврейские праздники приглашали их более бедную семью родственники побогаче, чтобы исполнить заповедь; кто-то о том, как мама запрещала делать любую работу в Субботу; кто-то о том, как перед каждым Песахом все женщины семьи мыли, стирали, убирали и белили в доме. На праздники готовили традиционные блюда, произносили благословения над зажженными свечами в Шабат и над вином (Кидуш), к Субботе старались запастись все вкусное и какие-либо сладости детям. Часто такие «шабатние» столы устраивали несколько родственных семей (так было легче). И традиционные еврейские блюда еще были на этих столах: гефилте фиш — фаршированная рыба, чолнт — мясо с фасолью и картошкой, которое «томилось» в печи, форшмак из селедки, фаршированная куриная шейка, морковный цимес и другие. На Хануку продолжали жарить «латкес» из картофеля, на Пурим пекли «гоменташ» с маком или повидлом. Сложнее было во время праздника Песах.

В 1937 году еврейским религиозным общинам официально запретили выпекать мацу. Государственные пекарни в стране выпекали мацу, но она была некошерна (непригодна). Но и тогда старались не забыть традиции. Готовили самодельное вино из изюма, мацу выпекали и дома, если не было возможности приобрести в месте выпекания для желающих евреев города, где пекли ее, конечно же, тайно.

И сами еврейские национальные праздники отмечали почти тайно. Почему спросите вы? А потому что за исполнение даже праздничных традиционных обычаев, например, участия в Пасхальном Седере, брали «на заметку» и даже могли выгнать с работы. И вряд ли кто-либо в это время решился не выйти на работу в особо праздничные первые два и последние два дня Песаха. Такой невыход на работу мог расцениваться как противодействие советским законам. Хватало и добровольных доносчиков, так как с тайным соблюдением национальных традиций власти боролись беспощадно.

Практически за период с 1937 года по 1946 год в архивах Перми не отложилось никакой документации об евреях Перми. Создается впечатление, что еврейская жизнь как будто замерла.

Советская власть вела к ликвидации еврейской национальности, а антирелигиозная политика коммунистической партии была еще жестче, чем антисемитизм царизма.

Но, как и предполагалось, еврейская жизнь в нашем городе не исчезла совсем. Если бы были забыты слова праздничных молитв, если бы не произносились пусть даже и шепотом благословения на субботние свечи, если бы стариками не продолжались выполняться заповеди и не был сохранен еврейский дух и вера, то невозможно было бы возрождение.

В 1946 году было вновь создано и зарегистрировано религиозное общество иудейского культа г. Молотова (Перми), которое прилагало все усилия для того, чтобы обеспечить евреям города возможность полноценного соблюдения традиций и праздников. Согласно «Учетной карточки на действующую синагогу», которая тогда находилась в арендованном доме по ул. Жданова, 48 со слов раввина Опенштейна Менделя Залмановича, в субботу синагогу посещало:

«60—70 человек и в последнюю пасху до 200 человек, главным образом за счет лиц преклонного возраста; около половины посещающих женщины»¹⁸.

Скорее всего именно для этих людей в 1947 году еврейская религиозная община добилась разрешения (от 24 марта 1947 года) на закупку 2—3 коров «для продажи кошерного мяса в пасхальные дни), а позднее получила разрешение от уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Молотовской области тов. Ичетовкина на систематическую покупку коров.

«Председателю еврейского религиозного общинного совета Кригман С.А., г. Молотов, Осинская, 48.

Согласно поступившего от общины заявления сообщаем, что с осени, т.е. с 1 сентября, по поступлении скота на рынок в продажу, община может систематически (по мере надобности у верующих) покупать выбракованный зооветперсоналом скот на кошерное мясо. Убой такового производить только через бойню мясокомбината...»¹⁹

Но чиновники всячески старались препятствовать еврейской общине в соблюдении традиций (а на праздники кошерное мясо было просто необходимо). У Уполномоченного Совета религиозных культов при Совете Министров СССР по Молотовской области тов. Сычева возникает беспочвенное подозрение, которое он выразил в своем письме Председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР о том, что: «...община вместо соблюдения нормальных религиозных обрядов занимается спекуляцией и наживой под вывеской религиозной общины»²⁰.

А основанием для этого вывода послужило, на его взгляд, чрезмерное количество, потребляемого евреями города мяса:

«После чего связался с работниками горфо гор. Молотова и установил, что еврейской общиной реализовано кошерного мяса в сентябре на 103 тыс. руб., в октябре 99 тыс. руб., ноябре 84 тыс. руб. и в декабре на 77 тыс. рублей, в декабре 1947 года куплено для этих же целей 12 коров на сумму 85 тысяч рублей, в январе и феврале реализовано кошерного мяса на 100 тысяч рублей»²¹.

И тов. Сычев изымает все ранее выданные общине разрешения и запрещает покупать скот для кошерного забоя и продажи

евреям. В письме Совета по делам религиозных культов г. Москвы от 5 марта 1949 года тов. Сычева просят разъяснить еврейской религиозной общине, что: «...продажа кашерного мяса может производиться только через торгующую сеть облпотребсоюза»²².

Но, в дальнейшем, обращаясь и в Горкоопторг, и в различные артели «Бытовик», «Горкоопсоюз», «Вперед», «Утильхимпром», «Коопсоюз», еврейская религиозная община так ничего и не добилась²³.

При политическом режиме Сталина, при проводимой им «генеральной линии» партии, велась идеологическая обработка населения с целью «воспитания человека социалистического общества» и, конечно же, сюда никак не вписывались евреи с их многовековыми традициями, с их праздниками, с их верой. Начинается совершенно бесцеремонное вмешательство в традиционный уклад жизни евреев, налагаются прямые ограничения на развитие еврейской национальной культуры, языка, религии. Все это коснулось и евреев нашего города.

Так в 1950 году под грифом «секретно» появляются документы, согласно которым ведется строгий контроль за еврейскими национальными праздниками, организуются наблюдения за евреями, посещающими в эти праздники синагогу, даются совершенно абсурдные установки, которые просто неприемлемы для верующих евреев.

Например, запрет на раздачу мацы бедным, но ведь «хэсэд» (милосердие) — это главный моральный принцип иудаизма! В одном из таких документов, отправленном в Москву Председателю совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР товарищу И.В. Полянскому от И.О. Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Молотовской области Н. Музлова сообщалось:

«В беседе предупредил раввина, что в дни празднования еврейского религиозного праздника пасхи нельзя в синагогах устраивать пасхальных трапез, нельзя допускать раздачи общинной мацы бедным... Разъяснено также, что произносимые проповеди могут быть только религиозного содержания. Располагаю сведениями, что в первый день еврейской пасхи, т.е. 2 апреля 1950 г. синагогу посетило 80–90 человек верующих, в основном, престарелого возраста, из них не более 20 женщин, молодежи и среднего возраста не было. В последующие дни пасхи посещаемость составила не более 30–40 человек также за счет главным образом верующими преклонного возраста... Неизвестны и факты нарушения трудовой дисциплины в дни пасхи верующими рабочими и служащими государственных предприятий и учреждений...»²⁴

О каких «нарушения трудовой дисциплины» упоминал тов. Н. Музлов? За евреями был установлен строгий контроль, целью

которого было не допустить в праздник Песах выходные дни работнику. В этот праздник заставляли работать. Следили и за учениками в школах, чтобы «несознательные» еврейские родители не оставили дома своих детей.

Среди других документов этого же года есть и те, в которых предварительно оповещается о датах еврейских праздников. В них говорится об оживлении в связи с этим еврейской жизни в городе, а также о мерах, которые необходимо принять местным руководящим партийным органам, чтобы не допустить привлечения в синагогу в праздничные дни большого количества евреев, «расширения без разрешения органов власти помещений синагоги путем пристройки» «шалашей, навесов» (речь идет о Сукке)²⁵.

В Государственном архиве Пермской области имеются документы 1951 года, подписанные Председателем еврейской общины Куцерманом. В них он приводит статистические данные о посещении синагоги в дни субботы и праздников: в осенние праздники Рош-а-Шана и Суккот синагогу посетили от 400 до 500 человек, а по субботам до 50 человек²⁶. Меня очень поразила эта цифра — до пятисот человек в праздники! И это тоже было не самое лучшее время для евреев. Сталинский антисемитизм достиг своего апогея! Продолжались аресты. Впереди было «Дело врачей» и маниакальная ненависть «отца народов» к евреям. Но в 1951 году полтысячи евреев встречали открыто праздник Нового года и Суккот в синагоге! Возможно, что они, перенесшие тяготы войны, закалились и стали меньше бояться, а может быть, эти люди поняли, что если не они будут продолжателями традиций, то кто же?

В других документах, адресованных Председателю Ленинского райисполкома г. Молотова тов. Пиликину С.С. рекомендуется предоставить исчерпывающую информацию о прохождении еврейских праздников в 1951 году и сделать сравнительный анализ с учетом нескольких предыдущих лет²⁷. Вот под каким «неусыпным» вниманием находились наши праздники. Даже из Москвы (Совет по делам религиозных культов) требовали предоставление докладной записки «...о прохождении еврейского религиозного праздника пасхи в 1951 г.»²⁸, которая была написана и отправлена по месту запроса: «...Пока удалось получить следующие сведения о прохождении еврейской пасхи. В канун праздника, т.е. 20 апреля синагогу посещало около 100 человек верующих, при чем 70—80 человек было мужчин и 15—20 женщин. По возрастному составу приблизительно было: 40 человек от 60—70 лет. 30 человек от 45—60 лет и остальные от 35 до 45 лет.

На второй день посещаемость синагоги снизилась и составила 60—70 человек, в таком же возрастном соотношении; последующие дни число посещающих сократилось до 30—40 человек.

Сравнивая добытые сведения с прошлыми годами, можно сделать вывод, что посещаемость синагоги в дни пасхи осталась на прежнем уровне, роста или сокращения не наблюдается.

Что касается раздачи мацы бедным, то самого факта раздачи не установлено, хотя удалось установить, что маца в довольно значительном количестве все же была приготовлена, но роздана очень умелыми, скрытыми способами. Стало также известно, что не без участия руководителей общины была приготовлено каширное мясо.

Для этого видимо одним частником на рынке приобретена корова, а затем приколота при участии раввина М.З. Опенштейна, задняя часть туши была продана на рынке, а передняя прямо с квартиры хозяина по цене 35 руб за килограмм...»²⁹

Вот так во время строжайшего запрета евреи нашего города все же пекли мацу, раздавали ее бедным. Много для этого сделал раввин Мендель Залманович Опенштейн. Он делал все, чтобы не забылись традиции праздников, чтобы эти праздники проходили с соблюдением всех заповедей. Его очень любили и уважали прихожане.

Календари еврейских религиозных праздников имели не только евреи, но и те, кто по долгу службы должен был контролировать эти праздники со стороны органов власти. В таком календаре на 1951 год подробно указывались все еврейские праздники и дни, в которые они начинались: «Пурим, Пасха, Рош гашоно, Сукос, Хануко» и др.³⁰

А евреи все продолжали посещать молитвенный дом в арендованном здании в Шабат и праздники. Их было уже меньше, чем раньше. Но тем не менее в Субботу приходили в молельный дом до 60–70 верующих, в Песах до 200–250. Так было в 1952 году³¹, а согласно справки «Посещаемости Молитвенного дома и проведения индивидуальных обрядов евреями за 1952 год» в осенние праздники 300 человек³².

И это было в то время, когда «...с 1952 года в стране началась компания борьбы с «еврейскими националистами». Преследовалось любое желание «обойти советские законы и подменить их еврейскими»³³.

А вот в 1956 году у наших пермских евреев молитвенного дома не было, т.к. договор аренды частного дома по улице Жданова, 48 между владельцем и еврейской общиной был расторгнут. После «дела врачей» хозяин боялся привлечь к себе лишнее внимание. Но и тогда они не впали в отчаяние, а собирались на праздничные моления на квартире: «...Пасху праздновали в квартире Типографа по ул. Луначарской, 92. Собирались 35–40 человек, молились, потом пили вино, кушали кур (каширных) и мацу»³⁴.

В большом уральском городе, где проживало довольно много евреев, только около сорока человек остались верны своим традициям, они встретили праздник Избавления (Песах) по всем правилам, в молитве, с мацей и кошерной едой.

Конечно, возможно, кто-то сделал это и дома, но эти люди встретили его согласно еврейской традиции в молитве и чтении Агады за всех остальных, за тех, кто отошел от своей культуры, кто ассимилировался и забыл заветы предков, стараясь за себя, за других, за тех, кто не старался. Ведь всегда, во все критические моменты истории, всегда есть хотя бы «горстка» сильных духом евреев, благодаря которым начинается новое возрождение.

И уже в 1959 году на стол Уполномоченного по религиозному культу национальных меньшинств при Пермском облисполкоме тов. Беляева ложится довольно конкретная просьба:

«С наступлением еврейской пасхи религиозные евреи производят выпечку мацы, так как все восемь дней праздника пасхи религиозные евреи не едят выпеченные продукты из квашенного теста.

Пермское еврейское религиозное общество просит Вас разрешить колллективу, состоящему из двенадцати человек согласно предлагаемого списка их состава, заниматься выпечкой мацы по заказу желающих религиозных евреев из давальческой муки, в количестве 1500-2000 килограмм. Выпечка будет производиться по ул. Кирова 194, дом Виленц.

Председатель — Кременецкий»³⁵.

И прилагался список этих довольно смелых людей, которые не только обнародовали через эту просьбу свои фамилии, но и указали адреса своего проживания. Это было во время хрущевской «оттепели».

Но санэпидемстанция города Перми выпечку мацы не разрешила, аргументируя свой отказ плохим санитарным состоянием помещения³⁶.

Опасаясь разжигания «националистических и сионистских» настроений среди еврейского населения, особенно в дни иудейских праздников и возможности «превращения синагог в центр всей еврейской жизни городов», Председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР разослал в сентябре 1971 года во все города, в том числе и в Пермь, постановление Совета по делам религий «О некоторых отрицательных явлениях в религиозных объединениях иудейского культа и о мерах по их ликвидации»³⁷. В этом постановлении поручается «принять конкретные меры по усилению контроля за иудейскими объединениями». В Перми эти «меры» были приняты и деятельность Пермской еврейской религиозной общины подверглась тщательному анализу. Был составлен и отправлен в Москву документ, в котором указывалось, что на 1971 год во время праздников в синагоге бывает до 50–70 человек:

«Мацу община в организованном порядке не закупает. Верующие достают ее в индивидуальном порядке, части верующим присылают родственники из г.г. Москвы, Ленинграда, Риги, Куйбышева и др., некоторые готовят сами»³⁸.

Глава исполнительного органа Пермской синагоги Я.М. Опенштейн, вызванный для беседы в уполномоченные органы надзора за деятельностью еврейской общины в этом же году уточнил, что:

«Потребность в маце составляет 1–1,5 тонны, которую часть привозят из Москвы, часть готовят, каждый для себя, дома. Привозят ее якобы частным образом, каждый для себя... иногда поддерживается связь с Московской синагогой. Запрашиваются календари для верующих, покупается маца...»³⁹

И казначей еврейского религиозного общества Сигал тоже отметил, что:

«Кошерное мясо приобретается очень незначительной частью евреев, мацу употребляют не все и достают ее частным путем — присылают родственники в посылках из г.г. Москвы, Ленинграда, Риги, Куйбышева... в прошедшие праздники на молении было очень много присутствующих»⁴⁰.

В календарях религиозных праздников за 1971, 1972 и вплоть до 1986 года с отметкой «для служебного пользования» Уполномоченного Совета по делам религий при совете Министров СССР еврейские праздники трактовались с атеистической точки зрения.

Если в 1971 году в документах «надзирающих органов» указывалось: «Общественной комиссией райисполкома осуществляется только внешнее наблюдение за синагогой, т.к. среди членов комиссии нет лиц еврейской национальности, знающих еврейский язык и могущих бы осуществлять наблюдение за содержанием богослужений и ведущихся разговоров»⁴¹, то уже в 1972 году такой наблюдатель появился. Он каллиграфическим почерком тщательно и точно описывает все, что происходит в стенах синагоги, в том числе и в дни еврейских праздников. Он пишет: «На этот раз (возможно, в связи с приближением иудейского «Нового года») моление протекало активнее... Приглашали посетить праздничное моление (27–28 сентября и 5–6 октября)»⁴².

Благодаря «Отчетам» данного товарища, скрупулезно описывающим историю повседневности еврейской жизни в синагоге, мы узнаем и о том, как проходили праздники. Например, 7 апреля 1974 года: «Еврейский праздник «Пасхи»... Сегодня собралось довольно много молящихся. Мужчин — 27 человек, женщин — 41...»⁴³

20 сентября 1975 года: «...ввиду праздника Сукос (Куши) в синагоге уже было около десятка верующих. К началу богослужения (10 часов) в синаго-

где находилось 16 мужчин и 7 женщин... Ш.Ш. Сегал показал ритуальное помещение «шалаш» в честь праздника»⁴⁴.

Значит, в 1975 году еврейская община уже имела официальное разрешение на строительство во время праздника Суккот «шалаша» и построила его, соблюдая заповедь этого праздника.

Из этого же источника я смогла узнать и о том, что печатных календарей еврейских праздников с хорошей полиграфией в то время в Пермской синагоге не было, а прихожане ценили и радовались даже «нарисованному от руки» календарю: «...Ш.Ш.Сегал с гордостью показал мне новое украшение — настенный календарь, нарисованный от руки, довольно аккуратно»⁴⁵.

По рукописным вариантам календарей, имевшихся у пермских евреев, они могли определять даты праздников.

Наблюдатель вновь побывал в синагоге во время праздника Песах в 1977 году:

«3 апреля 1977 г. Воскресенье, еврейская «пасха». Время наблюдения 9⁴⁰ — 11 час. Присутствовало: мужчин — 21 чел. (все в возрасте около 60 лет и старше, женщин — 6 чел. ...Моление осуществлялось по праздничному порядку и протекало значительно более длительно, чем обычно. Праздник начался накануне вечером...»⁴⁶

И в 1978 году: *«Отчет за наблюдении за богослужением.*

22 апреля 1978 года. Еврейская пасха. Синагога...Присутствовало 17 мужчин и семь женщин... Моление проходило с особой старательностью ввиду праздника...читали Тору. В заключение молитвы достали и вторую Тору, носили ее в футляре и торжественно целовали...»⁴⁷

В 1987 году на праздник Песах мацу пермские евреи получили из Харькова⁴⁸, также из Грузинской ССР, город Кутаиси:

«Мацу мы выписываем из Кутаисской синагоги по 5 руб. за 1 кг. Нам без мацы нельзя, а готовить ее надо в особых условиях и из особой муки. С пересылкой это и обходится дорого». (Из беседы с заместителем председателя совета иудейской религиозной общины г. Перми Гуляевой Клавдией Григорьевной)⁴⁹.

Вот так практически никогда не затухали совсем традиции еврейских праздников в Перми. Их поддерживали и верующие, и просто энтузиасты. Такими были Броха и Арон Бурштейн, которые в 1989 году (время более мягкого, лояльного отношения, связанного с перестройкой) создали еврейский культурный центр «Менора». В его рамках начал работу исторический лекторий, где рассказывали и об истории еврейских праздников и сами праздники начали отмечать более полно, массово, привлекая молодежь и детей. Они же явились инициаторами и устроителями в этом

же году ряда крупных мероприятий: вечера, посвященного праздникам Хануке, Пуриму — все это проходило в клубе телефонного завода г. Перми. А в 1990 году Арон Бурштейн организовал привоз мацы на Песах.

Эпоха перемен

В 1990 году в стране был принят закон «О свободе совести и религиозных организаций». И он положил начало оживлению еврейской жизни и возрождению еврейских национальных праздников. В 1991 году в город приезжают посланники, цель которых «поддержать национальное самосознание евреев», сделать доступным еврейский образ жизни. Одними из таких посланников были раввин Давид Друкман и господин Цви Бар-Йехуда. Они представляли культурно-просветительскую организацию Х.А.-М.А., которая в течение пяти лет до этого действовала подпольно, помогая евреям соблюдать заповеди, праздники, традиции своего народа. Приезд посланников стал возможным благодаря тому, что власти стали лучше относиться и даже приветствовать, поддерживать и уважать соблюдение национальных традиций и религиозных обрядов.

Но, конечно же, наибольшая заслуга в сохранении традиций еврейских праздников принадлежит еврейской религиозной общине г. Перми. Несмотря на ассимиляцию значительной части еврейского населения и его отход от своих культурных корней, борьбу властей с религией и государственный антисемитизм, еврейские национальные праздники отмечались евреями во все годы Советской власти. И в дальнейшем, в «Положении о иудейском религиозном обществе», принятом на собрании в мае 1991 года, значилось:

«2.1.Осуществляет регулярное проведение...праздников...»(раздел «Задачи и основные формы деятельности»)

«Духовной жизнью религиозного общества руководит раввин (хохам)-.Он ведет службы в будни и праздники...» (раздел «Структура и органы руководства обществом»)⁵⁰

При синагоге с 1991 существует Пермская еврейская воскресная школа. Там впервые за многие годы молодое еврейское поколение смогло в полной мере изучить и приобщиться к традициям своих праздников.

Изменилась политика государства, изменилось и отношение чиновников к еврейским «проблемам». Уже не отписки или всяческие искусственно создаваемые препятствия, а деловой и положительный подход просматривается в документах периода после

1991 года. Так, Уполномоченный Совета по делам религий обращается в производственное объединение «Пермское» по птицеводству:

«В связи с проведением религиозного праздника «Пасха» иудейская община г. Перми обратилась с просьбой о продаже им пятидесяти штук куриц для проведения обряда колки птицы. Прошу вас...оказать посильную помощь в реализации просьбы иудейской общины г. Перми»⁵¹.

На проведение праздника Рош-Ашана в 1992 году еврейская религиозная община города Перми имела 25000 рублей, почти столько же, сколько и на ремонт синагоги (30000 руб)⁵².

Еврейские праздники начинают освещаться и в прессе. В газете «Восток» за май 1993 года под рубрикой «Пасхальный седер на Урале» говорилось о том, что:

«4 апреля проводился учебный седер в воскресной школе. Адрес:ул. Большевикская, 116 (синагога). Начало в 11 часов. Присутствовало 60 человек. Проводил седер Шимон Юлис (Израиль). Для проведения пасхального седера использовался пасхальный набор, присланный ДЖОЙНТом. 5 апреля был проведен седер в синагоге. Присутствовали 160 человек...Пасхальный седер показывали по местному телевидению»⁵³.

С 1993 года раввином Пермской синагоги был Рафаэль Розен, прибывший из Иерусалима. Он, вместе со своей женой Хасей, много сил и времени отдавал детям, пробуждая в них интерес к своим традициям, организовывал еврейские праздники согласно заповедям.

Интересно, что с 1993 года календари еврейских религиозных праздников, предназначенные для пользования Уполномоченным Советом по делам религий⁵⁴, трактуют еврейские праздники совсем по-другому. В них нет уже оттенка иронии, свойственного атеистическому подходу к религии, нет предвзятости в утверждениях, а чувствуется уважение к национальным праздникам, основанным на вере народа:

«Рош-Ашоно — Новый год, день трубных звуков, который наступает первого числа месяца тишири (сентябрь — октябрь) и длится два дня. Это время самоанализа, раскаяния, угрызения совести за то зло (вольное или невольное), которое человек причинил другому. По традиции за месяц до Нового года начинают читать покаянные молитвы. В этот день трубят в шофар — бараний рог, в связи с этим этот праздник называют «праздником труб».

Сукос (Куци) — «праздник шалашей», недельное празднество в память того, что Б-г поселил евреев в кущах в пустыне после исхода из Египта. Название «сукос» происходит от еврейского слова «сукка», что означает «куща».

Пурим — праздник избавления евреев от нависшей угрозы полного истребления по замыслу Аммана в 335 г. до н.э. В Пурим устраиваются карнавалы и веселые представления, называемые «пурим — шпиль».

Пейсах (Пасха) — Пейсах в переводе с еврейского означает проходить мимо, миновать. А праздник этот связан с памятью евреев об исходе из Египетского рабства и т.к. евреи выходили из Египта с большой поспешностью, то им пришлось приготовить хлеб из не вскисшего теста. С этим связан известный пасхальный обычай — есть мацу, особый пресный хлеб, поэтому Пейсах называется иногда «праздником опресноков»⁵⁵.

Многие годы сохранить свои национальные традиции евреям Перми помогала всемирно известная организация The American Jewish Joint Distribution Committee (Джойнт). Начиная с 1990 года эта организация выпускала карманные календари. В них были напечатаны даты и время зажигания субботних и праздничных свечей. Выпускались также книги и брошюры, в которых рассказывалось об истории еврейских праздников, их заповедях и традиционном проведении. Это делалось для того, чтобы каждый мог жить ритмом еврейской жизни и ощутить себя частью еврейского народа. Несомненно, такая помощь была очень значимой, так как в то время на полках книжных магазинов не было соответствующей литературы, благодаря которой те евреи, в которых уже пробуждалось национальное самосознание, могли восполнить «духовный голод», тот вакуум, который окружал их десятилетиями.

История Джойнта в России началась вскоре после Октябрьской революции. Уже тогда эта организация оказывала посильную помощь евреям, разрабатывая разные программы в поддержку еврейских общин. Но в 1938 году представители Джойнта были вынуждены покинуть страну. В 1988 году Джойнт вновь пришел на помощь евреям, используя новые возможности для восстановления еврейской жизни в атмосфере предоставленной евреям свободы в религиозном и культурном отношении. Эта организация приобрела книги для библиотеки при синагоге, в фондах которой имелась литература по еврейской истории, традиции, культуре. Были разработаны различные программы, в том числе и программы проведения праздников.

Органы местной власти поздравляли в 1996 году евреев города с национальными праздниками:

«Иудейским общинам Пермской области.

Уважаемые сограждане!

Администрация и Законодательное Собрание Пермской области сердечно поздравляют вас с праздником Рош Ха Шана — Новым Годом!

Уважая иудаизм, составляющий неотъемлемую часть исторического наследия народов России, надеемся на дальнейшее сотрудничество орга-

нов власти и верующих на ниве милосердия и благотворительности, в духовном возрождении родного края.

Желаем вам и вашим семьям мира, благополучия и радости!

Губернатор Пермской области Г. В. Игумнов

Председатель Законодательного Собрания Е. С. Сапиро».

Были подобные поздравления и во все последующие годы.

В 1997 года раввином Пермской синагоги стал Давид Вайс. С его приходом значительно активизировалась еврейская жизнь города. Он делал все, чтобы вместе с членами Совета иудейской религиозной общины организовать доставку кошерного мяса, мацы, виноградного сока к празднику Песах. Также в соответствии с традицией этого праздника в синагоге была обновлена посуда.

Так постепенно, идя небольшими шагами, евреи города получали возможность возродить свое бесценное культурное наследие — еврейские национальные праздники, которые освещала первая еврейская газета города «День за днем». На ее страницах рассказывалось о праздновании Пурима (1987 год) в пуримшпиле которого принимало участие молодое поколение евреев: Юлия Немировская, Эдик Хволис, Яна Немировская, Женя Айзензон, Лева Скоп, Саша Гасенегер. Руководил этим коллективом детей Эдуард Захарович Кисельгоф, возглавлявший в то время еврейскую воскресную школу. Праздник проходил в кукольном театре, в который пришли нарядные и веселые люди. Как они, наверное, истосковались за все это время по звукам родных напевов, по открытому, радостному общению друг с другом!

Вот так, благодаря праздникам, возрождалось еврейское самосознание.

Примечания

- ¹ Праздничный восьмисвечник.
- ² ГАПО. Ф. 37, оп. 6, д. 1092.
- ³ ГОПАПО. Ф. 557, оп. 1, д. 198, лл. 2—4.
- ⁴ ГОПАПО. Ф. 200, оп. 1, д. 446, л. 21.
- ⁵ ГОПАПО. Ф. 200, оп. 1, д. 446, л. 19.
- ⁶ ГОПАПО. Ф. 200, оп. 1, д. 446, л. 19 об.
- ⁷ ГОПАПО. Ф. 200, оп. 1, д. 446, л. 25.
- ⁸ ГОПАПО. Ф. 2, оп. 4, д. 183, л. 27.
- ⁹ ГОПАПО. Ф. 2, оп. 4, д. 183, л. 20 об.
- ¹⁰ Осипова И. И. Хасиды. Спасая народ свой... М.: «Формика-С», 2002. С. 118.
- ¹¹ ГАПО. Ф. Р-115, оп. 1, д. 146, л. 188 об.
- ¹² Баргтейл А. История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. С. 17.
- ¹³ ГАПО. Ф. Р-176, оп. 1, д. 93, л. 1.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. Р-176, оп. 1, д. 93, л. 1.
- ¹⁵ ГАПО. Ф. Р-176, оп. 1, д. 93, л. 2 об.
- ¹⁶ ГАПО. Ф. Р-176, оп. 1, д. 93, л. 10.

- ¹⁷ Осипова И.И. Хасиды. Спасая народ свой... М.: «Формика-С», 2002. С.101.
- ¹⁸ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.2, д.3, л.28.
- ¹⁹ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.1, д.4, л. 3.
- ²⁰ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.1, д.4, л.3.
- ²¹ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.1, д.4, л.3.
- ²² ГАПО. Ф.Р-1204, оп.1, д.4, л.12.
- ²³ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.1, д.4, лл. 13, 14.
- ²⁴ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.2, д.3, л.24.
- ²⁵ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.2, д.3, лл. 67-72.
- ²⁶ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.1, д.5, л.202.
- ²⁷ ГАПО. Ф. Р-1204, оп. 2, д.3, лл.160-161.
- ²⁸ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.1, д.4, л.49.
- ²⁹ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.2, д.3, л.137.
- ³⁰ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.1, д.4, л. 50.
- ³¹ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.2, д.45, л.73.
- ³² ГАПО. Ф.Р-1204, оп.1, д.5, л. 258.
- ³³ Осипова И.И. Хасиды. Спасая народ свой... М.: «Формика-С», 2002. С. 171
- ³⁴ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.1, д.24, л.13.
- ³⁵ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.1, д.7, лл. 238, 240.
- ³⁶ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.1, д.7, л. 237.
- ³⁷ ГАПО.Ф.Р-1204, оп.2, д.22, л.30.
- ³⁸ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.2, д.23, лл. 23, 33.
- ³⁹ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.3, д.105, лл.163-165.
- ⁴⁰ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.3, д.105, лл. 166, 167.
- ⁴¹ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.2, д.23, л.34.
- ⁴² ГАПО. Ф.Р-1204, оп.3, д.105, л.169.
- ⁴³ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.3, д.105, л.175.
- ⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.1, д.105, л.181.
- ⁴⁵ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.3, д.106, л. 5.
- ⁴⁶ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.3, д.106, л.4.
- ⁴⁷ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.3, д. 106, л. 6.
- ⁴⁸ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.3, д.106, л.37.
- ⁴⁹ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.3, д.106, лл. 34, 35.
- ⁵⁰ ГАПО. Ф.Р-1204, оп.3, д.106, л.92.
- ⁵¹ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.3, д.106, лл. 89, 90.
- ⁵² ГАПО. Ф. Р-1204, оп.3, д.106, л. 118.
- ⁵³ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.3, д.106, л.130.
- ⁵⁴ Вероятно, речь в работе идет о сотрудниках областного Комитета по связям с религиозными организациями, либо какого-то другого подразделения областной администрации, занимавшимся этими контактами. Совет по делам религий был упразднен в конце 1991 г., в тот же период прекращается и деятельность его Уполномоченных.
- ⁵⁵ ГАПО. Ф. Р-1204, оп.3, д.50, лл.129, 130.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	000
-----------------------	-----

Люди и судьбы

<i>Алиева Наида.</i> «Еврейское счастье» Залмана Амдура	000
<i>Плешакова Ирина, Турутова Марина.</i> Простая история	000
<i>Федоркова Алена.</i> Чернобыльская судьба через две катастрофы	000
<i>Ткачева Алина.</i> В пространстве времени и судеб (История еврейского врача)	000
<i>Баланова Инна.</i> Потому что еврей... ..	000

Между Гитлером и Сталиным

<i>Малина Анна.</i> «Я новым именем открою боль поражений и обид...»	000
<i>Кружалина Анастасия.</i> Жизненный путь Бронислава Жака-Файфеля (Из Брод — в Усолье)	000

Катастрофа

<i>Караваева Снежана.</i> Полустертые камни «местечек»	000
<i>Жужлева Надежда.</i> Дети и Холокост. Опыты выживания	000

Следы еврейской жизни

<i>Медведев Александр, Сахаутдинова Римма.</i> О символах наших замолвите слово... ..	000
<i>Евстратов Алексей.</i> Следы еврейской общины в городе Борисоглебске	000
<i>Пажитнов Иван, Рябушкин Павел, Сергеева Светлана.</i> Борисоглебск — спасительная пристань	000
<i>Зурабян Ора.</i> История еврейского образования и просвещения в Перми	000
<i>Зурабян Ора.</i> «И поведает сын своему...»	000

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ И ПРАВООЩИТНОЕ
ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»
СОЮЗ КРАЕВЕДОВ РОССИИ
КАФЕДРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И УСТНОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

О Б Ъ Я В Л Я Ю Т

ЕЖЕГОДНЫЙ
ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
РАБОТ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

**«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ.
РОССИЯ — XX ВЕК»**

Главная тема конкурса:

Судьба человека в российской истории XX века.

Предлагаем участникам конкурса выбрать одно из следующих направлений исследовательской работы:

1. История семьи
2. Личность и общество
3. Человек и власть
4. Свои — чужие. Другая национальность, другая религия, другие убеждения
5. Человек и малая родина.

Это не означает, что мы ставим жесткие тематические рамки. Работа может быть посвящена любой другой теме, главное, чтобы она отвечала общей идее конкурса.

Ц Е Л Ь К О Н К У Р С А — побудить молодых людей заняться самостоятельными исследованиями, посвященными российской истории минувшего века. Ведь без понимания того, что принес XX век — один из самых драматических в истории России, невозможно понять настоящее или представить себе, какое нас ждет будущее.

Результаты прошедших конкурсов показали, что наибольшее количество присланных работ посвящено *истории семьи* или ка-

кой-либо человеческой судьбе. Это естественно — ведь именно через биографии, через свидетельства близких людей легче понять и представить себе прошлое своей страны, от которого нынешних школьников отделяют многие десятилетия.

Взаимоотношения личности, общества и государства — огромная и очень разнообразная тема, которая заставляет задумываться над тем, что значат в нашей сегодняшней жизни свобода, право, человеческое достоинство. Молодые исследователи, которые столкнутся с этой проблематикой, не должны ограничиваться простым описанием механизмов, посредством которых государство осуществляло свою власть над отдельным человеком и над обществом в целом. Не менее интересно найти свидетельства того, как люди отстаивали свою гражданскую и духовную свободу, как общественная самодеятельность противостояла государственному диктату.

Важно, чтобы вы обратили внимание на тему *свои — чужие*, на тех, кто живет или жил рядом с вами и принадлежит к другой национальности, к другой религии, придерживается других взглядов. Какова степень понимания и терпимости по отношению к этим людям — вот одна из наиболее важных тем нынешнего конкурса. Работая по этой теме, чрезвычайно важно исследовать исторические корни проблемы: кто и при каких обстоятельствах становился «чужим» в вашем городе или деревне — в ту или иную эпоху.

В рамках темы «свои — чужие», как, впрочем, и в рамках любой другой из обозначенных тем, Вы можете обратить внимание на такую интересную и малоисследованную тему, как история российских и восточноевропейских евреев. Исследования в этой области — истории конкретных людей, общин и даже зданий, помогут Вам узнать много нового об этой части российской истории, до сих пор окруженной почти непроницаемой стеной из мифов.

Удачной и интересной может также стать работа, в которой прослеживается история какого-либо здания, памятника, улицы, или, например, экспоната краеведческого музея. Предметом исследования также может стать и какое-либо значимое событие из прошлого вашего города, поселка или деревни, представленное в рассказах очевидцев, дополненных архивными документами и публикациями. Однако и в подобных работах должно быть выпол-

нено главное условие конкурса — эти улицы, эти здания, эти памятники должны быть связаны с конкретными человеческими судьбами.

Главное — мы не ставим участникам конкурса жесткие тематические рамки. Работа может быть посвящена любой другой теме, главное, чтобы она отвечала общей идее конкурса — **человек в истории**.

История повседневности — одно из ключевых слов этого конкурса и работа получится особенно удачной, если вам удастся наполнить ее живыми деталями ежедневного существования людей в прошедшие эпохи — деталями быта, описаниями культурной среды, конкретными примерами языковой лексики.

Исследовательская работа, присланная на конкурс, может быть оформлена как научная статья или записанный и прокомментированный участником конкурса рассказ свидетеля исторического события. Это может быть история чьей-либо жизни или история семьи, основанная на воспоминаниях, семейных документах, фотографиях.

Исторические источники, на которых строится конкурсная работа, могут быть самыми разными: устные свидетельства, материалы (в том числе и кинофотодокументы) домашних и государственных архивов, дневники, воспоминания (просьба присылать копии, а не подлинные семейные документы), статьи, подшивки старых газет и т.д. Однако, если вы хотите добиться успеха, необходимо, чтобы все документы были тщательно прокомментированы и подвергнуты критическому анализу. Это, собственно, и есть главный критерий оценки работы, хотя жюри, без сомнения, отметит найденный новый ценный исторический материал и умение участника конкурса излагать свои мысли.

Мы сознательно не ограничиваем вас в выборе жанра и темы, однако просим не присылать работ на 3–4 странички типа школьных сочинений, рефератов, целиком состоящих из книжных и газетных цитат, или чужих текстов, «вынутых» из Интернета.

Мы также приветствуем удачные поиски новых форм, например, в видео- или электронных вариантах. Однако работы, присланные в электронном виде, должны обязательно сопровождаться полным текстом на бумажном носителе. К фильму обязательно должен прилагаться сценарий.

Лучший видеофильм будет отмечен специальным призом жюри.

Работы на конкурс обязательно должны быть снабжены титульным листом, где следует указать:

фамилию, имя и отчество автора (полностью),
адрес автора с почтовым индексом,
класс и номер школы,
по возможности телефон (просьба писать печатными буквами).

Если работа выполнена под чьим-либо руководством, просим вас указать фамилию, имя, отчество и должность руководителя (полностью).

Просим также приложить аннотацию (краткое содержание работы); использовать сквозную нумерацию страниц ваших работ и прилагать список всех дополнительных материалов.

Желательно прислать два экземпляра работы.

Документы, фотографии, аудио- и видеозаписи (если только основной работой не является сделанный вами видеофильм) служат лишь приложением к тексту.

Работы должны быть набраны на компьютере, или перепечатаны на машинке. Допустим и текст, написанный от руки, если он легко читается (просим не присылать ксерокопии с рукописных работ).

Не забудьте о библиографии: все источники, которыми вы пользовались в своих изысканиях и на которые ссылаетесь, следует в ней отразить.

Участники конкурса: мы приглашаем принять участие в конкурсе учащихся средних учебных заведений России в возрасте от 14 до 18 лет. Работа может быть выполнена как индивидуально, так и коллективно. Если в качестве наставников начинающих исследователей выступают учителя, родители и даже профессиональные историки, это будет только приветствоваться. Единственное условие: роль руководителя и степень его участия должны быть обязательно отражены в соответствующей записи. Работы, выполненные коллективно, должны быть снабжены кратким описанием истории их создания, чтобы жюри могло оценить вклад каждого участника.

Срок отправки работ на конкурс можно узнать, позвонив в Оргкомитет или найти на сайте конкурса <http://www.konkurs.memo.ru>

Подведение итогов. Результаты конкурса объявляются в мае. Для подведения итогов конкурса авторов 40 лучших работ приглашают в Москву, где им вручаются ценные призы (компьюте-

ры, видеоманитоны, фотоаппараты, диктофоны). По решению жюри и оргкомитета 5 победителей получают возможность поехать в международные школы лауреатов исторических конкурсов.

Авторы 100 работ, получивших высокую оценку экспертов и жюри, награждаются книжными подарками, которые высылаются по почте. Все приславшие работы на конкурс получают свидетельство участника конкурса.

Три лучших учителя или наставника, помогавшие конкурсантам, по выбору жюри приглашаются в Москву и награждаются ценными подарками. 100 лучшим наставникам высылаются благодарности и книжные подарки. 30 наставников, активно участвовавших в конкурсе приглашают в Москву для участия в научно-практическом семинаре.

Присланные на конкурс работы после подведения итогов не возвращаются и хранятся в специальном архивном фонде, открытом для всех желающих (оставляйте себе копии!). Лучшие работы публикуются полностью или фрагментарно в ежегодном сборнике «Человек в истории» на безгонорарной основе.

* * *

Конкурс проходит при поддержке
МОО «Открытая Россия» (РФ)
Фонда Форда (США)
Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ)
Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ)

* * *

Просим заранее сообщить нам о намерении участвовать в конкурсе. Делать это необязательно, но, получив вашу заявку, мы вышлем вам методические и информационные материалы.

Заявки и работы следует присылать по адресу:
Россия, 127051 Москва, Малый Каретный переулок, 12, Международное общество «Мемориал»,
«На школьный конкурс».
Тел.: (095) 299-65-04 (с 12.00 до 18.00)
Факс: (095) 973-20-94
E-mail: konkurs@memo.ru
<http://www.konkurs.memo.ru>

ПОЛУСТЕРТЫЕ СЛЕДЫ

Российские школьники о еврейских судьбах

Издательство «Мосты культуры-Гешарим»
ЛР № 030851 от 08.09.98

Оригинал-макет и верстка *Суховой А.В.*

Формат 60 x 90 / 16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 16,5
Подписано в печать 14.04.2006
Тираж 1000 экз. Зак. №

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета